

Руфин,
пресвитер Аквилейский

Жизнь пустынных отцов

Руфин Аквилейский

Жизнь пустынных отцев

«Сибирская Благовонница»

Аквилейский Р.

Жизнь пустынных отцев / Р. Аквилейский — «Сибирская
Благовозвонница»,

Руфин, пресвитер Аквилейский, – церковный писатель IV века. Приняв монашество, он долго жил в египетской пустыне, где познакомился с великими подвижниками. Свой рассказ об отцах-пустынниках он предваряет словами: «Попытаюсь рассказать о каждом в отдельности... Они обитают в пустыне, рассеянные и разделенные по келиям, но соединенные любовью... ищут правды и Царствия Божия, и все это, по обещанию Спасителя, прилагается им... Некоторые из них молитвою останавливали стремительность рек, угрожающую затопить соседние селения, переходили по воде как по суку, укрощали лютых зверей и совершали многие и бесчисленные чудеса, напоминающие чудотворения пророков и апостолов, так что нельзя сомневаться в том, что их добродетелями стоит мир».

Содержание

Благочестивому читателю	5
Введение	10
I. Христианские подвижники до святых Павла и Антония	10
II. Святой Павел Фивейский	14
III. Святой Антоний Великий	20
IV. Путешествия в Египет IV века	33
V. Писатель книги «Жизнь пустынных отцев»	40
Пролог	41
Глава 1	43
Глава 2	55
Глава 3	58
Глава 4	59
Глава 5	60
Глава 6	61
Глава 7	62
Глава 8	70
Глава 9	72
Глава 10	78
Глава 11	80
Глава 12	82
Глава 13	83
Глава 14	84
Глава 15	85
Глава 16	87
Глава 17	90
Глава 18	91
Глава 19	92
Глава 20	94
Глава 21	95
Глава 22	96
Глава 23	97
Глава 24	98
Глава 25	99
Глава 26	100
Глава 27	101
Глава 28	102
Глава 29	104
Глава 30	107
Глава 31	109
Глава 32	111
Глава 33	112
Эпилог	113

Руфин, пресвитер Аквилейский

Жизнь пустынных отцев

Благочестивому читателю

После плачевного отпадения от Бога в человеке произошла печальная перемена. В нем образовалась тайная, безмолвная сила, непреодолимо влекущая его к земле, к благам и наслаждениям мира сего. Это было вполне естественно: не направляясь более вверх, к живому, святолюбящему Богу как к высочайшей цели желаний, дух человеческий по необходимости низвергается вниз, в мир земных благ, с беспокойно-страстным желанием наполнить образовавшуюся с удалением от Бога пустоту. И вот – нет конца и нет насыщения... Не насытится око зрением; не наполнится ухо слышанием, и вот – все суета и томление духа (Еккл. 1, 8, 14). Множество *конечных* целей никогда не удовлетворит духа с его *бесконечными* стремлениями.

Ни у одного народа это всецелое увлечение внешним миром не выразилось в такой яркой, вполне законченной – до художественности – форме, как у древних греков. Всеми силами души, всеми своими стремлениями они погружены были во внешний чувственный мир, смотря на земную жизнь как на законченное целое и почти совсем не задумываясь о жизни вечной. Как дивно прославляли они блага земной жизни! Какая чудесная картина разворачивается пред нами в песнопениях Гомера! Земная жизнь человеческая во всех ее проявлениях предстает здесь пред нами, вся облитая лучами чарующей поэзии.

«Никогда земля и небо не сияют столь лучезарным блеском, как после грозы, бури и проливного дождя. Так и в песнях Гомера мы ощущаем как в целом, так и в частях – свежую, цветущую юность человечества» (Шеллинг). Весь мир полон дивной гармонии! Нигде нет разлада – ни в жизни природы, ни в жизни человеческой. Даже несчастья, даже слезы не портят того жизнерадостного ощущения, которое получается при чтении Гомера. Они лишь не более, как игра света и тени в чудно-прекрасной картине. Все божественно и все человечно! Смысл жизни – в самой жизни, в наслаждении ее дарами.

*«Сладко вниманье свое нам склонить к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье, как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая, как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми, как из кратер животворный напиток
Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может!»¹*

Однако что ж это? Среди прекрасного праздника, каким представляется расцветающая жизнь дивной красавицы Эллады, слышатся глубоко-грустные нотки...

*«Листьям в дубравах древесным подобны сыны человеков;
Ветер одни по земле развеивает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает; и с новой весной возрастают.
Так ведь и люди: одни нарождаются, те погибают»².*

¹ Одиссея. Песнь IX, 2–11

² Ср.: Илиада, VI, 146; XXI, 464.

А за гробом – Ахилл желал бы быть лучше последним рабом на земле... Да, тот же жизнерадостный Гомер говорит, что

*«Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека!»³*

И чем дальше, тем эти нотки звучат все грустнее, пока не переходят в вопль полного отчаяния...

*«Лучшие совсем не рождаются! А затем – для живущего лучшее благо
Скорей возвратиться туда, откуда пришел он!»⁴*

Прошло много веков... Гомеровские пиры отошли давным-давно в область смутных преданий. Вместо героев, увлекавшихся боевой славой и кровавой корыстью, вместо гостей, увенчанных миртом и розами и весело пирующих под звуки музыки, вместо веселых хороводных песен – явились другие люди, с другими стремлениями... Не чарующие дубравы, не светло-струйные ручьи, не изумрудное море, не очаровательные ландшафты веселой Эллады – нет! – ужасающие египетские пустыни, одинокие пещеры – вот что теперь привлекало взоры и внимание целого света. Суровые подвиги воздержания, умерщвление плоти, страшные лишения, слезы сокрушения, непрестанная молитва, отречение от суетных радостей мира – вот что вдохновляло этих новых людей.

Но всмотритесь: зато в них нет и тени той грусти, что омрачала уже веселые песни Гомера. Не ведая радостей мира, они до глубокой старости бодры и радостны духом и твердо знают, что этой радости ничто не отнимет у них, ни даже самая смерть...

Так еще задолго до появления христианских отшельников человечество глубоко разочаровалось в благах земной жизни. Горькие восклицания: «Суета сует – всё суета!» – послышались во всех концах мира: и на берегах Ганга, и в великом духовном центре тогдашнего образованного мира – в Александрии, и в столице мира. Великий опыт прожитых тысячелетий не пошел бесследно.

Евангелие открыло миру новый, неведомый язычеству смысл жизни. Пред очами души засияла новая красота, пред которой поблекла красота мира сего. В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей жить для смерти и умирать для жизни. Огонь, низведенный Спасителем на землю, огонь любви божественной, – воспламенил новую жизнь в сердцах людей, оживотворил дух в его высших стремлениях, воссоединив с Богом, Источником жизни, – и не было границ самопожертвованию, с каким отдавались первые христиане служению Богу живому, явившемуся во плоти. Полки мучеников, сонмы подвижников, устремившихся в пустыни, чтобы в возможной полноте осуществить святые евангельские заветы, – вот чем истомившееся человечество приветствовало Евангелие!

Тем удивительнее в наши дни слышать искусовые речи о том, что люди, как древле в язычестве, должны позабыть о небе и все свои заботы и труды, все радости и надежды ограничить земной жизнью, что рай надлежит искать там же, где его потеряли, что Царствие Небесное следует создать здесь, на этой бедной и грешной земле, среди этого больного, расстроенного грехом человечества. А если были времена, когда люди сознавали, что наше житие на небесах есть (Флп. 3, 20), когда, в пламенном стремлении к нетленным сокровищам на небесах (Мф. 19, 2), отрекались от земных радостей и удалялись в пустыни, такие времена обзывают веками мрака, невежества... Не будем удивляться таким речам! Спасаящая сила Божия живет и действует среди тех же сынов Адама, среди того же расстроенного и обессиленного грехом человечества с его глубоким, врожденным ему стремлением к низу, к земле... С грехом, с тяготением к земле мы родимся на свет, и, чтобы ослабить его силу, мы должны вступить в борьбу

³ Илиада, XVII, 446.

⁴ Софокл. Эдип в Колоне, 1225.

с ним, войти в *подвиг*, притом – при смиренном сознании собственной немощи, при постоянной молитве о помощи свыше. А это не так легко, как следовать врожденным наклонностям, гнетущим нас к низу, шаг за шагом увлекающим к более и более глубокому падению, пока не ослепнет ум, не заглохнет совесть, не ослабнет воля...

Вот почему долг христианской любви к ближним властно повелевает насколько возможно чаще напоминать людям об их высшем призвании, о том, что *наше житие на небесех есть*. Но чем другим возможно напомнить об этом, как не повествованием о тех, которые всеми силами души отдавались стремлению к высшей духовной жизни, которые решительно и бесповоротно отрекались от мира, от того мира, в котором – *похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская* (1 Ин. 2, 16)? И вот, пользуясь рассказами свидетелей-очевидцев, мы войдем вместе с читателем в чудесный мир бесконечного самоотречения, мужественной, не знающей усталости борьбы с плотью, со всеми мирскими вожделениями.

Прирожденная нам любовь к миру и его наслаждениям снова возвышает свой голос. «Зачем нам читать об отшельниках, удалявшихся от мира в пустыню? Это чтение полезно инокам. А мы живем в миру, с людьми. Возможно ли нам руководствоваться примерами пустынножителей?» Братие, понимаете ли вы, что говорите? Разве иноки не такие же христиане, как и миряне? Разве они имеют в виду что-нибудь другое, кроме исполнения воли Божией? Не стремятся ли они к достижению блаженства Вечной жизни, что составляет главную цель жизни каждого истинного христианина? Иночество имеет свой корень в самой сущности христианства. Христианство не требует ли от нас отречения от своей грешной воли, от плотских вожделений, от привязанности к миру и его благам? (Лк. 14, 26–27, 33). Воистину наша земная жизнь есть великая школа, приготовляющая нас к жизни вечной. Мы слишком привязаны к радостям земным, до забвения Бога и Вечной жизни. Мы слишком самолюбивы и горды. Но сама же земная жизнь разбивает вдребезги наши земные надежды. Нам посылаются грозные уроки: мы теряем богатство, мы подвергаемся болезням, нас постигают тяжкие неудачи, приносящие горькое разочарование в своих силах, безжалостная смерть похищает у нас самых близких, дорогих нам людей, наконец, вместе с пробивающейся сединой не напоминает ли нам о своем приближении неминуемая страшная гостья, которая возьмет нас и поведет в страну вечности, не дозволив взять решительно ничего из тех благ, которые возлюбило привязчивое сердце? О, если бы мы, в виду зияющей могилы, нашли в себе силы всем существом отречься от мира и его утех! Но то, что выносит христианин из опыта всей своей жизни, то сознание тщеты своих земных привязанностей, которое посещает его в виду близкой смерти, овладевает людьми, чуткими к зову благодати Божией, задолго до кончины, – они добровольно решаются умереть для мира гораздо раньше, чем смерть решительным и беспощадным ударом рассечет все нити, привязывающие нас к миру, под старость уже немногие нити, уже слабые нити, за которые, однако, тем крепче цепляются неисправимые миролюбцы. Тот великий подвиг самоотречения, который обязателен для каждого христианина, святые отшельники совершали задолго до той грозной минуты, которая разом отнимет у нас то, чего мы в своем греховном самолюбии не желали отдать добровольно... Воистину, святые отшельники не более, как наши старшие и более мудрые братья, которые своим могучим подвигом указывают нам единственно спасительный путь, с которого мы то и дело сбиваемся и блуждаем по распутиям, грозящим нам бездной вечной гибели.

В 403 году в Риме грандиозными зрелищами праздновали отражение вестготов. Давно уже и философы, и моралисты, и ораторы восставали против свирепой забавы – пролития крови человеческой на гладиаторских играх, давно гремели против них церковные проповедники, но всё было тщетно. Несколько сот, а может быть, и тысяч несчастных все еще убивались ежегодно в проклятой потехе. На этот раз христианский поэт Пруденций обратился к Гонорию с трогательным стихотворением, умоляя отменить кровожадную потеху. Напрасно! Мало того,

придуманы были самые дикие, самые сумасбродные способы, чтобы придать еще более ужасающей возбудительности кровавым играм.

Громадный амфитеатр полон беснующегося народа; вот с налившимися кровью и как бы вырывающимися из своих орбит глазами, неистово жестикулируя, ударяя себя в грудь, наклоняясь вперед и простирая руки, крича изо всех сил, зрители соскакивают с мест, скрежещут зубами, грозятся и плачут, проклинаят и с адским хохотом падают в обморок... А на сцене под резко пронзительные звуки музыки льется человеческая кровь, раздаются стоны раненых и умирающих... Но вдруг... Вдруг происходит нечто совершенно неожиданное – такое, что уж вовсе не входило в программу игр. Бедно одетый человек бросается в середину гладиаторов и начинает молча разнимать их... Толпа мгновенно притихла, пораженная неожиданностью явления, и среди внезапно наступившей тишины пронеслись огненные слова обличения. Невозможно изобразить, что произошло потом. Весь амфитеатр точно взревел одним адским криком негодования, забушевал ужасный ураган злобы и бешенства, и огромная толпа, как бурный поток раскаленной лавы, хлынула на арену, напоминая вполне разъяренных зверей. Трудно разобрать, что происходило в этом хаосе... Но когда толпа отхлынула, на арене остался один растерзанный труп. То был св. Телемах, восточный отшельник. Народ оцепенел от ужаса. Гонорий поспешил издать законы, навсегда отменившие позор человечества – кровавые жертвоприношения...

Можно жить в многолюднейшем городе и быть совершенно чуждым своим ближним, можно равнодушно смотреть на страдания брата и, наоборот, живя в пустыне, можно быть соединенным с людьми неразрывными узами братской любви. Любовь – по преимуществу сила, действующая на расстояния. Ей нет преград...

Так, уединение от мира вовсе не значит отделения, отчуждения от людей.

Не один Моисей всходил на страшные высоты Синаи и сходил оттуда просветленным неземным сиянием, со скрижалями Завета в руках. Высоты уединения – да не есть ли это удел исполинов мысли, величайших и благороднейших представителей человечества, равно как и подвижников христианства? Не стоят ли они всегда выше и часто вне и даже в удалении от современной среды, непонимаемые и часто гонимые современниками? В том-то и состоит их безграничное величие, что они не рабы ни духа времени, ни народа, ни общепринятого строя жизни, ни общественного мнения, а, напротив, обладают безграничной энергией и силой духа – стать вне среды, чтобы тем сильнее воздействовать на ту же среду. В страшных пустынях, в углублении в себя в них разгорался внутренний огонь, и они говорили огненным языком, глаголом жгли сердца людей... В уединении они познавали глубочайшие тайны бытия; незримый мир становился для них осязаемой действительностью... Да даже и без слов: опаленное солнцем лицо, глубокий и в то же время вдохновенный взгляд, власяница – словом, весь внешний вид великого аскета, все это открывало людям, что пред ними человек, настоящий человек, во всем величии освобожденной от страстей природы и непоколебимой силы, который, подобно великому первообразу всех аскетов, безбоязненно может предстать пред Ахавами и Иезавеями... Да, великие подвижники уходили из мира и всходили на высоты уединения, на небо безмолвия, но ведь благодаря этому они стали видимы миру, услышаны миром. Их уединение – их всемирная кафедра... Не составляют ли имена многих выдающихся деятелей IV и V века теперь лишь достояние историков-специалистов, между тем как подвиги, творения, задушевные думы и молитвы великих подвижников ведомы если не всем, то хотя несколько чуть не в каждой русской деревне!

Что же побуждало святых отшельников оставлять города и удаляться в пустыню?

Христиане первых веков дышали одним чувством, которого никакие слова не в состоянии описать, до того завладевающим и поглощающим их внутреннего человека, что они могли повторять слова Апостола: уже не я живу, но живет во мне Христос! Станет ли кто оспаривать тот грустный факт, что та непосредственная любовь ко Христу, которую так живо ощу-

щали первые христиане, теперь явление довольно редкое? Часто ли мы встретим то огненное чувство, которое дышит, например, в словах мученика, которого христиане-братья пытались было спасти от смерти? «Умоляю вас, не оказывайте мне неуместной любви. Оставьте меня сделаться пищей зверей... Простите меня, я сам знаю, что для меня полезно. Ни видимое, ни невидимое – ничто не удержит меня прийти ко Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечение, расторжение, раздробление костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, все лютые муки диавола пусть придут на меня, чтобы только мне достигнуть Христа! Его ищу, умершего за нас, Его желаю, за нас воскресшего... Хочу быть Божиим – не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому Свету... Живой пишу вам, горя желанием смерти!..» Но ведь подвижничество первых веков по своему внутреннему значению – не более как продолжение подвига святых страдальцев за веру во Христа. Не забудем, что для древних христиан быть христианином значило быть святым, равно как грех отождествлялся с язычеством. Вместе с торжеством христианства кончилась брань с внешним врагом, но этот враг, по-видимому сраженный, вновь ожил с ужасающей силой в недрах самой Церкви – в глубокой нравственной порче. Гладиаторские игры давались при Гонории, сыне благочестивого Феодосия. Евдоксия, подобно древним римским императорам, воздвигала свою языческую статую, будучи женой другого его сына... И вот открылась новая борьба с ожившим язычеством или, лучше сказать, продолжилась в другом виде прежняя. Явился христианский аскетизм. И тут и там в основе – одно и то же пламенное желание подвига, как живое выражение пламенной любви ко Христу. Подобно апокалиптической жене, подвижники бежали в пустыни, чтобы сохранить святое семя во всей чистоте и возродить к новой жизни свежие силами варварские народы, так как старые меха – одряхлевший античный мир – не вмещали уже более нового вина...

Дивная, вовеки незабвенная эпоха, когда взор христиан все еще как бы провожал восходившего на небо Господа и горел отблеском Его славы!

Не будем много распространяться о высших ступенях христианского аскетизма, когда после великой борьбы освобожденный от страстей дух исполнялся волнами благодати Божией и получал власть, как высшая из всех сил, над природой, совершал чудотворения, сподоблялся дара пророчеств, откровения тайн незримого мира и прочее и прочее. Обо всем этом поведает читателю предлагаемое творение церковного историка.

Введение

I. Христианские подвижники до святых Павла и Антония

Чтобы окончательно убедиться в том, что иночество глубоко коренится в духе и сущности христианства, стоит только раскрыть правдивые сказания лет древних, и мы увидим, что иночество началось вместе с проповедью Евангелия, что с самого начала христианства души, наиболее верные Евангелию, избирали путь отречения от мира и мирских привязанностей. *Преподобные* явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремились *уподобиться* сладчайшему Иисусу.

Отшельничество представляется прежде всего как дело необходимости для тех, кто жаждет полного и нераздельного, ничем не смущаемого служения Господу. «Не на всяком ли месте можно поставлять Ему обитель в душе и поклоняться Ему духом и истиной? – спрашивает святитель Филарет, митрополит Московский. – *На всяком месте владычества Его благослови душе моя Господа!* (Пс. 102, 22). Но что делать, если сие благословенное приглашение всюду и всегда благословлять Господа без успеха я повторяю душе моей оттого, что мир в то же время оглашает и оглушает ее своими разнообразными гласами требований, прещений, прельщений, смущения, развлечения, нужд, забот, похотей и она не находит довольно силы противоборствовать им или, утомленная сим противоборством, жаждет приблизиться к Богу без препятствий со стороны тварей и служить Ему без развлечения? В сем случае не остается иного, как расторгнуть всякие узы, привязывающие к миру, бежать из него, как из Египта, как из Содомы, и учредить для себя в пустыне новое жительство добровольного изгнаничества, в котором бы всё окружающее говорило нам, *яко не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем* (Евр. 13, 4)».

Вот почему еще в Ветхом Завете встречаются следы монашества. Таковы были назореи, посвящавшие себя Богу по особенному обету на время или на всю жизнь; рехабиты, жившие в палатках и отрекавшиеся от имущества. Таковы были Илия, Елисей, сыны пророческие, соблюдавшие целомудрие и нестяжательность и жившие в пустынях; таковы были все те, которые, по слову Апостола, скитались в милотях⁵ и козых кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11, 37–38); таков был и Предтеча Господень.

Но в полном совершенстве иночество раскрылось только в Новом Завете. По словам аввы Пиаммона, новозаветное иночество ведет свое начало от самих Апостолов. Таким вначале было и все множество первых уверовавших во Христа⁶. Свт. Василий Великий в самом обществе Господа Иисуса Христа и Апостолов видит первообраз иночества...⁷ Действительно, некоторые из апостолов, не вступившие в брак до своего призвания к апостольству, остались навсегда девственниками: св. Иаков, брат Господень, сыны Зеведеевы – Иоанн и Иаков и апостол Павел⁸. Ученики св. апостола Павла Тит и Тимофей, подобно своему наставнику оставшись безбрачными, всецело посвятили себя на служение Господу⁹. Дщери перводиаконов Филиппа

⁵ *Милоть* – овчина, кожух.

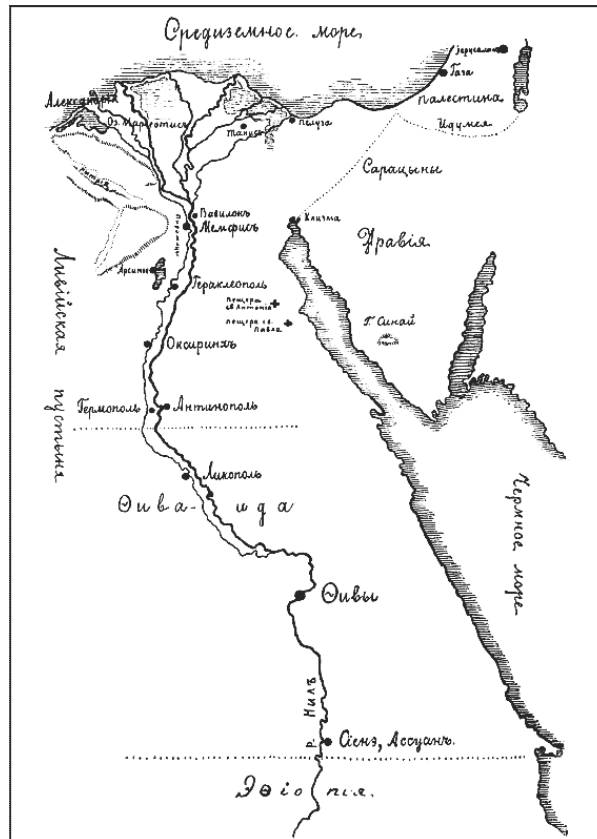
⁶ Кассиан. 18. Собеседование V.

⁷ Подвижнические уставы. Гл. 18, 428; 22, 450.

⁸ Об Иакове, брате Господнем, см.: у Егезиппа Ap. Evseb. Hist. Eccles. Lib. 2. 23); у Иеронима (Contra Iovianum). О сынах Зеведея см.: у Иеронима (Contra Vigilantium. Lib. 1, 26); у св. Епифания (Adv. Haeres. 58. 4. 78, 13).

⁹ Иероним. Ad. Tit. 2, 7. Антиох монах. Nom. 112.

и Николая пребывали в девстве¹⁰. Климент, ученик апостольский, писал уже окружные послания к девственницам...¹¹ С самых времен апостольских идет почти непрерывный ряд свидетельств церковных писателей о девственниках и девственницах. Св. Игнатий, св. Иустин мученик, апологеты Афинагор и Минуций Феликс, Ориген, Тертуллиан, св. Мефодий Тирский, св. Киприан говорят нам о существовании в древней Церкви по движников и подвижниц, отрекавшихся от мира для нераздельного служения Господу¹².

Карта Египта IV века

После апостолов из подвижников и подвижниц первого века нам известны: святые *Фекла*, *Зинаида* и *Филонида*, *Евдокия* и *Телесфор*.

Св. Фекла, после проповеди апостола Павла и Варнавы в Иконии уверовав в Господа, оставила своего жениха. После чудесного избавления от огня в Иконии и зверей в Антиохии, с благословения апостола Павла, «иде в Селевкию и вселися в пустем месте на некоей горе близ Селевкии и тамо живяше в посте, и молитвах, и богомыслии», — до 90 лет своей жизни. Память ее 24 сентября.

Святые Зинаида и Фелонида были сродницами апостола Павла. «Оставльше своя стяжания и всего отрешься мира», они пришли в Фиваиду и там близ города Димитриады «в некоем вертепе житие свое провождаху». Язычники, «нощию нападше, камением побиша их, и тако блаженным сном уснуша»... Память их 11 октября.

Святая Евдокия прежде была блудницей в Илиополе и обладала огромным богатством. Ее обратил ко Христу «инок некий, именем Герман», который в своей обители «имяше бра-

¹⁰ См. у Евсевия: История Церкви. Lib. III, 29, 31.

¹¹ Иероним I, 1. Contra Jovianum. Епифаний. Haeres. 30, 15.

¹² Игнатий. Послание к Поликарпу V. Иустин Apolog. § 18. Legatio pro Christ. 38. Octav. 31. Тертуллиан. Ad xorem. I, 1, 4, 6 и т. д.

тий семьдесят иноков». Искренне раскаявшись, св. Евдокия в Святом Крещении возродилась (в 96 году) к новой жизни и, раздав все свои сокровища, вступила «в монастырь девическ, в пустыни». Скончалась мученической смертью уже в 152 году, прожив царствования Домициана, Нервы, Траяна, Адриана и Антонина. Память ее 1 марта.

Святой Телесфор проводил до своего избрания в папы отшельническую жизнь. Скончался мученической смертью (128–139 годы).

Из второго века известны своей подвижнической жизнью: *св. Фронтон* имевший под своим руководством до 70 иноков и построивший монастырь в пустыне Нитрийской; *св. Параскева*, раздавшая по кончине родителей все имущество и принявшая иноческий чин, впоследствии пострадавшая за Христа; *св. Наркисс*, епископ Иерусалимский. Оставивши престол, он удалился в пустыню, где и пробыл до конца дней своих в подвигах иноческих. *Св. Евгения*, римлянка, дочь наместника александрийского, в царствование императора Коммода, обратившись ко Христу чтением Священного Писания, тайно удалилась из дома родительского и по дороге встретила обитель. Ее сопровождали евнухи Протасий и Иакинф. «Слышу, яко Елий, епископ христианский, – сказала она слугам, – созда зде монастырь, в немже черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалят Бога песньми». Увидав Елия, посещавшего монастырь, она приняла Святое Крещение вместе с евнухами. Переодетая в мужскую одежду, Евгения принята была в мужской монастырь, «юноши подобна одеянием и остриженными власы». «В монастыре живяше, добре иночествуя и работая Богу». Избранная по смерти аввы в настоятели, она подверглась низкой клевете. Явившись на суд к наместнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой пол и происхождение. Впоследствии основала женский монастырь, в котором была настоятельницей. Жизнь свою окончила мученически. Память ее 24 декабря.

В III веке прославился своими подвигами *св. Никон*. Родом из Неаполя, он после Святого Крещения отплыл на остров Хиос, где на горе Ганос был крещен епископом Кизическим Феодосием, укрывавшимся в пещерах от гонения со множеством иноков. «По приятии крещения святого блаженный Никон живяше в пещерном том монастыре, учася божественным книгам и иноческому присматриваяся житию: таже и сам облечен бысть во иноческий образ кротости ради своей». Пред кончиной Феодосий поставил его во епископа. После того св. Никон, «всех монахов поемши», отплыл в Сицилию и высадился близ горы Тавроменийской. Там при речке Азинос он нашел «место безмолвно и красно», где и продолжал свои подвиги. Скончался мученически. Память его 23 марта.

Святые *Галактион* и *Епистима* – из г. Емеса в Финикии. Св. Галактион, будучи христианином, по воле родителей был обручен с язычницей Епистимой. Обратив ее ко Христу, он убедил ее вести девственную жизнь. Ночью они удалились из дома и пришли к Синаю, и там близ горы Публиона Галактион вступил в мужской монастырь, а Епистима – в женский. «Подвиги его и труды кто изрещи может? Никогда не виден бысть празден, но или делаше, что монастырю потребно, или моляшеся; пост его бе безмерен, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикий же целомудрия и чистоты своя бе хранитель, яко во вся лета постничества своего соблюдашеся опасно, да не видит лица женска...» Впоследствии Галактион и Епистима сподобились мученического венца. Память их 5 ноября.

Св. Пансофий, родом из Александрии, по смерти отца своего Антипата раздав все свое имущество, удалился в пустыню. Скончался мучеником в царствование Декия. Память его 15 января. В то же царствование пострадал за Христа инок диакон *Авив*. Память 6 сентября.

Св. Анастасия Римляныня. Близ Рима «на уединенном и незнаемом» месте находился женский монастырь. Круглой сиротой Анастасия трех лет была взята на воспитание игуменией Софией. Она выросла красавицей, но, «вся уметы вменивши, уневестися Христу и день и ночь в молитвах служаше». На 21 году от роду скончалась мученически. Память ее 29 октября.

Св. мученик Моисей удалился в пустыню Раифскую в 233 году и там застал уже пустынных. В конце третьего века в Раифе и Синае было уже много пустынножителей. Египетский

инок Аммоний, описавший в качестве очевидца избиение их сарацинами, говорит, что между ними были такие, которые подвизались по 70 лет в тех местах. Они жили в пещерах и одиноких кельях. По воскресеньям собирались для богослужения и принятия Святых Тайн и затем снова расходились. Память их 14 января.

Ручейки, сливаясь вместе, образуют большую и многоводную реку, приносящую благоденствие целой стране, по которой протекает. Отдельны друг от друга и потому мало заметны были первые проявления иночества в разных странах древнего мира. Но с начала IV столетия иночество является пред нами уже во всем своем величии, как могучее и святое учреждение христианства, с тех пор оказывавшее уже неотразимое влияние на жизнь всего христианского мира. Вот почему первоначальными основателями пустынножительства считаются святые *Павел Фивейский* и *Антоний Великий*, но не они были первыми иноками в мире... Предлагаем о них более подробные сказания.

II. Святой Павел Фивейский

Страшен безжизненный и однообразный вид африканских пустынь! Огромные пространства то перерезаны глубокими ущельями и серыми скалами, то представляют безбрежные, засыпанные желтым песком равнины... Тишина и мертвенность кругом, нарушаемая лишь ревом диких зверей или при ветре высоко воздымающимися столбами песка, которые при ярком освещении солнца кажутся огненными и с невообразимой быстротой носятся по безбрежному песчаному морю... И круглый год пылает здесь жаркое солнце, иссушая воздух и раскаляя пески и скалы. Лишь изредка попадаются счастливые местности, орошаемые ключом, пробившимся из скалы. Пальмы, выросшие вокруг, и кусты мимоз защищают благодетельную влагу и веселят своей зеленью взор, утомленный страшным однообразием пустыни.

Не в далеком расстоянии от Чермного моря, среди необычайно пустынной местности, почти на тысячу футов над уровнем моря возвышается дикая скала. С вершины ее открывается величественный вид: Хорив и Синай, горы Фиваиды, бесконечные бесплодные равнины, зеленая лента Египетской долины, орошаемой Нилом, – вот что представляет здесь кругозор. У подошвы скалы пробивался небольшой ручей, скрывавшийся под зеленью пальм и кустарников. Здесь-то уже долгие годы подвизался великий Антоний, прославленный Богом дарами чудотворения и духовной прозорливости¹³. И пришло ему однажды на мысль: «Нет другого отшельника в этой пустыне, кроме меня!» Но в ту же ночь ему было откровение свыше, что в самом отделенном краю пустыни живет другой отшельник, гораздо более совершенный, чем он.

– Верую Богу моему! – воскликнул Антоний, восстав от сна. Он покажет мне раба Своего, которого явил мне ночью...

Взяв свой посох, девяностолетний старец, уже семьдесят лет подвизавшийся в пустыне, бодро отправился в путь. И чем далее шел он, тем страшнее становилась пустыня и тем чаще попадались следы диких зверей. Целый день идет подвижник. Вот ночь покрыла его, и ярко засияли звезды в прозрачном воздухе... Настало утро, и другой день уже склонился к вечеру... Антоний все еще идет, не чувствуя утомления, подкрепляемый высшей силой. Настал третий день, и в час утренней молитвы путник заметил гиену, которая мчалась по направлению к пещере. Антоний пошел за зверем: внутренний голос сказал ему, что зверь укажет ему жилище отшельника, и он возрадовался духом. Подойдя к пещере, Антоний заглянул внутрь, но вследствие царившего там мрака ничего не мог различить. Постояв немного, чтобы перевести дух, он начал ощупью продвигаться понемногу вперед, пока наконец заметил вдали слабое мерцание света. В радости он ускорил шаги, но споткнулся о камни. Ощувив приход путника, отшельник затворил дверь. Приблизясь к ней, Антоний постучал, но ответа не было. Стучал еще и еще, но – без успеха. Повергшись на землю у самого порога пещеры, Антоний долго молил неизвестного отшельника пустить его к себе.

¹³ Vita Sancti Hilarii. Cap. 26.

Вид пустыни

– Откуда ты? – послышался голос изнутри пещеры. – Зачем пришел сюда?

– О, я знаю, – воскликнул Антоний, – что я недостойн видеть тебя. Но если ты не отвергаешь диких зверей, то неужели не примешь человека? Я долго искал тебя и нашел: скорее умру здесь, у порога твоего, и ты похоронишь меня...

– Никто не просит с угрозами...

С этими словами пещера открылась. И два ветхих старца бросились в братские объятия друг другу.

– Антоний! – воскликнул Павел.

– Павел! – сказал в ответ ему Антоний.

Сам Господь открыл им имена друг друга.

Горячо приветствовав своего гостя, Павел сел с ним у источника чистой воды под тенью склонившихся пальм.

– Зачем ты предпринял столь великий подвиг? Ужели для того только, чтобы взглянуть на ветхого, полуистлевшего старика, который на твоих глазах может рассыпаться в прах?

Антоний с радостным изумлением молча взирая на дивного пустытника. Целых девяносто лет уже прожил Павел в пустыне, не видя никого из людей, не слыша живого говора людского.

– Скажи мне, как живет род человеческий? Строятся ли еще новые здания в древних городах? Кто теперь и как управляет миром? Осталось ли идолопоклонство?

Вдруг у ног старца опустился ворон и положил хлеб.

– Вот Господь устроил нам и трапезу, – сказал Павел. – Воистину Он щедр и милостив! Семьдесят четыре года получаю я ежедневно по половине хлеба, а ныне, ради твоего посещения, Христос удвоил жалованье Своим воинам...

Старцы расположились у источника для вкушения скромной трапезы. И начал Павел свой дивный рассказ...

Павел родился в нижней Фиваиде около 228 года по Рождестве Христовом в царствование Александра Севера (222–235). Родители его, ревностные христиане, воспитали его в духе христианского благочестия. Обладая значительными средствами, они постарались дать и научное образование, познакомив сына с сокровищами греческой и римской образованности, но светские науки не отвлекли юношу от «единого на потребу», не погасили ревности о спасении души и очищении сердца. Рано почувствовал юный Павел в душе своей равнодушие к благам мира и стремление к свободе духа от уз житейских... Родители его умерли, когда ему было не более 15 лет от роду. Пред своей кончиной они разделили свое большое имущество между Павлом и его старшей сестрой, которая была уже замужем. Около этого времени открылось жестокое гонение на христиан, свирепствовавшее во времена Декия (249–251) и Валериана (253–259). С особенно ужасной силой разразилось оно в Египте и Фиваиде. Св. Павел, насмотревшись на ужасы мучений, рассудил не подвергать себя опасности и укрыться, пока пройдет гроза. Не по равнодушию к вере, не из страха смерти так поступил он: его глубокое смирение побудило его не стремиться к венцу мученичества с неокрепшими силами, а может быть, и перст Господень, располагающий и внешнее, как и внутреннее, в душе верных рабов Своих, указал ему иное призвание...

Сначала он укрылся не в дальнем расстоянии от своего родного селения в близлежащем поле. И в то время, как он считал себя в безопасности от чужих гонителей, свои домашние сделались злейшими его врагами. Алчный зять его замыслил предать его властям с тем, чтобы после мученической кончины своего шурина захватить принадлежавшую ему часть имущества. Ничто не могло отвратить от злого умысла: ни слезы жены, ни узы родства, ни страх Божий, ни бескорыстие св. Павла. Предатель упорно стоял в своем намерении, и св. Павел, узнав об этом ожесточении от своей сестры, решил искать среди диких зверей безопасности, которой не мог найти у людей.

Однако он не уходил далеко. Может быть, он надеялся еще вернуться в общество людей, когда стихнет гроза и пройдет злоба. Но, мало-помалу привыкши к ужасам пустыни и вкусив сладости безмолвия, он понемногу удалялся вглубь страны и добрался наконец до скалы, где увидал пещеру с закрытым входом. Раскрыв вход, он нашел пальмы, листья которых скрывали дальнейшую внутренность пещеры, и тут же струился источник светлой воды, питавший ручей.

Оглядевшись кругом, он сообразил, что эта местность некогда была обитаема. Поблизости пещеры виднелись жилища, кое-где были разбросаны резцы, молотки и наковальни. По всей вероятности, здесь кто-то укрывался...¹⁴

«Сам Господь дает мне сие место в жилище!» – воскликнул Павел.

Кто может поведать нам о подвигах св. Павла в безлюдной африканской пустыне? Кто может исчислить потоки слез, воздыхания, молитвы?.. Но необычайный дар прозрения, дивное послушание зверей, чудесно приносимая пища дают понять, что его житие в пустыне было более ангельское, чем человеческое. Освободившись от страстей и очистивши сердце, он укрылся в тайне лица Божия и, востекши на высокую степень духовного совершенства, восприимчив всю силу безмолвного с Богом и в Боге пребывания...

Только святая Церковь, ведущая пути святых своих, может живописать нам их подвиги.

Св. Павел – первый пустыни житель!¹⁵ Подвиг его безмолвного жития – стезя *необходимая*, которой он положил начало¹⁶. Он устремился на эту дивную стезю, потому что вперил весь ум к Божественному желанию¹⁷ и, к Богу оком души свое взирая, Того единого возлюбил, земная возненавидев¹⁸. Исполнившись самоотвержения и весь предавшись Богу, он простер руки к Богу и благоугождал Ему во дни и в ночи¹⁹. Полагая духовные восхождения в душе своей, он наконец достиг края добродетелей²⁰. Многие болезни²¹ подъял в пустыне, погубляя терния страстей²². Подвизаясь подвигом добрым, он пожил в пениях и пощениях, молитвах же и бдениях²³, плотская восстания увяждая постничеством²⁴, печи страстей угащая росой воздержания²⁵, в страхе Божиим себе пригвоздив²⁶. Огнем любви Божией терние страстей поплавав²⁷, он уносился в мир дивных видений²⁸ и жил в Господе²⁹. Плодами столь великих подвигов были: мир души, утишение бури страстей, достижение небурного пристанища Христова на ветрилах крайнего постничества³⁰, явление благодати Святого Духа, радование души, Божие веселие, к Богу дерзновение, служение ему тварей, жизнь небесная в раю... Мудрование плотское покорив духу, спасен быв от сетей вражиих, весь пламень страстей поправ постнически, преподобный радуясь вопиял: благословен еси во веки, Господи Боже отец наших... Всего себе воздержанием очистив, всеблаженный, он явился жилище Божие и Ангелов единосельник и жилище Духа – к Богу вселившись, вышним Силам собеседник был и дерзновение к Богу стяжал. Небесным хлебом питаемая, яко Илия древле враном, мысленная Иезавели отбегл – к покрову Христову. Поревновав Иоанну, богомудрому Предтече, в пустыне постясь, с ним же сподобился получить жизнь присносушную, раем соделал пустыню, в ней же преизияществовал во всякой добродетели...³¹

¹⁴ Vita patrum. Lib. I. С. II.

¹⁵ Песнь 1-я. Троп. 2.

¹⁶ На *Господи воззвах*. Стих. 1-я.

¹⁷ На *Господи воззвах*. Стих. 2-я.

¹⁸ Песнь 3-я. Троп. 1.

¹⁹ Песнь 6-я. Троп. 1.

²⁰ На *Господи воззвах*. Стих. 1-я.

²¹ Там же. Стих. 1-я.

²² На *Господи воззвах*. Стих. 3-я.

²³ Песнь 5-я. Троп. 1.

²⁴ Песнь 4-я. Троп. 1.

²⁵ Песнь 8-я. Троп. 2.

²⁶ Песнь 4-я. Троп. 1.

²⁷ Там же. Троп. 2.

²⁸ Песнь 3-я.

²⁹ Песнь 5-я. Троп. 2.

³⁰ Песнь 6-я. Троп. 3.

³¹ Песнь 1-я. Троп. 3; Песнь 4-я. Троп. 2; Песнь 5-я. Троп. 1; Песнь 9-я. Троп. 3; Песнь 4-я. Троп. 3; Песнь 6-я. Троп.

Так прославляет св. Церковь великого пустынножителя, но, без сомнения, в беседе с посетителем св. Антонием глубокое смирение Павла смыкало уста его, и только голос Церкви раскрывает нам тайны пустыни...

Древние гробницы в Египте

Поведав о своей жизни, св. Павел в заключение беседы сказал Антонию:

– Теперь настало время моему успению, и ты послан от Бога, чтобы покрыть мое тело землей.

Со слезами взмолился Антоний не оставлять его и взять с собою.

– Нет! – возразил Павел. – Тебе еще надобно жить для пользы братии. Ступай в свою обитель и принеси одежду, которую подарил тебе епископ Афанасий.

Антоний внимал в безмолвии. Слезы неудержимо струились из очей его. Он лобызал руки и очи Павла... Долго не мог он оторваться от созерцания дивного отшельника... Наконец с глубокой скорбью пошел в обратный путь.

– Где ты, отче, так долго был? – такими словами встретили возвратившегося Антония ученики его.

– Горе мне, грешному! – зывал старец, обливаясь слезами. – Я инок только по имени... Я видел Илию, я видел Иоанна – воистину я видел Павла в раю...

И, немедленно взяв одежду, снова отправился в путь. Весь погруженный в себя, он идет уже второй день – и вот внезапно дивное видение предстало ему... Тьмочисленные сонмы ангелов... Лики пророков... святые апостолы... и блаженный Павел... И волны света неизреченного, и райское пение, и дивные глаголы, ихже не леть³² глаголати...

– Павел, зачем ты меня покинул? – воскликнул Антоний, заливаясь слезами и возрыдав. – Что же ты не дал мне последнего целования?

И он пал среди пустыни на лице свое и голову пеплом посыпал, и слышались горькие стенания...

Поднявшись с земли, Антоний спешит к знакомой пещере. Что ж это? Блаженный Павел как живой стоит на молитве, глава и руки подняты к небу. Затрепетал Антоний. Поспешно устремляется он к подвижнику, ликуя при мысли, что он жив, но, приблизившись, увидал, что то молится тело Павла, душа же его на небе... И снова слезы и рыдания...

Собравшись с духом, Антоний облачил тело подвижника и изнес его из пещеры. Безмолвная пустыня огласилась пением псалмов и погребальных песнопений...

Пустынна окрестность. Камениста и зноем иссушена земля. Как и чем ископать могилу?

Но дивный Павел сам помог Антонию и «звери на погребение собра»³³: два льва появились в пустыне и принялись рыть могилу. Со слезами, несчетно лобзая, похоронил Антоний тело подвижника, а пальмовую одежду Павла взял с собою.

Наступали светлые дни Пасхи, Пятидесятницы, и Антоний облачался... в одежду из пальмовых листьев. Эта одежда была для него дороже и светлее царской порфиры.

«Если бы Бог представил и мне на выбор, – говорит знаменитый церковный писатель, – то и я скорее избрал бы рубище Павла с его подвигами, чем порфиру царей с их царствами...»

Память блаженного Павла празднуется 15 января.

³² Не леть – нельзя, невозможно.

³³ Песнь 4-я. Троп. 3.

III. Святой Антоний Великий

Чудесная в мире страна – Египет. По обеим сторонам ее, с востока и запада, расстилаются страшные песчаные пустыни, лишенные всякой растительности и жизни. Вид мертвой пустыни, необозримость песчаных равнин, однообразие и глубокое царствующее там молчание производят сильное впечатление на душу. Тем более своей противоположностью этому царству смерти поражает вид цветущей долины Египта. Но и самый Египет был бы такой же песчаной пустыней, если бы его не орошала великая река Нил, потому что в тех странах никогда не бывает дождя и солнце светит круглый год с безоблачного неба, озаряя все ослепительным блеском. С ненарушимой правильностью разливается Нил ежегодно, и также правильно жизнь природы то замирает в Египте, истощаясь от засухи, то вновь возрождается после плодотворного разлития. Нигде нет такой противоположности яркого света и тени, жизни и смерти, как в Египте, нигде правильная смена явлений природы – возрождения и истощания – не говорит так ясно о тленности всего живущего и будущем обновлении. Нигде поэтому столь строго не задумывались люди о загробном существовании – и вот воздвиглись пирамиды, расстроились целые города мертвых, и всюду – гробницы, и всюду – мысль о ничтожестве и тленности земной жизни. ... Земная жизнь коротка, а загробная вечна – и египтяне не щадили трудов, чтобы увековечить свое посмертное существование. Но только христианская вера озарила истинным светом великую тайну, которая так глубоко занимала душу древних египтян, тайну будущей жизни, бессмертия души и последнего воздаяния. И ненужными оказались вековые пирамиды и пышные гробницы; излишними стали все заботы о сохранении мумий³⁴. Не о сохранении тленного тела – о чистоте бессмертной души, о святости жизни, по заповедям Евангелия, вот о чем необходимо было ревновать теперь для вечного блаженства, и не мудро, что «нигде слова евангельского учения ни над кем не явили столько силы, как в Египте»³⁵.

В половине третьего столетия близ Гераклеополя, расположенного на левом берегу Нила, в селении Кома у христианских родителей родился сын Антоний³⁶. Родители его были люди зажиточные³⁷. Они обучали своего сына чтению и письму на родном коптском наречии, но, охраняя его как зеницу ока, не желали знакомить его с греческой³⁸ образованностью: слава светской учености не привлекала их. Чистое евангельское учение всецело было воспринято юным Антонием и овладело его душой без всяких посторонних влияний. Его отпускали из родительского крова только в храм Божий. Но юноша и сам не рвался наружу: его тихий, задумчивый характер располагал его к уединенному размышлению о глубоких истинах веры.

Благодать Божия беспрепятственно действовала в нем на созидание его, и он рано уже почувствовал сладость жизни по Богу... Пока живы были родители, Антоний спокойно отдавался своим духовным стремлениям. Но вот они скончались, когда ему минуло не более двадцати лет. Кроме обременительных хлопот по хозяйству, ему предстояло позаботиться о воспитании и устройстве малолетней сестры. На первых же порах пришлось ему увидеть, как трудно служить двум господам – Богу и миру, как далеко он уже отделился от многозаботливой мирской жизни. Чаще и чаще ему приходило на мысль оставить все и посвятить всего себя только на служение Богу. Не раз приходил ему на ум евангельский юноша, исполнивший весь

³⁴ *Мумиями* называются тела умерших, тщательно набальзамированные для предохранения от разложения.

³⁵ Евсевий. *Demonstat. Evang.* 227..

³⁶ Созомен. *Hist. Eccles. Lib. I. C. 13.* Гераклеополь теперь Ahnas.

³⁷ (*Vita patrum*): «*Arurae autem erant ei trecentae uberes, et valde optimaе*». *Arura* – квадратная мера во сто египетский локтей. (Rosweid. *Onomasticon ad Vita patrum.* 1014, 1015). *Arura* равняется трем четвертям английского акра. *Акр* – 889 квадратных сажень.

³⁸ Афанасий. *Vita Antonii*. Здесь говорится о греческой учености. Ср.: Созомен. 1, 13. Тильмон. *Mem. Eccles.* T. VII, 666.

закон, но не последовавший по зову Спасителя из любви к богатству, и, в противоположность ему, самоотверженная любовь апостолов, оставивших все из любви к Учителю.

Среди таких размышлений однажды он пришел в храм, и первое, что он услышал, были слова Евангелия: *аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаша сокровище на небеси* (Мф. 19, 21)³⁹.

В этих словах он услышал как бы ответ свыше на запросы своей совести и Божие благословение на исполнение тайных стремлений своей души. Вскоре он продал свои имения и разделил свое имущество бедным. Сестру свою он поручил девам, посвятившим себя на служение Богу.

³⁹ Vita Antonii. 2, 3.

Древние пирамиды в Египте

В Египте уже были отшельники. Оставив жилые места, они жили в опустелых каменных гробницах. Их примеру последовал и Антоний. Сначала он поселился недалеко от родного селения, а затем и дальше. Один крестьянин приносил ему хлеб и отбирал для продажи его рукоделия. Антоний делил свое время между молитвой и трудом. Сам Господь научил его такому образу жизни. Однажды шел он по пустыне, занятый одной мыслью – о спасении души.

Вдруг видит: сидит кто-то похожий на него, сидит и работает, затем встает для молитвы и снова садится за работу. Опять молитва и опять труд... То был ангел Божий. «Вот так поступай и ты – и спасешься!» – сказал ангел⁴⁰.

Вот как описывает его «жестокое житие» церковный историк Созомен: «Пищей его был только хлеб с солью, питьем вода, а временем обеда закат солнца: нередко, впрочем, дня по два и более оставался он без пищи; бодрствовал же он, можно сказать, целые ночи и в молитве встречал день... Ложился большей частью на голой земле... Лениности терпеть не мог, и работа не выходила у него из рук целый день»⁴¹. Одеждой ему служила власяница.

Святая Церковь так прославляет чудесную решимость св. Антония отречься от мира для беспрепятственного служения Богу⁴²:

«Преподобне отче, из младенчества прилежно обучився, орган был еси Святаго Духа!»

«Преподобне отче, глас Евангелия Господня услышав, мир оставил еси, богатство и славу в ничтоже вменив. Тем всем вопиял еси: возлюбите Бога и обрящете благодать вечную...»

«Преподобне отче Антоние, истинныя ради жизни во гробе заключился еси, никакоже бояся невидимых врагов».

«Христов глас услышав, шествовал еси вслед Того заповедей и отвергл еси попечения вся, стяжаний, имений и рабов твоих, и сестры любление, богоносе Антоние, и един в пустынях Богу беседа чистейше, разума благодать приял еси!»

«Ревнителя Илию нравы подражая, Крестителю правыми стезями последуя, отче Антоние, пустыни был еси житель, и вселенную утвердил еси молитвами твоими...»

«Душу твою связав любовию Христовою, земная возненавидев вся мудре, водворился еси, отче преподобне, в пустынях и горах...»

«Млад сый возрастом телесе, нов путь добродетели восприем, сим безбедно шествовал еси, закону новому повинуюся Спасову и живоносным повелениям Евангелия последуя...»

Начало подвижничества – послушание. «Без проверки своей жизни жизнью других никто не достигал высших степеней подвижнической жизни»⁴³. Удалившись от мира, Антоний посещал сперва старцев, уже прославившихся святой жизнью, и учился у них правилам подвижничества. Подобно мудрой пчеле, он отовсюду собирал себе духовный мед, слагая его в сердце свое, как в улей. Но иное дело – знакомиться с правилами подвижничества, иное – самому проходить подвижническую жизнь и бороться с искушениями. Грех в нас молчит, когда мы не обращаем на него внимания, не стремимся искоренить его. Но как только мы восстанем на него, он, по словам св. Лествичника, подымается, как тысячеглавый змей, и испускает страшные вопли, и вся бездна зла, таившаяся в человеке, возмечается, как вихрь. Страшную борьбу с греховной нечистотой выдержал и св. Антоний. Враг рода человеческого ожесточенно напал на него.

Искушая человека, диавол всегда привязывается к нашим человеческим потребностям и старается раздуть их до сильной страсти. А там уже грозит и падение.

Вполне естественно, что у Антония не раз являлось в его одиночестве тоскливое чувство о прошлом, о родимом гнезде, где он мирно возрастал, о полях, на которых трудились его предки и родители. Всплывал в душе кроткий образ любимой сестры, покинутой на чужих руках. Прицепившись к этому, диавол начал искушать его.

«Смотри, какой мертвый вид в пустыне! Как жгуче дыхание раскаленного воздуха! А родные поля покрыты свежей изумрудной зеленью, точно бархатным ковром, и испещрены цветами или созревшими сочными дынями и огурцами. Тучные нивы склоняются под тяже-

⁴⁰ Достопамятные сказания о подвижн. отц. 3, 1.

⁴¹ Созомен. Hist. Eccles. Lib. 1. 13.

⁴² Служба 17 января.

⁴³ Добротолюбие. Т. I. 3.

стью колоса, обещая жатву сторицей. Как приятно было после трудового дня под тенью пальм любоваться закатом солнца неизъяснимой прелести, когда все кругом обито нежным фиолетовым светом, а далекие горы горят розоватым пурпуром! Как освежительны блестящие голубые каналы!.. Зачем покинуто все это? Разве невозможно было угодить Господу, мирно наслаждаясь Его дарами? И что тебе предстоит впереди? «Твердейшего страдальчества знойное и мразное житие», бездна лишений, беспомощная старость, безвестная кончина... И добро бы все это скоро кончилось! Но нет!.. Годы, может быть, десятки годов впереди, которым и конца не видно...»

Такие помыслы волновали душу Антония, но его непоколебимая вера в Бога вместе с мыслью о ничтожестве благ мира сего и твердая решимость всем пожертвовать для Бога превозмогли искушение. «Сия силою Христовою Антониева на диавола бысть первая победа!»⁴⁴

Но враг упорен и не скоро отступает от человека. Только что потерпев поражение, он вновь начинает свои нападения.

Мысли об оставленных в мире благах перестали беспокоить душу Антония. Теперь умственный взор его обращается на себя самого. Его поражает одиночество в пустыне. Не с кем слова промолвить. В уме возникают картины счастливой семейной жизни. Разве не Сам Господь благословил супружеский союз?! Почуялись естественные движения молодых лет, и искушение созрело... Нечистые помыслы, точно вырвавшись из темницы, заполнили душу. Ни днем ни ночью не давали они покоя подвижнику. Плотские влечения разгорелись страшным пожаром. Женская краса являлась в видениях, одно обольстительнее другого. В жестокой борьбе, вырываясь как бы из плена, Антоний устремлял свои очи к созерцанию неизреченной красоты высшего духовного мира, к радостям райского блаженства, с пламенной молитвой о помощи прибегал к Богу и спешил погасить пламень страстей постом и крайним утомлением плоти⁴⁵. Наконец – самое безобразие и возмутительность вражеских обольщений породили в душе его отвращение и гнев на нечистые движения плоти, а «чувство ненависти к страстным движениям суть огненные стрелы, поражающие врага»⁴⁶. Могучим подвигом духа, с Божией помощью, искушение было побеждено – и затихло...

Так померкли для Антония красоты мира, сладости чувственные преогорчились, земные сокровища превратились в уметы⁴⁷.

Началось последнее и самое тонкое искушение. Можно заметить, что все нападения врага начинаются с грубейших соблазнов и восходят постепенно к тончайшим, едва уловимым. Так – сперва ожили привязанности к миру и его благам. Затем разгорелись плотские страсти. Когда то и другое теряет силу над духом, в глубине его таится еще тончайшее чувство сомнения, духовной гордости. К нему-то, как к последнему убежищу, враг и прицепляется. Самое торжество Антония над прежними искушениями дает врагу повод к новому искушению. Не возгордится ли он своим торжеством, не отнесет ли своей победы только к себе самому, к своему нравственному превосходству? «Сколько могучих подвижников низложил я плотскими соблазнами! Но вот ты *один* одолел меня! Все мои сети разорваны, все стрелы растрочены попусту! Я посрамлен тобою!..» Так говорил враг, раздувая чувство сомнения, но подвижник ясно усмотрел врага и воззвал из глубины души: «Господь мне помощник» (Пс. 117, 7). И дух зла исчез, как огнем палимый...⁴⁸

⁴⁴ Четьи-Минеи, 17 января.

⁴⁵ Созомен. Hist. Eccles. Lib. 1. 13.

⁴⁶ Слова преосв. Феофана.

⁴⁷ Из слова митрополита Филарета. *Уметы* – здесь: отбросы.

⁴⁸ Об искушениях св. Антония см.: Vita Antonii. S. Athanas. 39, 40.

Чистые сердцем Бога узрят. Освобождаясь от страстей, душа приобретает внутренний мир и неотразимое стремление к Богу. Это вторая степень духовного совершенства. Остается только вполне предать себя Господу, чтобы соединиться с Ним навеки⁴⁹.

«За жизнь свою отдаст человек все, что есть у него, – говорил некогда древний клеветник. – Но простри руку Свою и коснись костей его и плоти его – благословит ли он Тебя?»

И сказал Господь сатане: «Вот он в руке твоей, только душу его сбереги»⁵⁰.

Так Господь попускает диаволу подвергнуть человека самому страшному испытанию – поразить душу страхом смерти и конечной гибели и тем потрясти его веру. Приносивший пищу Антонию однажды нашел его «на земли лежаща аки мертва», без гласа и движения. Он поднял его и принес в селение. Очнувшись и едва дыша, Антоний произнес: «Неси меня обратно в пустыню». Это и было с его стороны выражение решительного самоотвержения и готовности на смерть для жизни в Боге... «Готовность на смерть есть всепобедное оружие: ибо чем еще можно искусить или утратить имеющего ее? Она и считается исходным началом подвижничества»⁵¹...

⁴⁹ «Решительный шаг в восхождении к Богу, самое преддверие богообщения есть совершенное предание Ему себя». (Свт. Феофан. Путь ко спасению, 380).

⁵⁰ Иов. 2, 4–6.

⁵¹ Добротолюбие. Т. I. 8.

Оазис вблизи Фаюма (El Fayum)

Немного оправившись, Антоний после пятнадцатилетней жизни вблизи селения теперь пожелал полного *безмолвия*⁵². Тридцати пяти лет от роду, в 285 году оставил он обитаемые

⁵² «На пути к живому богообщению стоит неминуемо безмолвие, если не всегда как известный образ подвижнического жития, то всегда как состояние, в коем внутри собранный и углубленный дух огнем Духа Божественного возводится к сера-

местности, перешел Нил и углубился в пустыню близ Чермного моря. «Отложивши страх», шел он три дня по ужасной пустыне и остановился на горе Колзиме⁵³ среди древних развалин, где «за долготу времени и запустение» гнезилось множество «гадов и змиев и скорпиев»⁵⁴. «По безжизненным скалам, – пишет русский путешественник, посетивший гору св. Антония, – достигли мы наконец монастыря. Мы спустились на несколько ступеней в глубину пещеры, иссеченной в скале, где, как сказывают, жил Антоний, и тут теперь устроена подземная церковь, имеющая около двадцати аршин квадратного пространства. Какой вид открывается с береговых скал на края страшной пропасти! Нил между двумя лентами яркой зелени лугов и пальмовых рощ извивается по неизмеримому пространству в обе стороны. С запада горизонт исчезал в необъятной пустыне Ливийских песков, а с востока от самого монастыря хребты безжизненных гор с песочными насыпями тянутся к берегам Чермного моря. Кругом монастыря мертвенность неизобразимая – здесь нет ни одного растения, ни одного источника»...⁵⁵ Однако нашлась вода в колодезе, а хлеб дважды в год приносил сюда Антонию тот же поселенин, безмолвно опуская запас чрез отверстие в кровле и немедленно удаляясь⁵⁶. «Какие нес он здесь труды и подвиги и что с ним было – никто не видел, – говорит святитель Феофан. Но судя по тому, каким он вышел из затвора, должно заключить, что это было время созидания его духа Духом Святым. Здесь то же происходило, что происходит с гусеницей, когда она завертывается в куколку. Никто не видит, что с ней делается в эту пору: она будто замерла. Но между тем всеоживляющая сила природы действует в ней, – и в свое время из куколки вылетает прекрасный разноцветный мотылек. Так и в св. Антонии. Никто не видел, что с ним; но Дух Божий ни для кого не зримо, неведомо большей частью и для самого Антония, созидал в нем нового человека по образу Создавшего его. Когда кончился термин созидания, ему повелено было выйти на служение верующим. И он вышел, облеченный разнообразными благодатными дарами Святого Духа»⁵⁷.

Дивные церковные песнопения в сильных чертах изображают великий подвиг св. Антония.

«Постника Господня песни почтим, яко умертвивша вся прилоги страстей воздержанием и твердым терпением... и посрамивша зело противоборца врага и всю сего гордыню».

«Егда во гробе тебе самого радуясь заключил еси, отче, любви ради Христовы, терпел еси крепчайше от демонов искушения, молитвою же и благодатию отгнал еси сих...»

«Лести лукавых демонов посрамив креста силою, уяснил еси славу Христову, Антоние!»

«Преобидел еси плоть и кровь, и вне мира был еси многим воздержанием...»

«Ум владыку над страстями постнически поставив, потщался еси худшее покорити лучшему и плоть поработити духу...»

«Мрак прошед плоти, тьму отгнал еси демонов, Антоние!»

«Демонов луки и стрелы сокрушив благодатию Божественного Духа, и злобу и ловления их всем явленно сотворил еси... Спасова же креста действо и непобедимую явил еси силу...»

«Трисолнечным сиянием, всемудре, озаряем, злоумное, блаженне, демонов свирепство и зверей зияния и ран болезни, якоже пучину, разорил еси божественным желанием».

«Молитвами, преподобне, и мольбами приближаясь непрестанно к Богу, востекл еси к высоте предвзятий, демонских сетей избегл, богомудре...»

фимской чистоте и пламенению к Богу и в Боге». (Преп. Феофан. Путь ко спасению, 386).

⁵³ По древнему делению Египта, в Афродитопольском округе к востоку от Нила. См.: Иероним. Т. I. Vit. Hilar; Также: Description de l'Egypte fait pendant l'expédition de l'armée Française. T. IV. P. 420, 1821.

⁵⁴ То были развалины старого военного укрепления. См. Четьи-Минеи, 17 января.

⁵⁵ Норов. Путешествие по Египту и Нубии. Ч. II. С. 344–349.

⁵⁶ «Обыкоша бо тамо чрез целый год предержатися хлебы не растлены», – разумеется: вследствие чрезвычайной сухости воздуха. (Четьи-Минеи, 17 января).

⁵⁷ Добротолюбие. Т. I. 9.

«Весь Богу очистился еси, Антоние, един единому всеумудре единая добродетелию... Земли бо и земных отступив, достойне небесное обрел еси наслаждение».

«Радуйся, постников началовождь бывый и непобедимый поборник!»⁵⁸

Расскажем о последнем периоде жизни и великих подвигов св. Антония Великого. Усовершенствовавшись в безмолвии благодатью Святого Духа, Антоний вышел на служение ближним и Церкви Божией⁵⁹. «Возможно ли изобразить, – пишет Афанасий Великий, – с какой радостью взирали все на лицо его, цветущее, к удивлению всех, свежестью и красотой? И начали стекаться к нему в огромном множестве, лишь только он открыл к себе доступ». И он стал служить всем разнообразными благодатными дарованиями. «А каких даров у него не было? Был дар чудотворений, дар власти над бесами, над силами природы и над животными, дар прозрения мыслей, дар видения происходившего вдали, дар откровений и видений...»⁶⁰

Возможно ли исчислить всех учеников великого Антония, всех тех, которые устремились в пустыню, чтобы под руководством великого аввы достигнуть блаженства богообщения? Каменистые скаты и ущелья в горных хребтах по обеим сторонам Нильской долины, от Нила до Чермного моря и древнего Синая с одной стороны, с другой – до страшных пустынь Ливийских покрылись кельями подвижников. Ни палящий зной дневной, ни холод ночи, ни дикие звери, ни варвары-хищники – ничто не утешало их. «На горах явились обители, – пишет Афанасий, – которые, подобно храмам Божиим, наполнились людьми, проводившими жизнь в пении псалмов, в молитвах, посте и бдении. То были люди, которые все свои надежды основали в грядущих благах вечной жизни. Исполненные самоотверженной любви, они непрестанно трудились не столько для прокормления себя, сколько для бедных. Это был как бы особый мир, блаженные обитатели которого не имели других целей, кроме правды и благочестия... Кто, взирая на них, не воскликнул бы: коль добри доми твои, Иакове, и кущи твоя, Израилью, яко дубравы осеняющие, и яко сажь при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь!» И для всех этих подвижников великий Антоний был наставником, отцом, великим образцом для подражания. Его слово было исполнено силы, проникало до глубин сердца. «Христос явил в нем врача для всего Египта, – пишет Афанасий. – Кто при Антонии не изменил своей печали на радость? Кто не отложил гнева? Кто не забыл горестей гнетущей бедности? Кто не пренебрег благами мира? Какой инок, утомленный подвигами, не ободрялся вновь благодаря его слову? Какой юноша, объятый страстями, не обратился к воздержанию?.. Он знал, кто страдает каким недугом, и для всякого у него находилось пригодное врачевство...»

В числе других наставлений великий авва раскрывал своим слушателям иногда тайны незримого мира, не для удовлетворения суетного любопытства, но единственно из желания нравственной пользы, для предостережения от соблазнов. «Явление святых Ангелов, – говорил он, – тихо и мирно, наполняет душу радостью, восторгом, упованием. С ними Господь, источник радости. Озаряемый светом ангельским, ум наш становится светел, ясен и спокоен. В душе разгорается желание Небесных благ. Она как бы готова соединиться с блаженными духами, чтобы вместе с ними вознестись на небо... Светлые духи столь кротки, столь милостивы, что лишь только человек, в силу несовершенства своей природы, смутится от их необычайного света, они немедленно изгоняют из сердца всякий страх. Не таковы явления злых духов – от них в душе рождается ужас, смертельная тоска, равнодушие к подвигам добра, оживают страсти... Ограждайтесь тогда знаменiem креста... Если мы хотя немного попустим им возобла-

⁵⁸ Служба 17 января.

⁵⁹ «Не все безмолвники оставляются Богом в безмолвии навсегда. Достигающие чрез безмолвие бесстрастия и чрез то удостаивающиеся преискреннего богообщения и боговселения изводятся оттуда на служения ищущим спасения и служат им, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в его безмолвии, изведший его на труды руководства других на пути спасения, – и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими. Выше сего состояния апостольского мы не знаем на земле». (Прп. Феофан. Путь ко спасению, 392).

⁶⁰ Добротолюбие. Т. I. 9.

дать над собою, то семя зла, которое они посеют в нас, укоренится и возрастет... Тогда они сами как бы вселяются в нас и делаются видимыми в нашем теле – в злых делах наших... Не страшитесь, однако, нападений их. Сила их сокрушена пришествием Господа на землю. Будем в доброй надежде всегда держать в уме: Господь с нами – и враги не могут сделать нам зла! Ведь они всегда привязываются к нашим же слабостям: заметят страх, колебание, смущение – и вот, подобно вора, бросаюся на место, оставленное без стражи, раздувают наши же помыслы, увеличивают наши смущения и страх и повергают душу в мучение. Но они бегут со срамом, исчезают как дым, лишь только заметят твердость нашего упования. Помните – все в руке Божией, и демон не имеет власти над душой христианина...»⁶¹

Кроме назидания и руководства подвижников, св. Антоний горячо отзывался на общие нужды Церкви Христовой. Христианство того времени переживало тревожное и страшное время последней борьбы с язычеством. Язычество, как бы собрав последние силы, при Диоклетиане готовилось нанести последний страшный удар христианству. Разразилось такое гонение, подобного которому, казалось, не было прежде... В то же время языческая мудрость истощала последние усилия, чтобы остановить победоносные успехи Евангелия. Но гораздо опаснее, чем язычество, вооруженное внешним могуществом и мудростью мира сего, оказывались внутренние враги. Поднималось арианство, которое потом воздвигло столько смут и тревожений внутри самой Церкви...

Во время гонения Диоклетиана строгий пустынножитель явился на стогнах шумной и обильной всякими соблазнами столицы Египта – Александрии. «Поспешим, – говорил он, – к славному торжеству братий наших!» Антоний явился среди ужасов гонений великой нравственной силой: он ободрял святых узников, «во узах им служа, и на судища с ними приходя, и пред мучителей себе представляя, и ясно христианина себе быти исповедуя, и на муки за Христа вдаяся»⁶². Но «Господь сохранил сего мужа для нашего и общего для всех блага», – говорит Афанасий⁶³.

⁶¹ Из писем св. Антония к инокам.

⁶² Четьи-Минеи, 17 января.

⁶³ Афанасий. Vita Antonii, 46.

Луксор

Не уклонялся великий авва и от словесной защиты св. веры пред лицом языческой мудрости. Но эта защита была исполнена мира и спокойствия. «Антоний хотя и состарился в пустыни, – говорит Афанасий Великий, – но в нем не было и следа дикости или грубости. Он всегда был ласков и обходителен. Самый вид его был полон необыкновенной привлекательности... В его лице отражалась чистота души его и обитавшая в нем благодать Святого

Духа»⁶⁴. Неудивительно, что мудрецы язычества уходили от него в глубоком смущении, чувствуя в пустыннике силу, превышающую тонкости их диалектики.

«Скажите мне, – говорил им однажды Антоний, – скажите, что лучше ведет к истинной мудрости и богопознанию – умозаключения или вера? Что древнее – вера или ваши доказательства? Не есть ли вера – врожденное свойство души, тогда как ваша диалектика – измышление человеческое... Мы верою постигаем то, до чего вы стараетесь достигнуть своими умозаключениями, верою мы постигаем то, чего вы не можете даже выразить языком человеческим... Смотрите – не учившись еллинской мудрости, мы исповедуем Бога, Творца и Промыслителя мира. Смотрите, как наша вера исполнена жизни – всюду распространяется, несмотря на противодействия. А вы обратили ли хотя одного христианина вашими софизмами к язычеству? Где ваши оракулы? Где чары Египта? Где мудрость волхвов? Не исчезло ли все это пред силой Креста? Когда богопознание стало чище? Когда расцвело целомудрие? Когда исчез страх смерти? Никто не затруднился ответом, видя сонмы мучеников, идущих на смерть за Христа, видя дев, соблюдающих себя в чистоте...»⁶⁵

С глубокой скорбью в сердце предвидел святой старец бедствия Церкви от возникающего арианства. Однажды, находясь среди братии и по обычаю работая своими руками, он воззрел на небо со слезами. Послышались тяжкие вздохи и горький плач... В трепете братия просили его объяснить причину такой скорби. «О, лучше бы, чада, мне умереть, прежде чем постигнет грядущее зло... В Церкви Христовой скоро наступит “неисповедимое озлобление...” Когда в Александрии начались арианские смуты, Антоний возвысил свой сильный голос против пагубной ереси. Он писал своим ученикам: «В наше время явился в Александрии Арий и вымыслил нечестивое учение о Единородном. Безначальному он дерзнул положить начало, Бесконечного и Неограниченного сделать конечным и ограниченным... Если человек согрешит против Бога, кто умолит за него? Арий сделал великое беззаконие. Грех его непростителен, и осуждение его неминуемо»⁶⁶.

Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, просил пустынника выйти из пустыни и обличить лжеучение. И вот снова, уже восьмидесятилетним старцем, Антоний покинул возлюбленное безмолвие и явился в Александрию. Появление его произвело потрясающее впечатление на всех. Антоний ревностно изобличал лжеучителей. Его свидетельство сопровождалось чудотворениями. «Как много избавилось тогда людей от одержания злыми духами! Сколь многие получили исцеление! Все жители города от мала до велика стекались смотреть на Антония. Даже язычники и жрецы устремлялись в храмы, чтобы взглянуть на человека Божия!» Немного дней провел Антоний в Александрии, но велико было число отставших от заблуждения. Когда он удалялся, сам Афанасий торжественно проводил его⁶⁷.

Наконец, пришло время блаженной кончины великого подвижника. «Имя человека, скрывшегося в неизвестных пустынях, Бог прославил в Африке, Испании и Галлии, Италии и в самом Риме», – говорит Афанасий, но сам славный подвижник, озираясь на протекшую жизнь свою, так говорил о себе: «Вся протекшая довольно долговременная жизнь моя была не что иное, как непрестанный плач о грехах моих»⁶⁸. Почувствовав приближение смерти, Антоний призвал к себе особенно любимых учеников своих и сказал им следующее: «Наконец, любезные чада, пришел час, когда я, по слову Божию, должен отойти к отцам моим. Господь уже зовет меня, я сам уже жажду видеть небесное. Умоляю вас, чада сердца моего, не погубите плодов

⁶⁴ Там же, 73. : «Антоний был приятен для собеседников и мягок в разговоре, хотя бы предмет разговора и был спорный. Как-то мудро, ему одному свойственными оборотами речи он укрощал разгоравшийся спор и давал беседе тон умеренности. Отклоняя собеседников от горячности, он умел приводить их в мирное настроение духа» (Созомен).

⁶⁵ Афанасий. Vita Antonii, 72–80.

⁶⁶ Письмо Антония к инокам.

⁶⁷ Афанасий. Vita Antonii, 69–70.

⁶⁸ Письмо Антония к инокам седьмое.

долговременного подвига вашего... Любите всем сердцем Господа Иисуса Христа. Никогда не забывайте наставлений моих... Если вы любите меня, если считаете отцом своим, если хотите ответить чем-нибудь пламенной моей любви к вам, – умоляю вас, не относите тела моего в Египет... Погребите меня здесь и никому не говорите о месте погребения. Я уповаю, что в день воскресения мое тело восстанет нетленным. Милоть – вот эту ветхую одежду, что подо мной, – отдайте Афанасию за то, что он дал мне новую; другую милоть – епископу Серапиону. Себе возьмите власяницу. Прощайте... ваш Антоний идет уже в путь...» То было 17 января 355 года.

Прошло три года. Преподобный Иларион посетил место подвигов великого Антония. «Вот место, где он пел псалмы, – говорили ученики его Исаак и Пелузиан. Вот тут молился, здесь работал. Вот это место отдыха после трудов. Эти лозы, эти деревца посажены его рукою... Этот дворик также он сам устроил... Вот этот небольшой пруд для орошения сада выкопан с большим трудом его же руками. Это вот его заступ. На этом ложе он скончался...» Иларион лобызал ложе и с умилением смотрел на все⁶⁹.

Св. Афанасий Великий составил жизнеописание Антония и, посылая его инокам, писал: «Старайтесь, братия, тщательно прочитывать эту книгу. Пусть знают все, что Спаситель наш прославляет прославляющих Его и служащим Его дарует не только Царство Небесное, но и земную славу среди пустынь...»⁷⁰

Прославляя великие заслуги св. Антония, Святая Церковь поет:

«На земли Ангела и на небесах человека Божия, мира благоуукрашение, наслаждение благих и добродетелей, постников похвалу, Антония почтим: насажден бо в дому Божии, процвете праведно и, яко кедр в пустыни, умножи паству Христову словесных овец в преподобии и правде».

«Исцелений тебе благодать на недуги различныя дарова и на духи нечистыя Христос власть, мудре: естество бо, отче, победив, паче естества даров причастился еси Духа».

«Новый Моисей быв, в пустыни победу на враги и борители поставил еси, люди предводя, постников собор в веселии и новом жительстве вопиющих Владыце: священницы, благословите, людие, превозносите во вся веки!»

«Равноангелен пожив на земли, равноангельну обрел еси светлость: тех бо Боговиднейшим сиянием в причастии был еси. С ними же и радуешься всегда, яко божественный пророк, яко мученик венценосец, яко монашествующих верховник».

«Преподобне отче Антоние, ты иго Христово на рамена взем, доблественне наитие вражие поправ еси и пустыни грады показал еси. Сего ради ты вси верою почитаем, о всеблаженне, монашествующих похвало...»

«На небо текущую возшед колесницу, чудне, добродетелей достигл еси краеградие пощением, из пустыни обходя горняго Иерусалима прекрасная, и от болезненных подвигов достойно почести прием, с небесными радуешься чиноначалии, всеблаженне, вечных благ наследник и царствия житель быв...»⁷¹

⁶⁹ Иероним. Vita s. Hilar. 26. Об учениках св. Антония см. у Руфина: Hist. Eccles. Lib. I. C. 13.

⁷⁰ Афанасий. Vita Antonii, 94.

⁷¹ Служба 17 января.

IV. Путешествия в Египет IV века

Путешествия в Египет, в ту страну, где, по словам Златоуста, Евангелие более, чем где-либо в другой стране, явило свою чудесную преображающую силу, и затем, главным образом в Нитрию, этот *град Господень*, или *град святых*, и далее в Фиваиду – такие путешествия были очень часты в конце IV века и в V веке, до VII столетия. Путники, иногда из очень дальних стран христианского мира, посетив все святые места в Палестине, обыкновенно отправлялись в Египет, несмотря на все трудности и препятствия, которыми грозило это путешествие. Из Иерусалима до Александрии путешествие совершали обыкновенно в 16 дней. Когда караван, готовившийся к путешествию, был снаряжен окончательно, путники выступали из Иерусалима и направлялись к древнему филистимскому городу Газе. В Сокгофе они посещали источник Сампсона, изведенный из ослиной челюсти, и утоляли жажду после трудного пути. В Марасфине все желали поклониться гробу пророка Михея. Отдохнув в Газе, путники готовились к опасному переходу чрез пустыню амалекитян. Здесь, на границе идумеев и кареев, часто показывались «сыны пустыни», хищные бедуины. Приходилось держаться больше поблизости моря и огибать мыс и озеро Касия. Утомителен был этот переход! Лошади и верблюды вязли в песках. Палящий зной солнца раскалял пустыню, и иногда знойный ветер вздымал желтые тучи песка, ослеплявшие глаза и засыпавшие всякий след ноги человеческой. Зато, пройдя пустыню, путники уже достигали Нильской дельты. «Тинистый, мутный» Сиор был первым рукавом Нила к Востоку. Здесь можно было немного отдохнуть в городе Пелузе, хотя этот город не представлял собою ничего достойного внимания. Танис, где древле Моисей в корзине укрываем был в густом тростнике, и земля Гесемская, где жили израильтяне, непременно были посещаемы путниками.

Река Нил в близи Асуана

Нил в устьях своих семи рукавов был мелок и маловоден. Его можно было переходить вброд. Немного выше, к югу, Нил течет между двумя плотинами и почти наравне с берегами. Если во время разлива река не превышает плотин, значит – наводнение скудно и можно опасаться голодного года, как у нас во времена бездождия. Но иногда черезчур сильное разлитие Нила разрывало плотины, и наводнение, оплодотворяя почву, в то же время причиняло очень

много вреда всей местности. Плавание вверх по Нилу производилось при помощи бичевы, которую тащили рабочие, подобно нашим бурлакам, сменявшиеся на известных станциях. Все это путникам приходилось узнать при проходе чрез рукава Нильской дельты до Александрии, расположенной на западном устье Нила.

Благочестивых путников не интересовали достопримечательности пышной столицы Египта. Им мало было дела до великолепия города, до его монументальных зданий, тем более до увеселений Каноба и Тапоризисов. Не пленяли их исторические воспоминания о великом завоевателе мира, о Помпее, Цезаре, Клеопатре. Все это касалось славы «мира сего»; они же искали того, на чем сиял луч бессмертия... В конце IV века в Александрии жил знаменитый христианский учитель Дидим. Христиане родители, природные египтяне, воспитали его в духе христианского благочестия. В детстве Дидима постигло ужасное несчастье: пятилетний мальчик, много обещавший своим быстрым развитием, от внезапной болезни потерял зрение. Тем не менее мальчик умолял, чтобы не прекращали начавшегося было уже обучения его грамоте, и он действительно научился читать при помощи подвижных букв, которые служили ему для составления слов и целых предложений. И вот он с изумительной ревностью отдался науке, как бы желая возместить потерю зрения. Юношей он спешил в аудитории знаменитейших учителей своего города и изучил в совершенстве светские науки тогдашнего времени – грамматику, риторику, поэзию, философию и музыку. О силе его способностей говорит тот изумительный факт, что слепец решал труднейшие геометрические задачи при построении никогда не виданных им фигур. Дидим глубоко изучил творения Платона и Аристотеля, но венцом всех его усилий было подробнейшее и основательно знакомство со Священным Писанием. Он наизусть знал всю Библию, Ветхий и Новый Заветы и проникновенно умел изъяснять труднейшие места Писания. Великие труды его великого предшественника Оригена по изучению текста Священного Писания ему были хорошо известны, хотя, глубоко уважая великого христианского ученого, Дидим остерегался его ошибок и во всю жизнь остался православным христианином. Его мужество в защите Православия против ариан вызвало похвалу св. Афанасия. Со всех сторон – из Малой Азии, Сирии, Палестины не только простые смертные – знаменитейшие епископы спешили в Александрию поучиться у дивного слепца христианской мудрости и послушать его изъяснений Священного Писания. Отшельники Фиваиды были в числе его учеников. Сам Великий Антоний из глубины своей пустыни посещал Дидима. Дидим выразил св. Антонию свое сожаление о потере зрения. «О, Дидим, – воскликнул великий подвижник. – Не жалуйся на потерю зрения, не говори так! Если Бог не дал тебе телесных очей, которые есть у всех людей и даже у самых нечистых животных – змей, мух, ящериц, зато Он даровал тебе очи ангельские, чтобы ты созерцал Его лицом к лицу!» Блаженный Иероним в течение целого месяца наслаждался беседами с Дидимом и впоследствии с восторгом говорил о них. «Этот дивный слепец воистину *видящий* во всем библейском значении этого слова, подобно тому как пророки назывались провидцами. Взор его парит над землею... Дидим имеет очи – те очи, которыми красуется невеста “Песни Песней”, – те очи, которые Христос повелевает возвести вверх, чтобы узнать, пожелтели ли нивы и созрели ли колосья...» Великий слепец радушно принимал путников, и слава о нем далеко разносилась по всему миру... Справедливо говорит Руфин: «В то время Египет славился учеными в христианской мудрости мужами!»⁷²

⁷² Apolog. II, 424.

Карнак, Развалины древнего храма

Из Александрии путники направлялись к югу. Александрия по образу жизни и обычаям жителей напоминала путникам хорошо известный им мир. Но едва только путешественник удалялся от нее, сухим ли путем или вверх по Нилу на судне, как вместо шума и давки города, вместо блеска и великолепия его поражали глубокая тишина и безмолвие. Он сразу чувствовал, как его со всех сторон охватывал дух древнего Кеми... «И грек, и римлянин чувствовали себя

как бы в новом мире. Такое впечатление производила эта страна издавна, но во времена империи впечатление это еще более усилилось. Чем долее продолжалось римское господство над миром, тем однообразнее становился мир. На западе римская культура, а на востоке – греко-римская уравнивали всякие национальные и местные особенности. В одном Египте удерживались, подобно мумии, остатки той древней культуры, по сравнению с которой греческая и римская казались как бы вчерашними; и Египет, эта земля прошлого, с своими чудесами и тайнами, представлялся чем-то окаменелым среди живого настоящего. Его природа возбуждала любознательность более, чем природа какого-либо иного края... Разлив Нила в летнее время превращал весь Нижний Египет в пространное озеро: города, местечки и дома, построенные на природных или искусственных возвышениях, выступали из воды наподобие островов. По всем направлениям плавали бесчисленные лодки, из которых многие были сделаны из выдолбленного дерева или даже из связанных вместе глиняных черепков. До какой степени разнообразная растительность Египта и его мир животных делали впечатление на фантазию римлян, можно видеть из того множества египетских ландшафтов из мозаики и фресок, которыми они украшали стены своих жилых покоев и зданий. Так, например, на водах, обросших белыми цветами лотоса, плавают белые египетские болотные птицы, между высоким камышом и береговыми кустами скрывается гиппопотам, притаился крокодил, на берегу прокрадывается ихневмон, вьется змея, охорашивается ибис и приглаживает перья своим кривым носом, а там пальмы на тонких стеблях высоко раскинули над чащей свою пеструю крону... Колоссальные древности Египта возбуждали такое же удивление, как и его природа. Всесокрушающее время оказывалось бессильным над его искусственными каменными громадами, колоссальными храмами и дворцами, высеченными в скалах пещерами и переходами, исполинскими статуями и сфинксами, бесчисленными картинами и таинственными письменами, покрывавшими их стены. Египет был все тот же, что и за сотни лет тому назад; каким его описывали в древности, таким он оставался и после – вечно новый, вечно поражающий своим величием...»⁷³

Но в IV веке в Египте явилось нечто бесконечно более удивительное, чем все достопримечательности древнего Египта... «Не столь светло небо, испещренное сонмом звезд, – говорит святой Златоуст, – как пустыня египетская, являющая повсюду иноческие кущи. Кто знает древний оный Египет богоборный, беснующийся, – раба животных, страшившегося и трепетавшего пред огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Египетская пустыня лучше рая; там увидим в образе человеческого бесчисленные лики ангелов, сонмы мучеников, собрание дев; увидим, что все тиранство диавольское ниспровергнуто, а царство Христово сияет; увидим, что Египет, некогда мать и мудрецов и волхвов, изобретший все виды вохвоания, теперь хвалится Крестом...»⁷⁴ Этот-то Египет приветствовали благочестивые путешественники и, углубляясь внутрь страны, возглашали: «Радуйся, Ливия преподобная! Радуйся, Фиваида избранная!..»

В верхнем своем течении Нил струится в узкой долине между двумя параллельными цепями гор, которые расходятся врозь в среднем Египте, близ Мемфиса. Справа аравийская горная цепь направляется к Черному морю и Суэцкому перешейку. Левая разветвляется на две большие цепи, из которых одна направляется к озеру Мареотис, на юг от Александрии, а другая, называемая Ливийской, скрывается в песчаных равнинах Сахары. Эти горные цепи вместе с прибрежными нильскими холмами образуют две широкие долины. Западная представляет совершенно пустынную песчаную местность без всякой растительности. Арабы называют ее Сухой рекой, может быть, потому, что здесь в глубокой древности протекал один из рукавов Нила. Восточная долина имеет почву, пропитанную селитрой, и несколько соляных

⁷³ Фридлендер Л. Картины из истории римских нравов. II. С. 333–334.

⁷⁴ Беседа на Евангелие от Мф., 7.

озер. Горная площадь в 165 верст разделяет эти долины. Трудно вообразить себе что-либо мертвеннее и печальнее этого пустынного царства... Здесь-то, в этих долинах, и обитали иноки нитрийские и скитские.

Тремя дорогами можно было проникнуть сюда из Александрии. Нелегко было сделать выбор между ними, так как каждая представляла почти непреодолимые трудности для путника. Первая шла чрез озеро Мареотис, по долине, пропитанной солончаками и селитрой, — она вела прямо по горе, бывшей средоточием нитрийского иночества. Здесь на пути приходилось проходить глубокие и едва проходимые овраги. Озеро Мареотис грозило бурями и кораблекрушением. Вторая дорога направлялась между берегом Средиземного моря и озером, затем круто поворачивала к югу. Приходилось идти по раскаленным пескам и горным возвышенностям, отделявшим Нитрийскую долину от «Сухой реки». На этом пути нельзя было встретить ни малейшей растительности, ни капли воды... Третьей дорогой служил Нил до Мемфиса или до Арсиноэ. Отсюда уже по суше направлялись во «Святой град». Здесь встречались лужи, образовавшиеся после наводнений и кишевшие вредными гадами.

Обыкновенно путники избирали первый путь, как наиболее краткий. Они благодарили Бога, если им удавалось благополучно переплыть бурное озеро. Но главные трудности были еще впереди: густой соляной туман, стоявший над долиной по ночам, твердел с восходом солнца. Влага испарялась. На земле появлялись осадки в виде изморози. Вся земля покрывалась острыми селитряными иглами, как щетиной. Остроконечные кристаллы кололи копыта лошадей и рвали обувь.

Из глубоких солончаков подымались вредные испарения, в них можно было утонуть или задохнуться. Путники выбивались из сил, преодолевая трудности, но — уже виднелась вдали святая гора и можно было различить уже и храм на вершине горы, и пятьдесят обителей по ее скатам и у подошвы, и старинное селение — Нитрию. Это и был «град Господень», или «город святых». Все пятьдесят обителей подчинялись одинаковым правилам и состояли под управлением одного аввы или игумена. Высший надзор принадлежал епископу малого Гермополя. Посад Нитрия населен был булочниками, пирожниками, мясниками, виноторговцами, кормившимися главным образом от путников, прибывавших сюда из дальних стран и нуждавшихся в необходимом отдыхе. В многочисленных ущельях Ливийской горной цепи, на расстоянии 12 миль от града Господня, ютились уединенные кельи, на таком расстоянии одна от другой, чтобы нельзя было ни видеть, ни слышать друг друга. Сюда уединялись любители совершенного безмолвия с горы Нитрийской. Пещеры, образованные самой природой, подземные хижины или шалаши из листьев служили им жилищем.

Но самые строгие подвижники удалялись в Скит, лежавший на 24 часа пути от «града Господня». Скит был расположен среди безжизненной горной равнины, отделявшей Нитрийскую долину от Сухой реки. Один вид этой страшной местности уже навел глубокую тоску на душу... Нитрийский монастырь можно было бы назвать раем в сравнении со Скитом...

Нитрийский храм не поражал своей архитектурой. Строители заботились лишь о том, чтобы он мог вместить всех приходивших для молитвы. В Нитрии в конце IV века жило до 5000 иноков, да в кельях около 600, да в Скиту... Все они собирались во храм по субботам и воскресеньям. Если кто-либо отсутствовал, это было знаком, что он заболел. Тогда тотчас после Литургии отправлялись к нему в келью, чтобы навестить.

На той же горе стояли семь мельниц для перемолки хлеба и монастырская больница. Там же был приют для благочестивых богомольцев, которые могли жить здесь сколько угодно, но с конца первой недели им назначали послушание: кому назначали работу в саду, кому — на кухне и т. п. Из обители неохотно удалялись... «Эти люди, — говорили путешественникам, — собравшиеся сюда, чтобы предаваться богомыслию, молитве и суровым подвигам, чувствуют себя здесь счастливыми. Если приходится иной раз послать по какому-либо делу в город, то посылают обыкновенно брата, провинившегося чем-нибудь...»

Из Нитрии путники направлялись в царство «келий». Здесь встречали они большое разнообразие. Один жил в подземелье, «в пропастях земных», другой подвизался на вершине скалы. Один не показывался на дневной свет, другой проводил жизнь под палящими лучами африканского солнца. Кто носил власяницу, кто совсем не имел никакой одежды, покрываясь длинными, седыми как лунь волосами и бородой и пальмовыми листьями... Но под суровой наружностью у всех в груди билось кроткое, до самоотвержения любящее и сострадательное сердце, а в очах светился высокий, прозорливый ум...

Во всех местах показывали путешественникам предметы, напоминавшие великих подвижников: деревья, посаженные руками святых, например бескорыстного Памвы или Макария Египетского, закрывшего очи Антонию Великому, пещеру, выкопанную великим Серапионом, лестницу, устроенную в скале, лопаты, заступы, простые деревянные или каменные лежа для недолгого сна и т. д.

Возвращаясь домой, путники уносили с собой в душе глубокое, неизгладимое впечатление, и далеко по всему миру разносились дивные рассказы о святых подвижниках, ободряя души верующих к несению многотрудного подвига земной жизни, ободряя ослабевших и возжигая новую жизнь в тех, кто не знали иной жизни, кроме жизни «мира сего»...

V. Писатель книги «Жизнь пустынных отцев»

Писателем книги, предлагаемой читателю, считается Руфин, пресвитер Аквилейский. При жизни Афанасия Великого он совершил свое первое путешествие в Египет, прожил там шесть лет и видел великих подвижников, учеников Антония Великого. Это было в 70-х годах четвертого столетия. По возвращении из Египта он основал обитель на горе Елеонской и подвизался в ней около 20 лет. В 397 году Руфин возвратился на Запад, где издал перевод сочинений Оригена и апологию против Иеронима. Лучшими творениями его считаются «Церковная история» и «Жизнь пустынных отцев». При решении вопроса о принадлежности последнего труда Руфину встречаются значительные трудности, происходящие, как нам кажется, от недостаточного знакомства с обстоятельствами того времени. Современник Руфина, блаженный Иероним, ясно приписывает это сочинение самому Руфину.

«Жизнь пустынных отцев» впоследствии почти вся буквально внесена в «Лавсаик» Палладия, который называет Руфина «благороднейшим и доблестнейшим, учение и скромнее его не было между братьями»⁷⁵.

Кто бы что ни говорил о писателе «Жизни пустынных отцев», достоверность сказаний ее, записанных очевидцем, не подлежит сомнению.

Перевод этого творения древности с латинского подлинника, напечатанного в XXI томе «Патрологии» Миня, появляется в первый раз на русском языке, с необходимыми для уяснения текста примечаниями.

⁷⁵ Лавсаик, 103.

Пролог

Благословен Бог, Иже всем человекам хочет спастися и в разум истины прийти! (1 Тим. 11, 2). Он направил стопы наши в Египет, и явил нам много досточудного для назидания грядущих родов, да из созерцания сего породится не только побуждение к спасительным подвигам, но предстанет пред очами всех живой пример спасения и полезнейшее наставление к благочестию. Все это для желающих вступить на путь добродетельной жизни откроет по доверию к прежним подвигам обширнейшую стезю.

Увы! Мы не имеем достаточно силы для того, чтобы достойно поведать о столь великих подвигах. Недостойным представляется нам, если ничтожные и незначительные писатели возьмутся за описание великих дел и начнут простым языком говорить о возвышенных добродетелях. Но любовь братий, обитающих на святой горе Елеонской, настойчиво побуждает нас изобразить жизнь египетских иноков, их духовное совершенство, их благочестивые подвиги и твердость в воздержании – все, что мы сами видели. Уповая на молитвенную помощь об этом, мы приступим к нашему труду не из желания прославиться красноречием, но в надежде на то, что наш рассказ принесет назидание читателям. Авось кто-либо, возгоревшись духом при созерцании примеров подвигов, возбудится к тому, чтобы отвращаться от соблазнов мира, искать мира душевного и упражнения в благочестии.

Видел я, воистину видел сокровище Христово, сокрытое в человеческих сосудах. Не буду подобен завистливому, не скрою обретенного сокровища, но изнесу его на свет Божий и сделаю общим достоянием. Я хорошо знаю, что чем большее число людей обогатится им, тем более выгоды для меня – ведь и я обогащусь, если спасение других будет мне желанной наградой за мой труд.

Приступая к повествованию, прежде всего будем просить благодатной помощи Господа нашего Иисуса Христа, Его же силою совершаются иноками Египта все подвиги благочестия. Да, я видел в Египте отцов, живущих на земле и проводящих жизнь небесную, и новых неких пророков, воодушевленных как добродетелями душевными, так и даром пророчества, о достоинстве которых свидетельствует дар знамений и чудотворений. В самом деле, почему тем, которые не стремятся ни к чему земному, плотскому, не воспринять небесной силы? Некоторые из них так свободны от всякой мысли о пороке, что забывают, было ли в мире что злое. Таков мир души их, такова благодать, что воистину о них можно сказать: *мир мног любящим закон Твой, Господи!* (Пс. 118, 165).

Они обитают в пустыне, рассеянные и разделенные по кельям, но соединенные любовью. Разделяются жилищами для того, чтобы никакой звук, никакая встреча, никакой праздный разговор не возмущали наслаждающихся покоем безмолвия и священной сосредоточенности ума. Собравши ум, каждый в своем месте, ожидают пришествия Христа как благоносного Отца, или как воины в лагере – прибытия императора, или как рабы – прихода господина, обещавшего дать им свободу и награду.

Все они нисколько не заботятся о пище или об одежде и тому подобном. Ибо знают слово Писания: *всех сих языцы ищут* (Мф. 6, 32). Они же ищут правды и Царствия Божия, и все это, по обещанию Спасителя, прилагается им.

А если в конце концов многие из них почувствуют нужду в чем-либо необходимом для тела, прибегают не к людям, но, обратясь к Богу с просьбою, как к Отцу, получают просимое, потому что такова у них вера, что могут и горы переставлять. Поэтому некоторые из них молитвою останавливали стремительность рек, угрожающую затопить соседние селения, переходили по воде, как по суше, укрощали лютых зверей и совершали многие и бесчисленные чудеса, напоминающие чудотворения пророков и апостолов, так что нельзя сомневаться в том, что их добродетелями стоит мир.

И что всего изумительнее: хотя обыкновенно все превосходное редко и трудно, их и по числу много, и по добродетелям они несравненны. Одни из них живут вблизи городов, другие в селениях, многие рассеяны по пустыне как бы некое небесное воинство, опоясанное на брань, стоящее в лагере, всегда готовое к исполнению повелений царя; сражаясь оружием молитв и защищаясь от ударов врага щитом веры, стараются стяжать себе Небесное Царство. Они украшены добрыми нравами, миром, тихи, покойны и связаны союзом любви, как бы близкие родные. Они состязаются друг с другом только в стремлении к совершенству. Каждый стремится быть более снисходительным, кротким, любвеобильным, смиренным и терпеливым. Если из них кто-нибудь мудрее, то он так прост со всеми, что, по заповеди Господа, кажется меньшим всех и слугою всех.

Так как по благодати Божией я сподобился видеть их и беседовать с ними, попытаюсь рассказать о каждом в отдельности, что приведет мне на память Господь, дабы те, которые не видели их, узнали об их подвигах и, составляя из чтения понятие о совершенной жизни, побуждались к подражанию святым подвигам и стяжали пальму совершенной мудрости и терпения.

Глава 1

О святом Иоанне

В самом начале нашего повествования поставим как крепкое основание образец всех добродетелей – Иоанна⁷⁶. Воистину, он и один с избытком силен возвести благочестивые и посвятившие себя Богу души на вершину добродетели и возбуждать их к совершенству.

Мы видели его в Фиваидской области⁷⁷, в пустыне, близ города Ликоса⁷⁸. Он жил на скале высокой горы. Подниматься к нему очень трудно. Вход в обитель загорожен наглухо, и с сорокалетнего возраста до девяностолетнего, какой он имел во время нашего посещения, никто не проникал в его уединение. Посетителям можно было видеть его через оконце⁷⁹, и он изнутри давал ответы, изрекая слово Божие в назидание души или, по мере надобности, подавая утешение. Из женщин никто не был там, даже и для одного лицезрения, да и мужчины-то допускались редко, и то в известное время. Впрочем, он дозволил устроить вне места своего уединения келью для посетителей, приходившие из дальних стран могли там немного отдохнуть. Сам же он пребывал лишь в Боге, ни днем ни ночью не удаляясь от молитвенной беседы с Ним. Такой Божественный и непостижимый дар стяжал он всецелой чистотою души! И чем более он удалялся мирской суеты и мирских бесед, тем больше приближался к Богу. И достиг он, наконец, такой душевной ясности, что знал не только о том, что происходит в свете, но удостоился предвидения и будущего. Господь явно ниспослал ему дар пророчества. Не только своим согражданам и землякам, при вопросах с их стороны, предрекал будущее, но часто предсказывал и самому императору Феодосию⁸⁰ – то предстоявшие ему войны, то каким образом ему одержать победы над тиранами, то вражеские нашествия, какие ему придется выдержать.

⁷⁶ Блаженный Иоанн был сыном одного ремесленника из города Ликополя и до 25 лет сам был плотником. Побуждаемый желанием посвятить себя всецело Богу, он удалился в пустыню. Там, по примеру святого Антония, подвизался около 12 лет под руководством одного пустынножителя и навывк полному послушанию и отречению от своей воли. Прожив по кончине старца пять лет в обители, Иоанн удалился в пустыню, избрав для своего пребывания гору в четырех верстах от города. На самой вершине горы он устроил келью из двух комнат: в одной молился, в другой работал и подкреплял себя пищей. С посетителями Иоанн беседовал только по субботам и воскресным дням. Для отдохновения посетителей впоследствии близ кельи устроено было обширное помещение, более чем на 100 человек. О святом Иоанне смотри также в «Лавсаике» Палладия, епископа Еленопольского. (СПб., 1850. С. 124–147). О нем упоминают и другие церковные писатели: *Августин* (О граде Божием; К. V, гл. 26; Попечение об умерших. Гл. 16); *Кассиан*. (Кн. IV, гл. 23; Institutiones et Collat. II. Гл. 9; Collat. XXIV. Гл. 26); Евхерий в «Похвале пустыни» и многие другие. Память его 27 марта.

⁷⁷ Фиваидой называлась обширная равнина в области Верхнего Египта, местность весьма пустынная. В некоторых местах ее не встретишь ни травы, ни кустарника, ни деревьев. Среди песчаного моря встречаются темно-бурые скалы, обсыпанные песком и перерезанные черными тропинками. Дикие звери – шакалы и гиены – гнездятся в мрачных расселинах скал, голодные коршуны кружатся около вершин. См.: *Фридлендер*. Картины из истории римских нравов. Т. II. С. 348; *Partey*. Wanderungen. 2, 481; *Brugsch*. Reisenberichte. 328. О Фиваиде см. также у *Кледена*: Handbuch der Lander – und Staatenkunde, 810. Пустынная Фиваида прославилась подвигами святых отшельников. «Не столь светло небо, украшенное звездами, – говорит св. Иоанн Златоуст, – как пустыня египетская, являющая повсюду иноческие кущи... Египетская пустыня лучше рая. Там увидим в образе человеческом бесчисленные лики ангелов, сонмы мучеников, собрание дев...» (Беседа на Евангелие от Мф., VII).

⁷⁸ *Ликос* или Ликополь – «волчий город», названный так потому, что был посвящен египетскому божеству Анубису. Теперь – Siout, Siut. По берегам Нила от развалин древних Фив до самого Миниета идут древние каменоломни и гробницы, служившие потом убежищем для святых отшельников. Горы, окружающие Siut, также изрыты гробницами древних египтян. Siut ведет обширную торговлю с Дарфуrom. Местоположение очаровательно, особенно если смотреть на город с крутых возвышенностей на западной стороне Нильской долины. Вид на разлившийся Нил – один из прекраснейших в целом Египте, по словам Лепсиуса (см. у Кледена, с. 809, и у Elitée Reclus: Nouvelle Geographie universelle. X, 503, 519, 557, 606). В окрестностях и теперь можно еще видеть в пещерах на каменных стенах знамение креста...

⁷⁹ «Я нашел его сидящим у окна, чрез которое он, кажется, всегда беседовал с посетителями». Палладий. Лавсаик. (С. 129).

⁸⁰ Император Феодосий Великий царствовал в 370–395 гг. Он отличался искренним благочестием и усердно способствовал окончательному торжеству христианства. В римском мартирологии под 27 марта читаем: «В Египте святого Иоанна пустычника, известного святостью жизни. Отличаясь многими добродетелями (inter cetera virtutum insignia), он был исполнен даром пророчества и предсказал императору Феодосию победы над тиранами Максимом и Евгением». Победа над Максимом была одержана в августе 388 г. Евгений, покровительствовавший язычеству, провозгласил себя императором Западной части рим-

Кирена⁸¹ была крайним городом Фиваиды со стороны Эфиопии. Однажды близ этого города племя эфиопов⁸² напало на отряд римского войска и нанесло жестокое поражение нашим, награвив при этом большую добычу. Римский вождь пришел к Иоанну. Он не решился сразиться с варварами по малочисленности своего отряда, между тем как варваров была несметная толпа. Иоанн назначил военачальнику определенный день.

– Ступай спокойно, в указанный мною день ты поразишь неприятеля, отнимешь трофеи и вернешь награбленное.

Все это исполнилось. Военачальник донес обо всем императору, который вследствие этого, и стал благоволить к Иоанну и почитать его. Сам же он не своим заслугам приписывал дар пророчества, но более вере вопрошавших.

– Не ради меня, – говаривал, – но ради тех, кто слушает меня, Господь открывает будущее.

Вот еще другое досточудное знамение, явленное Господом через него. Отправляясь в поход, один трибун⁸³ пришел к нему и начал просить о дозволении его жене прийти к Иоанну.

– Скольким опасностям, – говорил трибун, – она подвергалась только из-за того, чтобы видеть лице твое!

Святой отказал:

– У меня и раньше никогда не было в обычае смотреть на женщину, а теперь – с тех пор, как я заключился в уединении на этой скале, – и тем более...⁸⁴

Трибун, однако, сильно настаивал на сей просьбе.

– Если моя жена не увидит тебя, – уверял он, – она, наверное, умрет от сильной тоски.

И снова несколько раз принимался просить святого мужа, говоря ему, что он будет причиною смерти его жены, которая найдет гибель там, где искала спасения.

Старец видел, что столь сильная вера являлась уже как бы несчастием.

ской империи в 392 г. Он велел вновь поставить в Римском сенате жертвенник римского языческого божества Виктории, вынесенный по приказанию Феодосия. Феодосий поразил Евгения в 394 г. Вебер во «Всеобщей истории» говорит: «Святой отшельник из Фиваидской пустыни предсказал победу» (Т. IV. С. 605). Об этой войне см. у Августина «О граде Божием» (V, 26); у Амвросия Медиоланского (Т. II, epist. 62); у Павлина Vita (Ambrosii, 26–34); Орозия (VII, 35); у Созомена (VII, 24); у Феодорита (V, 24); у Клавдиана, Зосима и др.

⁸¹ Кирена – главный город в Киренаике, греческая колония, после Карфагена первый по величине город в Северной Африке, но здесь, согласно Палладию и контексту речи, следует разуметь не Кирену, а Сиэнэ, «крайний город Фиваиды со стороны Эфиопии», лежавшей на юг от Египта. Сиэнэ – теперь Асуан (по иероглифам – Suan: отверстие, вход), под 24°5'23" сев. широты. Город был выстроен амфитеатром и окружен садами из пальм. Близ него – остров Элефантин (Dschesirehes-sahir, остров цветов). «Во время летнего поворота солнца особенно посещались Элефантин и Сиэнэ, два пограничных пункта Египта, лежавшие под поворотным пунктом Рака и представлявшие в это время необыкновенную картину природы. В полдень там не было ни малейшего признака тени: храмы, обелиски, люди освещались полным солнечным сиянием; в Сиэнэ в известный день в один и тот же час весь солнечный диск отражался в священном колодце и покрывал собою всю поверхность воды до самых краев» (Л. Флидлендер. Картины из истории римских нравов. Т. II. С. 350. Aristid. I, 1. Р. 347. См. также: Nouvell. Geographie universelle par Elisée Reclus. X, 88, 91, 108, 111, 540, 541. Handbuch der Länder – und Staatenkunde, von Kloeden, 813).

⁸² Дикие эфиопляне делали частые набеги на Египет. Цари их в древние времена владычествовали даже над всем Египтом. См. «Всеобщую историю» Г. Вебера. (Т. I. С. 184). Ср.: Nouvell. Geographie universelle par Elisée Reclus. X, 74, 193, 239, 297, 480.

⁸³ Трибун – военный начальник

⁸⁴ Об удалении иноков от свидания с женщинами читаем в «Луге духовном»: «Старец говорил: чадца, соль из воды и, соединясь с водою, растворяется и исчезает. Так и монах. От жены произойдя, он, приближаясь к женщине, ослабевает и обращается в ничто, т. е. перестает быть монахом» (Гл. 217 нового перевода «Луга духовного»). Ввиду такой опасности для инока от встречи с женщинами подвижники скрепя сердце отказывали в свидании даже сестрам и матерям (см. Мф. 12, 50). Когда сестра святого Пахомия сделалась монахиней и даже настоятельницей женской обители, он беседовал с ней не иначе, как при посредстве инока Петра, глубокого старца высокоцеломудренной жизни. Святой Бенедикт Нурсийский принимал свою сестру только раз в год, и это свидание брата с сестрой отнюдь не должно было продолжаться более одного дня. Другие избегали свидания даже с матерью, например Феодор, ученик Пахомия, Пимен, Нуф, Симеон Столпник и преподобный Феодосий Печерский. См. также рассказы о Пиоре, Иоанне Каламите, Феодоре, Маркиане и других. О самом святом Антонии в его жизнеописании, составленном святым Афанасием, говорится, что он после давней разлуки увидал свою сестру лишь тогда, когда в старости она сама сделалась настоятельницей монастыря.

– Ступай, – ответил он, – твоя жена увидит меня в эту ночь. Только пусть она не приходит сюда, а останется дома на своем ложе.

Выслушав это, посетитель удалился, размышляя в душе о загадочном ответе. Однако жена его нисколько не смутилась. И вот во время сна человек Божий предстал ей в видении...

– О жено, велия вера твоя! – сказал он. – И вот я пришел исполнить твое желание. Однако советую тебе – не стремись видеть плотское лицо рабов Божиих, но старайся в духе созерцать их деяния и подвиги. *Дух есть, иже оживляет, плоть не пользует ничтоже* (Ин. 7, 63). Я же – ни праведник, ни пророк, как ты думаешь, но по вере вашей предстательствовал за вас пред Господом, и Он даровал тебе исцеление от всех твоих телесных недугов. Отселе здравы будете – ты и муж твой, и благословится весь дом ваш. А вы, со своей стороны, помните о явленном вам Божиим благодеянии. Пребывая постоянно в страхе Божиим, довольствуйтесь своим жалованием и не ищите большего...⁸⁵ Достаточно для тебя, что увидала меня во сне, и о большем не хлопочи...

Пробудившись, жена поведала мужу о всем виденном и слышанном во сне, причем описала стан, лицо и все признаки старца. Изумленный муж, придя еще раз к человеку Божию, воздал хвалу Богу и, получив благословение, удалился с миром.

В другое время пришел к нему один военачальник. Дома у него осталась беременная жена. В самый день посещения блаженного Иоанна жена военачальника, разрешившись от бремени, опасно занемогла. Человек Божий сказал ему:

– О, если бы ты знал дар Божий, ты вознес бы благодарность Богу – сегодня у тебя родился сын. Однако знай, что твоя жена опасно занемогла, но Господь не оставит ее, и ты найдешь ее уже здоровою. Поспеши же возвращением домой – ты найдешь младенца семи дней от рождения и назовешь его Иоанном. В течение семи лет воспитывай его дома, охраняя от всякого влияния язычества⁸⁶, а затем поручи его инокам для обучения святым и божественным познаниям.

Сверх того, кто бы ни приходил к нему – земляки ли или из других провинций – он, смотря по нуждам, открывал им сердечные их тайны. Если у кого-нибудь был на совести в тайне совершенный грех, он наедине обличал и побуждал к исправлению и раскаянию.

Угрожало ли чрезмерное разлитие Нила или предстоял недостаток в воде – он предвещал об этом⁸⁷. Точно так же предостерегал, если грозила за грехи людские кара и казнь от Бога, причем ясно указывал и на причину небесного наказания. Здравие и исцеление больным он возвращал так, что при этом избегал всякого тщеславия, не допуская иногда приносить недужных к себе: благословив елей, он посылал его больным, и, помазываясь им, они исцелялись от всякого недуга.

Однажды у какого-то сенатора жена потеряла зрение. Она стала просить мужа, чтобы он отвез ее к человеку Божию. Муж отвечал, что он не принимает женщин. Тогда жена просила, чтобы муж по крайней мере объяснил ему то, чем она больна, и испросил бы его молитв за нее. Муж отправил посольство к Иоанну. Помолившись и благословив елей, человек Божий послал его к больной. Та в течение трех дней мазала елеем глаза свои и, снова получив зрение, воздала хвалу Богу. Но слишком много времени понадобилось бы на то, чтобы рассказать

⁸⁵ Ср. наставление святого Иоанна Крестителя воинам. (Лк. 3, 14).

⁸⁶ Блаженный Августин в своем сочинении «Попечение об умерших», рассказав об этом чудесном событии, прибавляет: «Qui hoc ab eis comperit, retulit mihi vir gravis et hobilis, et dignissimus credi (Тот, кто узнал об этом от них самих, то есть от мужа и жены, удостоившейся дивного видения, рассказал и мне, и это был муж почтенный, знаменитый и вполне достойный доверия)» (Liber de cure pro mortuis agenda. Cap. 16). Судьба Юлиана отступника слишком памятна была всем и достаточно оправдывает благопопечительный совет святого старца беречь дитя от влияния язычества.

⁸⁷ Все благосостояние Египта зависело от ежегодного разлития Нила. Но Нил подымался не на одинаковую высоту. При слишком большом разливе земля наводнялась чрезмерно, и образовывались болота и болотные пруды; наоборот, при слишком малом подъеме разлива нивы страдали от недостатка орошения и стране грозил голод (см. Диодор, 1, 52). Понятно, как многоценны были для жителей Египта указания святого мужа.

деяния Иоанна. Поэтому, опустив то, о чем мы узнали от других, перейдем к тому, чему сами были очевидцами.

Нас семеро спутников пришли к нему⁸⁸. После обычных приветствий он принял нас с радостью и благодушно поговорил с каждым из нас. А мы просили его помолиться вместе с нами и преподать нам благословение. Таков обычай в Египте: новоприбывшие братия немедленно вступают во взаимное общение чрез молитву. Иоанн спросил, нет ли кого между нами носящего духовный сан. Мы все заявили, что нет. Окинув взором каждого, он узнал, что один был из этого чина, но желал скрыть свое звание. Действительно, один был диакон, но об этом никто из спутников не знал, кроме одного, особенно близкого к нему⁸⁹. Желая видеть столь многих великих мужей, он ради смирения хотел скрыть честь своего сана, чтобы и по сану оказаться ниже тех, кого он считал выше себя по заслугам. Лишь только взглянув на него, святой Иоанн, несмотря на то, что он был моложе других, указал на него пальцем.

– Вот диакон!

Тот пытался было отказаться от сана.

Взяв его своей рукой, Иоанн облобызал его со словами:

– Чадо, не отрекайся от благодати Божией, чтобы вместо добра не впасть тебе во зло, вместо смирения – в ложь. Более всего следует остерегаться лжи, с какой бы целью она ни произносилась – с дурной или по видимому с доброй, потому что всякая ложь не от Бога, но, по слову Спасителя, от лукавого.

Выслушав это, брат перестал отпираться и благодушно принял ласковый упрек.

Затем мы вознесли молитву Богу. При самом окончании ее один из нашей братии почувствовал припадок мучившей его перемежающейся лихорадки и стал просить человека Божия об исцелении.

– Ты просишь об избавлении тебя от того, что тебе необходимо, – возразил святой. Тела очищаются от струпов селитрой и другими подобными врачевствами, а души – болезнями и другими очистительными наказаниями...

И долго после того таинственно рассуждал с нами об этом предмете. Однако, благословив елей, он подал его больному, и тот, помазавшись елеем, тотчас же извергнул все накопление желчи. Совершенно здоровым он сам дошел до вышеупомянутого убежища.

Потом старец позаботился об исполнении по отношению к нам долга человеколюбия и гостеприимства и о доставлении нам телесного подкрепления. Нисколько не думая о себе, он заботился лишь о нас... Вследствие долговременной привычки и навыка к посту он мог принимать пищу только вечером, и то немного. От строгого воздержания тело его истончилось, было сухо. Волос на голове и бороде было немного, как бы после сильной болезни, – никогда ведь он не принимал пищи в достаточном количестве и не пил никакой возбуждающей влаги. Даже при своем девяностолетнем возрасте (о чем было сказано выше) он не принимал никакой пищи, приготовленной на огне... После нашего отдыха и подкрепления, снова показавшись, он пригласил нас сесть подле себя. Мы были в восторге от того, что он принял нас с сердечной радостью, как родных детей. Только теперь он спросил нас, откуда мы и зачем пришли к нему. Мы отвечали, что пришли к нему из Иерусалима ради пользы души и дальнейшего возрастания в духовном совершенстве. То, о чем давно знали по слуху, мы желали видеть своими очами. Гораздо глубже и крепче держится в памяти не то, о чем слышишь, но то, что сам видел... Тогда с невыразимым спокойствием на лице и тихо улыбнувшись, как бы от полноты духовной радости, старец ответил нам:

⁸⁸ Палладий в «Лавсаике» говорит о своем путешествии: «Иногда я шел пешком, иногда плыл водою, и кончил свое путешествие в 18 дней» (С. 128).

⁸⁹ У Миня (Patrolog. cursus compl. series latina. Т. XXI. С. 238–239) выражается мнение, что упоминаемый здесь диакон был Петроний, впоследствии епископ Бононии (Болоньи).

– Диво для меня, дорогие чада, что вы из-за этого предприняли подвиг столь трудного путешествия... Ничего достойного такого труда вы не найдете во мне. Я – простой и незнатный человек, и ничего нет во мне такого, чтобы стремиться ко мне, а тем более удивляться... А если бы и было во мне что-либо, соответствующее вашему ожиданию, то таково ли оно, как то, что вы можете найти в пророках и апостолах? Потому писания их и читаются во всех церквях Божиих для того, чтобы, не отправляясь в дальние и чужие страны, каждый у себя дома имел высокие примеры для подражания. Потому-то я чрезвычайно удивляюсь вашему подвигу и усердию, что вы ради духовного преуспевания решились пройти так много стран и перенести так много труда, между тем как здесь лень и нерадение до того одолели нас, что не хочется выйти даже из кельи. Если уж вы надеетесь получить какую-нибудь пользу от меня, прежде всего скажу вам: старайтесь не иметь даже вида какого-либо тщеславия из-за того, что вот вы пришли ко мне и перенесли так много трудов для того, чтобы повидать меня. Не пожелаю бы кто-нибудь из вас не преуспевания души в добродетели, но превозношения и похвалы тем только, что вот-де я видел тех, кого другие знают только по слуху.

Порок тщеславия тяжок и весьма опасен. Он низвергает душу даже с высот совершенства. Потому-то прежде всего я желал бы предостеречь вас от него. Это зло проявляется двояким образом: у иных оно проявляется при самом начале обращения к Богу. Покажут ли они сколько-нибудь воздержания или израсходуют сколько-нибудь денег на бедных – вместо того, чтобы считать себя лишь отвергнувшими лишнюю помеху ко спасению, они уже воображают о своем превосходстве над теми, кому оказали помощь. Другой вид тщеславия проявляется на высших ступенях совершенства – это тогда, когда начинают приписывать все не Богу, но своим подвигам и усилиям. И такой человек, ища славы у людей, теряет славу, которая от Бога. Потому-то, милые чада, будем всячески избегать порока тщеславия, да не впадем в напасть, которой подвергся диавол.

Затем приложим все старание о нашем сердце и помышлениях. Здесь следует зорко смотреть, чтобы не пустили корней в нашем сердце какая-нибудь похоть, или нечистая склонность, или какое-либо пустое желание, противное воле Божией. Вот от этих-то корней немедленно начинают произрастать пустые и вредные помыслы. Они настолько бывают тягостны, что не оставляют нас в покое даже на молитве, не боятся возникать в душе тогда, когда мы станем пред лицом Божиим и возносим прошения о нашем спасении. Они овладевают пленною мыслию, и мы, стоя телом как будто на молитве, чувством и мыслию блуждаем и носимся по распутьям. Вот кто-нибудь подумал о себе, что он отрешился от мира и служению диаволу, – ему недостаточно на словах только выразить, что он будто покинул любостяжательность, корысть и прочую суету мирскую. Нет, необходимо отказаться от порочности в душе и отбросить вредные и пустые наклонности. Об этом говорит апостол: *Впадают в похоти несмысленны и вреждающие, яже погружают человеки во всегубительство и погибель* (1 Тим. 6, 9).

Вот что значит отречься от диавола и дел его! Ведь диавол закрадывается к нам в сердце чрез какую-нибудь порочную наклонность или нечистое желание. Порочность – это его область, а добродетели – от Бога. Пороки, гнездясь в нашем сердце, дают в нем место диаволу, их первовиновнику, как бы хозяину, и вводят его во владение (сердцем), как бы своим достоянием⁹⁰. Вот причина, почему в таких сердцах не может быть ни мира, ни спокойствия. Всегда они возмущены, чем-нибудь поглощены: сегодня – пустой радостью, завтра – гнетущей бесплодной печалью. В них живет ведь злейший обитатель, которому они дали место внутри себя своими страстями и пороками. Напротив, душа, действительно отрешаясь от мира, то есть оторвавшая от себя всякую порочность, не дает уже диаволу никакого доступа внутрь себя. Она укрощает гнев, подавляет ярость, избегает лжи, гнушается ненависти и не только

⁹⁰ Святой Антоний говорил: «Когда злые духи всевают в душу богопротивные мысли, то чрез сие как бы вселяются в нас и делаются как бы видимыми в нашем теле, в наших грехах» (История православного монашества на Востоке. Ч. I. С. 101).

не злословит, но даже не позволяет и мыслить что-либо дурное в своем ближнем. Радость и горе брата она считает своими. Душа, соблюдающая это и другое, подобное этому, отверзает в себе место для Святого Духа. Если вселится в такую душу и озарит ее Святой Дух, в ней всегда пребывает радость, веселие, любовь, терпение, великодушие, кротость (Гал. 5, 22) и все плоды Святого Духа. Это-то и есть то самое, о чем говорит Господь в Евангелии: *Не может древо добро плоды злы творити, ниже древо зло плоды добры творити* (Мф. 7, 18). Дерево познается по плодам своим.

Некоторые по видимому и отреклись от мира, но, не заботясь о чистоте сердца, не вырывают из души пороков и не исправляют своего нрава. Вот такие-то и стараются только о том, чтобы увидеть кого-нибудь из святых отцов и услышать от них какие-нибудь изречения, а потом начинают пересказывать другим, хвалясь тем, что вот узнали это от того-то и от того-то... Если случится им приобрести какие-нибудь познания или от других, или поучившись немного, они уже тотчас хотят быть учителями и учат – только не тому, что сами совершали над собой, но тому, что слышали или видели, и при этом презирают других. Домогаются они и пресвитерства, стараются пробраться в клир, не зная того, что меньшему осуждению подвергнется тот, кто сам хотя бы и преуспевал в добродетели, но не решается учить других, нежели тот, кто поучает других добродетельной жизни, между тем как сам погряз в страстях и пороках. Так-то, чада мои... Я не говорю, что всячески следует избегать священства или духовного звания, равно как наоборот – не следует во что бы то ни стало искать его. Прежде всего необходимо потрудиться над тем, чтобы исторгнуть порочность и привить душе добродетель. Божию смотрению следует предоставить, восхочет ли Бог и кого благословит избрать на служение Себе или для священства. *Не хваляй бо себе, сей искусен, но егоже Бог восхваляет* (2 Кор. 10, 18).

Главное дело инока – возносить чистую молитву Богу⁹¹. Он не должен иметь на совести никакого упрека, по слову Господа в Евангелии: *Егда стоите молящися, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже на небесех, отпустит вам согрешения ваша* (Мк. 11, 25).

Итак, если мы предстанем пред Богом, как я выше сказал, с чистым сердцем, свободные от всех упомянутых пороков и страстей, мы можем, насколько это возможно, даже узреть Бога – молясь Ему, устремлять на Него око нашего сердца и видеть Невидимого, конечно, не телесными очами, но духом – созерцанием души, а не телесным зрением. Да не подумает кто-либо, что он может видеть самую сущность Божию, как Бог есть Сам в Себе, так, чтобы мог представить себе, в своей душе, какое-либо очертание или образ, подобный какому-нибудь плотскому образу. Нельзя представить себе в Божестве ни формы, ни очертания. Он – чувство, разум, о Котором мы можем размышлять в глубине сердца и Который проникает Собою нашу душу. Но Его нельзя обнять мыслию, ни описать, ни изобразить словом. Поэтому должно приближаться к Господу с возможным благоговением и страхом. Созерцание души должно держать на такой высоте, чтобы всегда сознать Бога выше всевозможного блеска, света, сияния, величия, выше всего того, что только может изобразить разум человеческий, да и то при чистоте сердца, без малейшей примеси какой-либо скверны нечистого желания⁹². Об этом-то и следует больше всего заботиться тем, которые выражают желание отречься от мира и служить Богу,

⁹¹ Кассиан говорит: «Постоянно чистая и нерассеиваемая молитва есть цель и совершенство инока» (Достопамятные сказания, 134). Главной молитвенной книгой иноков была Псалтирь. Блаженный Августин говорил, что любовь к псалмопению породила монастыри (*August. In Psalm. 132*). Для келейной молитвы не было определенного устава. Исидор говорил: «В молодости я не определял времени для молитвы – дни и ночи проходили в молитвословии» (Достопамятные сказания, 90). Однако считалось обязательным ночью и вечером пропеть по 12 псалмов. Так повелось среди подвижников от древнейших времен (*Cassian. Instit. L. 2. C. 6*). Общественное богослужение совершалось в субботу и воскресенье. Ночное богослужение начиналось раньше пения петухов и оканчивалось пред зарей или при четвертом пении петухов (*Cassian. De coen. instit. L. 3. C. 5. 8*). См. также примеч. к 73-й главе «Луга духовного» в новом переводе.

⁹² В словах святого Иоанна содержится заботливое предостережение против антропоморфизма. Антропоморфистами называются те, которые приписывают Богу качества телесной природы. Это заблуждение в то время находило много последователей среди египетского иночества. Об этом см. «Историю христианской Церкви» Д. Робертсона (Т. I. С. 357).

как написано: *Упразднитеся и уразумеите, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Когда кто таким образом познает Бога, насколько это возможно для человека, тогда постигнет вместе с тем и все остальное, постигнет и тайны Божии, и чем чище будет душа его, тем больше откроет ему Бог, явит ему и тайны Свои. Он становится уже другом Божиим наравне с теми, о которых сказал Спаситель: *Не к тому вас глаголю рабы, но други* (Ин. 15, 15). И все, что не попросит у Бога, дает ему Бог, как дорогому другу. И самые силы ангельские, и весь таинственный небесный мир возлюбят его, как друга Божия, и будут исполнять все прошения его. Это тот, кого уже не отлучит от любви Божией во Христе Иисусе ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни власти и никакое творение. Потому-то, возлюбленные, так как вы уже избрали жребий угождать Богу и стяжать любовь к Нему, постарайтесь удаляться от всякого тщеславия, от всех скверн душевных и от всех чувственных услаждений. И не считайте чувственными удовольствиями только те, которыми наслаждаются люди, преданные миру, нет! Такие удовольствия, поверьте, бывают и у хранящего воздержание, когда он употребляет что-либо с пристрастием, хотя бы предмет пристрастия сам по себе был ничтожным и во всегдашнем употреблении у воздержного. Возьмите наконец просто воду и хлеб... Если человек вкушает их с услаждением, то есть не для удовлетворения телесной потребности, но для услаждения души, – даже и это для воздержного вменяется в грех чувственности... Необходимо во всем приобретать навык для освобождения души от порока. Потому-то Господь, желая научить душу противостоять своим пожеланиям и страстям, сказал: *Внидите узкими вратами, яко пространная врата и широкий путь вводя в пагубу* (Мф. 7, 13), *узкая же врата и тесный путь вводя в живот* (Мф. 7, 14). Просторный путь для души открывается тогда, когда она спешит удовлетворять каждому своему желанию; напротив, она избирает тесный путь, противясь своим влечениям. Впрочем, к достижению сего способствует уединенный образ жизни, пустынное безмолвие, потому что при посещении братии, при множестве приходящих и уходящих, иногда ослабляется узда воздержания и умеренности и затем неприметно укореняется навык и потребность в чувственных наслаждениях⁹³. Иногда таким образом даже и совершенные мужи попадают в сети. Потому, по слову Давида, *се удалихся бегая, и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури* (Пс. 54, 8–9).

Много говорил нам таким образом святой Иоанн о пороке тщеславия. После продолжительной многополезной беседы и о другом в заключение он сказал:

– Теперь я скажу вам о том, что недавно еще случилось с одним из братии нашей. Примеры-то могут сделать вас еще более осторожными.

Жил тут у нас в соседней пустыне инок. Жилищем ему служила пещера. Это был муж великого воздержания, добывавший себе дневное пропитание трудом рук своих. Все время – день и ночь – он проводил в молитве, словом, его украшали все добродетели души. Но возгордившись столь отрадными успехами, он стал уповать на свое мнимое совершенство, а не на единого Бога, и себе самому ставил в заслугу свои совершенства. Заметив такое превозношение духа, искушитель тотчас приступил к нему и расставил для него сети⁹⁴. Однажды, к

⁹³ Безмолвие высоко ценилось среди святых подвижников. См.: Достопамятные сказания о подвигах отц., 4; Лестница, гл. 27. Превосходные наставления о безмолвии дает еписк. Феофан Затворник (Путь ко спасению. С. 386–387). См. также примеч. к 67 гл. «Луга духовного» в новом переводе.

⁹⁴ О влиянии злых духов см. в сочинении святителя Феофана Затворника, например, «Путь ко спасению» (С. 124–125). Египетские иноки знали наставления о сопротивлении им св. Антония и других отцов. См., например, письма святого Антония 1, 6 и др. в «Христианском чтении» за 1835 г. Самая тяжкая борьба предстояла иноку с могущественнейшей из страстей – плотской похотью. Страшная борьба с плотской похотью, какую вели подвижники в своем уединении, побуждала их в чувстве отчаяния нередко искать смерти: иные топились в реках и морях, бросались с высоких скал в пропасти и ущелья, другие пронзали себя мечом или умерщвляли другим способом, как говорится об этом, например, в житии святого Пахомия, в сочинениях Григория Богослова и Амвросия Медиоланского. Другим, менее решительным средством служило самооскопление. Само собой разумеется, Церковь строго осуждала подобные средства. В древней Церкви существовало много законов и соборных постановлений, направленных против скопцов, как дерзких нарушителей порядков, устроенных Самим Богом. Самоубийство, как и самооскопление, рассматривалось как «обнаружение слабости, а не силы». «Церковь приемлет только

вечеру, он является в виде прекрасной женщины, которая будто бы заблудилась в пустыне. Как бы утомленная после страшного труда, она подошла ко входу в пещеру. С видом крайнего изнеможения и усталости, вступив в пещеру, гостя бросается к ногам отшельника и умоляет сжалиться над нею.

– Я укрывалась в пустыне, но ночь застигла меня, несчастную... Позволь мне отдохнуть в уголке твоей пещеры, чтобы не сделаться мне добычей зверей...

Под предлогом сострадания инок вводит ее в глубину пещеры⁹⁵.

– Зачем же ты блуждала по пустыне? – спросил ее отшельник.

Она очень ловко выдумала причину и, рассказывая, примешивала к речи тонкий яд ласкательства и женского обольщения. Выставляя себя то невинной, достойной сожаления жертвой, то выражая нужду в покровительстве, она очаровала душу отшельника изяществом и красотой речи. Мало-помалу, пересыпая увлекательный разговор шуткой и смехом, она шаловливою рукой касалась подбородка и бороды инок, и это со скромным видом почтения, под конец уже все нежнее поглаживала его затылок и шею. Что ж дальше?.. В конце концов воин Христов очутился в плену... В сердце его закипела страсть, забушевали волны плотской похоти... Позабыл он и свои подвиги, и свои обеты, и свое назначение...

Вот он в глубине сердца уже отдается сладострастной похоти, в тайниках своих помышлений уже в преступной связи с нечистой страстью... Глупый, он наклоняет выю и становится, *как конь и мекс* (лошак), *имже неть разума* (Пс. 31, 9). Вот он уже готов броситься в постыдные объятия, как вдруг женщина, подобно легкой тени, с ужасающим воплем исчезает из его объятий... Тогда множество злых духов слетелись на это зрелище с громким воплем, со злыми насмешками:

– А... это ты, возносившийся до небес, теперь низринулся до ада!.. Теперь понимаешь слова: *Всяк возносяйся смирится?!* (Лк. 14, 11).

Тогда он, как бы помешавшись в уме, не вынося позора своего обольщения, обманывает сам себя еще сильнее, чем был обманут демонами. Вместо того, чтобы подумать о восстановлении своего духа, о возобновлении борьбы, вместо того, чтобы искупительными подвигами – слезами и сокрушением сердца – изгладить вину прежнего превозношения, он в отчаянии предался, по слову Апостола, всякому нецеломудрию и неправде (Еф. 4, 19). Вернувшись к мирской жизни, он сделался добычей дьявола: теперь он избегает даже свидания со всеми святыми, чтобы кто-нибудь спасительными советами не извлек его из погибели. Разумеется, если бы он пожелал, как прежде, вести воздержную жизнь, он, без сомнения, возвратил бы прежнее достоинство и благодать.

Или – вот что еще произошло с другим мужем. Он подвергся подобному же искушению, но оно разрешилось другим исходом. В соседнем городе жил один человек, проводивший самую гнусную жизнь во всевозможных злодействах. Его считали зачинщиком во всех бесчинствах. Но вот однажды перст милосердного Бога коснулся его сердца, и он обратился к покаянию. Заключившись в погребальной пещере, он потоками слез омывал позор своих прежних злодеяний. Днем и ночью повергаясь лицом на землю, он не дерзал ни поднять очей к небу, ни произнести слова, ни изречь имени Божия... Слышны были только вопли и плач. Похоронивши себя как бы заживо, он точно из преисподней испускал вздохи и вопль сердца⁹⁶... Так провел он целую неделю. Вдруг к нему в гробницу являются злые духи с криком:

победителей, а не побежденных» (св. Амвросий Медиоланский). Некоторые подвижники усмиряли плотскую брань посредством холода, пользуясь холодной водой, льдом и снегом, другие – посредством лежания на терновнике, волчках и крапивнике. Наш киево-печерский подвижник преп. Иоанн Многострадальный закопал себя по грудь в землю, чтобы усмирить плотскую похоть. Но самыми обычными и наиболее целесообразными средствами были пост, молитва и удаление от женщин. См.: «Луг духовный» в новом переводе, примеч. к гл. 14-й.

⁹⁵ Дозволялось оказать гостеприимство и женщине, с соблюдением необходимой осторожности (Достопамятные сказания, 152).

⁹⁶ Непрестанное оплакивание грехов или дар слез были у древних подвижников плодом сокрушения о грехах. У иных

– Что это ты затеял, негодяй и распутник? Пресытившись всякой скверной и нечистотою, теперь ты захотел стать чистым и благочестивым?! Не поздно ли? Ты ведь состарился в пороках: у тебя уж и сил нет для того, чтобы загладить свои злодеяния... Вишь – прикинулся христианином, скромником, кающимся... Или ты воображаешь, что тебе, насквозь пропитанному злом, может быть дано какое-либо иное место, а не одно с нами?! Ты ведь наш и другим быть не можешь. Вернись-ка скорее, ступай к нам! Немного времени осталось у тебя – не теряй его, пользуйся им для наслаждений! Мы в изобилии приготовим для тебя радости жизни, доставим тебе прелестнейших красавиц, а также и все то, что может возратить тебе свежесть цветущей юности. Зачем ты будешь изнурять себя попусту, понапрасну? Зачем прежде времени подвергаешь себя казни? Не то ли самое будешь терпеть в аду, чего ищешь теперь? Если уж тебе нравится кара, подожди немного – она уже уготована для тебя. Теперь-то, по крайней мере, не пренебрегай нашими дарами: ты ведь всегда находил в них удовольствие!

Вот так-то, да и еще хуже, они издевались над ним, а он лежал неподвижно: точно не слышал ничего, и хоть бы одно слово в ответ им... Злые духи снова и снова повторяли то же самое, все усиливая свои соблазны. Инок был непоколебим. Демоны пришли в ярость, увидев полное пренебрежение... Всей толпой бросившись на инок, они подвергли его страшным побоям и, избив чуть не до смерти, исчезли⁹⁷. Страшно измученный, инок, однако, не тронулся с места, на котором простерся ради молитвы. На следующий день некоторые из близких ему людей, из расположения к нему, отыскивали его. Найдя его избитым до невероятия и расспросив о причине несчастья, стали упрашивать, чтобы он позволил отнести его домой для поправления. Инок отказался и остался на том же месте. Злые духи и в следующую ночь напали на него, поражая еще страшнее, чем прежде. Инок и тогда не хотел оставить своего места.

– Лучше, – говорил он, – умереть, чем покориться и уступить демонам.

Настала третья ночь. Ринувшись на него несметной толпой, демоны без всякой пощады истошили над ним свою злобу всевозможными истязаниями. И самое тело его уже изнемогло в мучениях, но дух до конца противостоял насилию. Видя это, злые духи вскричали не истово:

– Победил нас, победил!

Гонимые как бы силою свыше, они стремглав бросились прочь от инока. Не было больше ни соблазнов, ни мучений...

Инок возвысился до такого совершенства духовного и, просветлев душою, исполнился такою силою Божией благодати, что вся область взирала на него, как бы на нисшедшего с неба, и считали его скорее за ангела. Все единогласно говорили о нем:

– *Сия измена десницы Вышнего!* (Пс. 76, 11).

И как много было таких, которые по примеру его, отчаявшись в своем спасении, снова воодушевились упованием, принявшись за исправление себя, о чем прежде и подумать не смели! Как много было таких, которые со дна ада восстали и укрепились в добродетели! После перемены, происшедшей с ним, все уже казалось для них возможным. И не только он просиял своим исправлением и духовным совершенством, но и благодать Божия в изобилии почил на нем. Знамения и чудеса, явленные им, ясно показали, какую милость снискал он у Бога. Так

подвижников слезы лились обильно при каждой мысли о грехах. Такое состояние признается особым даром благодати Божией. В непрестанном плаче и слезах видели как бы род второго крещения, чрез которое заглаждаются грехи, содеянные после первого благодатного крещения. См.: Луг духовный. Гл. 176. В то же время отцы давали мудрый совет не вынуждать течения слез и не слишком домогаться внешнего плача. Эти слезы не будут спасительны: развлекаая дух молящегося, они ослабят его. Истинный дар слез – плод свободного, внутреннего, благодатного движения духа... (См.: Кассиан. Collat. Lib. 9; 30) Снес. примеч. к 30-й главе «Луга духовного» в новом переводе.

⁹⁷ При чтении этого рассказа напомним читателям следующее из книги Иова: «И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги. И отошел сатана от лица Господня и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его» (Иов. 2, 6–7). О подобных нападениях злых духов см.: в жизнеописании святого Антония (Vita Antonii Sancti Athanas. 30, 40). См. «Историю православного монашества на Востоке» (Ч. I. С. 49).

смирение и обращение к Богу приносит все блага, а гордость и отчаяние – причина смерти и гибели.

К избежанию опасности падения, к снисканию Божией благодати и яснейшего познания Самого Божества весьма много способствует безмолвие и пустыня. Не слова, но самое дело и примеры, по моему мнению, всего лучше убеждают в этом.

В нашей, сравнительно более уединенной, пустыне жил один инок. Долгие годы провел он в непрестанном воздержании и близился уже к старости. Все добродетели украшали его на высоте всецелого воздержания. Служил он Богу, воспевая Его немолчно в псалмах и песнопениях⁹⁸. И вот, как заслуженному своему воину, Бог приготовил ему воздаяние: живя еще в теле, он мог подобно ангелам нести служение бесплотных, потому что Господь удостоил его питать в пустыне ежедневно посылаемым с неба хлебом. Ведь стоял он на неусыпной страже, ожидая Царя Небесного!

Так благоугодно было Господу даже в этой жизни вознаградить усердный подвиг его и, в неусыпном помышлении Своем, обеспечить его ежедневной пищей. И вот лишь только он чувствовал голод, войдя в пещеру, находил на столе у себя хлеб чудесного вкуса и удивительно чистый. Подкрепившись им, он снова начинал молиться и воспевать славу Божию. Наконец Бог удостоил его особых откровений и дара пророческого. Но, достигши столь великого совершенства, он стал тщеславиться якобы своими заслугами и дар небесной милости считать за должное себе возмездие, – и вот тотчас закралась в его душу какая-то беспечность, сперва едва заметная даже для него самого. Из этого малого зародыша выросло уже большое нерадение: не так ревностно спешил он уже к песнопению, ленивее пробуждался на молитву. И псалмы пел он уже не с прежним усердием, но, лишь немного выполнив из обычного правила, его душа уже спешила к отдыху, как бы утомленная чрезмерным трудом... Чувства его омрачились, с духовной высоты ниспала душа его, и помышления расплзлись по горам и пропастям... В глубине его сердца уже зародился пока еще неясный для него самого, но нечистый и преступный помысел, хотя по внешности образ жизни его оставался без изменения. Подобно тому как течение воды силой прежнего движения увлекает еще лодку, хотя бы весла и перестали работать, так долговременный навык побуждал инока к прежним привычным занятиям. Потому и казалось, что он пребывает еще в прежнем достоинстве. Так по обычаю после молитвы под вечер он находил пищу на столе – на том месте, где он обыкновенно подкреплял свои силы. Насытившись ею, однако, он не заботился об исправлении того, что происходило в его сердце. Вовсе не думая о вреде совершавшейся в нем перемены, даже презирая это, как пустяки, он не предвидел того, что вскоре грозит ему полное падение... И вот запылал в нем страшный пожар похоти, и, объятый пламенем гнусной страсти, он рванулся было в мир... Однако на этот раз сдержал себя и, окончив обычное правило молитв и песнопений, вошел в пещеру, чтобы принять пищу. Он, правда, нашел у себя на столе хлеб, но уже не прежней чистоты... Подивился этой перемене и опечалился... Понял, что это знамение относится к нему... Однако, взяв пищу, насытился. Через три дня внутренняя язва его утроилась: его мыслями и воображением овладел неотвязчивый образ женщины, которая как будто была у него перед глазами и лежала вместе с ним... Ему казалось уже, что он обнимает ее...

Однако и на следующий день он вышел для обычных подвигов псалмопения и молитвы, но взор его был рассеянный и сердце занято другим. Вечером он нашел на столе пищу, но уже

⁹⁸ Псалмопение было весьма распространено среди египетских отшельников. Религиозное пение процветало в Египте уже издавна, еще во времена языческие. Жрецы четыре раза в день пели гимны богам. Святые подвижники пели псалмы во славу истинного Бога (см. наставления о псалмопении святых Киприана, Амвросия Медиоланского, Иеронима, Августина, Григория Великого и др.). Пели псалмы стоя. Святой Иоанн Златоуст говорит, что иногда при пении Псалтири подвижники держали руки поднятыми вверх и притом крестообразно. Есть указание и на коленопреклоненное пение Псалтири. Иногда совершали пение Псалтири, распростершись на земле. Псалмопение сопровождалось также земными поклонами, как это видно из жития св. Симеона Столпника.

отвратительного вида, черствую и изгрызанную со всех сторон как бы мышами или собаками. Увидев это, он, вздохнув, пролил слезы, но не от сердца были эти слезы и не в таком изобилии, чтобы угасить пламя, загоревшееся в его сердце. Правда, он вкусил пищи, хотя и не утолил своего голода, – не такова уже была она, как прежде... Между тем помыслы поднимались со всех сторон, подобно варварской когорте, и поражали отовсюду его стрелами... Наконец – он связан и взят в плен... Его увлекают в мир... Встав со своего ложа, он пустился ночью в путь по пустыне по направлению к городу. Но вот рассвело, а город был еще далеко. Ужаснейший зной палил его. В полном изнеможении он озирался кругом, не увидит ли где-нибудь поблизости монастыря. Увидав пещеру каких-то братий, он устремился туда для отдохновения. Заметив его приближение, рабы Божии тотчас выбежали к нему навстречу и с почтением, как ангела Божия, приняли его. Омыв ему ноги, просили вместе с ними помолиться. Поставив стол, братия, по заповеди Господа, со всевозможным тщанием исполнили долг гостеприимства. Когда гость подкрепился и несколько отдохнул, хозяева по обычаю просили его сказать им слово назидания и совет ко спасению. Все ведь считали его глубоко образованным и опытным в духовной жизни отцом. Расспрашивали его также и о том, каким образом избегать козней диавола и как отражать нечистые помыслы, внушаемые им. Так он по необходимости должен был дать наставление братии – разъяснить им путь жизни и коснуться в своей речи козней диавола, которые строит он рабам Божиим... Гость начал поучать их со всею обстоятельностью, но сам внутри жестоко страдал огненными укорами совести. То и дело обращаясь к себе самому, он в глубине сердца восклицал: «Других учу, а сам заблуждаюсь... Как смеешь ты исправлять других, не заботясь о собственном исправлении? Ну-ка, окаянный, исполни сперва сам, чему учишь других!» Поражая себя такими укоризнами, он понял всю глубину своего падения. Простившись с братией, он стремительно уходит в пустыню и возвращается в свою пещеру. Бросившись на землю, он громко воскликнул: «*Аще не Господь помог бы ми, вмаle вселилася бы во ад душа моя!..* (Пс. 93, 17). Совсем погряз было я во зле и *вмаle не скончаша мене на земли* (Пс. 118, 87). Воистину оправдалось на мне слово Писания: *брат от брата помогаем, яко град тверд и высок. Укрепляется же, яко основанное царство!*» (Прит. 18, 19). С тех пор он всю жизнь провел в плаче и слезах, видя, что лишился ниспосылаемой ему пищи. И начал он трудами рук своих и в поте лица своего снискивать себе пропитание... Замкнувшись в глубине своей пещеры, он лежал поверженным в прахе и пепле. Плача и рыдая, он не переставал молиться, пока не явился ему ангел Господень и сказал: «Господь принял твоё раскаяние и умилился над тобой, но берегись – не поддайся снова искушению гордости. Вот придут к тебе братия, которых ты наставлял, и благословят тебя. Не откажись принять благословение и, разделив с ними трапезу, воздай благодарность Богу твоему!»

Все это, дорогие чада, я рассказал вам для того, чтобы поняли, сколько крепости в смирении и наоборот – опасности в самопревозношении. Потому-то и Спаситель наш первое блаженство полагает в смирении: *Блаженни нищие духом, яко тех есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3). И я привел вам эти примеры, чтобы вы были настороже: как бы злые духи не обольстили вас тонкою лестью помыслов. Потому-то между иноками наблюдается такое правило: кто бы ни пришел к ним – мужчина или женщина, старец или юноша, незнакомец или знакомый – прежде всего да сотворят молитву и призовут имя Божие. Чей бы образ ни принял на себя сатана, тотчас, по молитве, он исчезнет. Если же удастся ему забросить в ваши помыслы что-либо, дающее повод к похвальбе и самопревозношению, не услаждайтесь этим, но тотчас смиряйтесь пред лицом Господа, считайте себя за ничто – лишь только попытаются возбудить в вас желание славы. Наконец, не скрою от вас и того, что и меня частенько-таки по ночам соблазняли злые духи и не давали ни молиться, ни спать: целую ночь мучили разными призраками в чувствах и помышлениях. А поутру как бы на смех бросались к моим ногам: «Прости-де нас, авво, что мы причиняли тебе беспокойство в течение всей ночи». Но я отвечал им: «*Отступите от мене вси делающии беззаконие* (Пс. 6, 9) и не искушайте слугу Господа». Итак, чада мои, воз-

любите тишину и безмолвие, предайтесь созерцанию⁹⁹ и приложите все старание к тому, чтобы постоянной сосредоточенностью сохранить душу вашу в чистоте пред Богом. Пусть ничто не мешает вашей молитве!

Правда, встречаются и между мирскими людьми такие, что творят добрые дела и упражняются в подвигах благочестия, например, устраивая странноприимные приюты, являют дела любви и милосердия, посещают больных или отдаваясь какому-нибудь иному виду благотворения. Всегда что-нибудь иные добрые люди жертвуют на добрые дела, да и сами соблюдают себя в чистоте. Воистину такие люди заслуживают величайшего одобрения, угождая своими поступками Богу, они – ревностные исполнители заповедей Божиих (2 Тим. 2). Но этого все-таки недостаточно для достижения совершенства: это касается только земных отношений и не выходит из круга тленных вещей. Необходимо при этом потрудиться над своим сердцем и воспитать в себе духовные стремления. Кто заботится об этом, тот становится на высшую степень совершенства, уготовляя внутри себя обитель для Святого Духа, и, как бы забывая о земном, стремится к небу и вечности. Ставя себя всегда пред очами Бога, он оставляет позади себя все земные заботы. Сгорая в пламени небесного стремления, ни днем ни ночью не насыщается он, вознося хвалу Богу в псалмах и песнопениях духовных.

Так целых три дня провел с нами в непрерывной беседе блаженный Иоанн, укрепляя и обновляя души наши. На прощание, преподав нам благословение, напутствовал следующими словами:

– Идите, чада, с миром! Скажу вам добрую весть – знайте, что сегодня в Александрии получилось известие о победе благочестивого государя нашего Феодосия над тираном Евгением. Вскоре, впрочем, последует и кончина самого Феодосия.

Дорогой мы узнали, что все это так и случилось, как он предрек. А немного дней спустя пришли к нам некоторые из братьев и возвестили, что и сам блаженный Иоанн почил в мире. Кончина его была такова: за три дня до смерти он перестал принимать к себе и, склонив колена, на молитве предал дух свой и отошел ко Господу, Ему же слава во веки веков! Аминь.

⁹⁹ *Созерцание* или самосозерцание есть деятельность ума, глубоко сосредоточенного на внутреннем мире души своей. Оно имеет целью предостеречь от рассеяния множественностью и разнообразием предметов и явлений внешнего мира, сделать дух наш способным к размышлению о Боге и духовном мире, к частому молитвенному общению с Богом. Св. Макарий Великий в своем дивном творении «О хранении сердца» советует направлять взор на внутренний мир души, внушает строгое самонаблюдение и усилия к достижению чистоты сердца.

Глава 2

Об Оре

В Фиваиде видели мы и другого достопочтенного мужа, по имени Ор¹⁰⁰. То был отец многих обителей. В своем одеянии он казался как бы ангелом Божиим – девяностолетний старец с большой белоснежной бородой, весьма приятной наружности. Взор его светился чем-то сверхчеловеческим¹⁰¹... Сперва он жил в самой дальней части пустыни, а потом устроил обитель по соседству с городом.

Прежде, до его прихода, в окрестностях его жилища ничего не было, не росло даже дикого кустарника. Сам рассаживая молодые деревья, он вырастил целые рощи разнообразных древесных пород. Так передавали нам святые отцы. Он насадил рощи для того, чтобы братья, которых он намеревался собрать, не имели нужды отлучаться далеко от обители за дровами. Так он заботился о телесных потребностях, но больше всего о спасении душ и об укреплении в вере. Сам же он, живя в пустыне, питался травой и кореньями, находя эту пищу приятною. Пил только воду, если находил...¹⁰² День и ночь проводил в молитвах и песнопениях. Так достиг он преклонных лет, и явился ему в видении ангел Господень.

– От тебя произойдет великий народ... Много людей будет вверено тебе, и спасутся через тебя многие тысячи. И все они в будущей жизни будут под твоим начальством... Не бойся ничего, никакой нужды для телесного пропитания их ты не будешь иметь, – только проси у Бога, и все будет дано!

Услышав это обетование, он пришел в близлежащие места и начал жить в убогом шалаше, который сам устроил для себя, питаясь только разными овощами, и то после продолжительного поста. Прежде он не знал грамоты. Но, поселившись в местностях по соседству с жильем людей, он получил от Бога дар (разумения Писания). Братья принесли ему Библию, и он начал читать, как бы издавна обучившись¹⁰³. И дана была ему власть над нечистыми духами, так что

¹⁰⁰ Память преподобного Ора 7 августа. Неизвестный автор, дополнявший «Лавсаик» Палладия рассказами Руфина, ошибочно смешал двух подвижников. Один подвизался в Нитрии и скончался там ранее 391 г. Палладий, пришедший в Нитрию в то же время, уже не застал его в живых (Лавсаик, гл. 9). Тем более его не могли видеть путники Руфина. Другой подвижник Ор, которого видели они, жил не в Нитрии, но в Фиваиде. Об Оре Фиваидском знает Созомен (VI, 28), и Никифор (Lib. IX, гл. 34). В сочинении Палладия, не восполненном рассказами из истории Руфина, говорится только, что на Нитрийской горе жил великий подвижник Ор, о духовном совершенстве которого свидетельствует все братство, особенно же раба Божия Мелания. О нем говорили, что он никогда не клялся, не злословил, не лгал и не говорил без нужды. И более ничего. Так читаем в греческих синодальных рукописях и в издании Фабра Стапуленского.

¹⁰¹ Как сильно этим свидетельством очевидца опровергается клеветническое слово Э. Гиббона! См. «Историю упадка и разрушения Римской империи» (Т. IV. С. 127).

¹⁰² Кассиан говорит, что обычной пищей иноков были хлеб, зелень, овощи и изредка мелкая соленая рыбка (Cassian. Instit. Lib. 4, cap. 22; Lib. 5. С. 23; Collat. 2. С. 19). (В большом употреблении у иноков были так называемые паксамы, совершенно сухие ячменные хлебы, небольшие, не больше фунта весом в двух паксамах. Их иногда запасали на полгода и на год. Перед едой их нужно было долго размачивать. Двух паксам на день считалось вполне достаточным для инока. Слово «паксама» производят от Паксамаса, писавшего о приготовлении пищи, особенно для воинов во время похода. Цена паксамы была три лепты Лавсаик. Гл. 28; Достопамятные сказания, 266; Cassian. Coll. 2. С. 19; Instit. Lib. 4. С. 14; Жизнеописание св. Антония в творениях св. отцев. Т. 3. С. 217). О других видах употребления хлеба см.: Лавсаик, 21; Rosweid vit. P. 1018. Вареной пищей служила чечевица, приправленная медом или маслом. Для приготовления ее в келье устраивался очаг. Топливом служил хворост («Патерик» Фотия, 43. Но многие подвижники не вкушали ничего вареного Лавсаик, 14, 23, 53, 113). Вино не было воспрещено инокам, но употребление его не одобрялось. Пимен говорил, что вино – питье не для монахов («Патерик» Фотия. 65). Другие называли смертью одну чашу вина (Там же. 68, 72). Инокам не позволялось принимать пищу раньше девяти часов дня (3 часа по полудни по нашему счету) (Cassian. de coen. Instit. Lib. 5. Cap. 20; Collat. 2. Cap. 11; Rosweid. III, 4, 55. V, 10, 69. VI, 3, 2). Иные подвижники не вкушали даже хлеба, а только овощи и сырую зелень...

¹⁰³ Древние иноки иногда удивляли глубоким знанием Священного Писания. Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что в древности чтение Священного Писания и его изъяснение составляло одну из существенных принадлежностей богослужения. Свт. Василий Великий предписывал инокам обедать не иначе, как при чтении Священного Писания. С другой стороны, припомним, что подвижники избегали светской литературы, так что Слово Божие было для них единственной

многие, одержимые ими, даже против воли устремлялись к нему, свидетельствуя громко об его подвигах. Совершал он много и других исцелений.

Множество иноков собиралось к нему. В числе их пришли и мы. Он весьма обрадовался нашему прибытию. Приветствуя нас, он по обычаю сотворил молитву, затем, умыв ноги странников своими руками, начал из Писания поучать нас вере и жизни. Ему дана была от Бога благодать учительства. Изъяснив нам весьма много текстов из Священного Писания, он снова принялся за молитву. У него было обыкновение не прежде приступать к трапезе, как вступив в духовное общение со Христом¹⁰⁴.

После того, воздав благодарение, просил нас подкрепиться с пути. А сам, сидя с нами, не прекращал беседы о духовных подвигах. Вот что между прочим поведал он нам:

– Знал я одного человека в пустыне, целых три года не принимавшего земной пищи. Через каждые три дня Ангел Божий приносил ему небесную пищу, и та пища утоляла голод и жажду.

Знал еще такого человека, к которому явились однажды злые духи в образе небесного воинства и в одеянии ангельском¹⁰⁵. Огненные колесницы... Множество оружия... Точно собрались на войну против какого-нибудь властителя... И тот, кто казался царем над ними, сказал ему: «Человек, ты исполнил уже все... Тебе остается только поклониться мне, и я вознесу тебя, подобно Илии». Слыша это, инок впал в раздумье: «Что ж это значит? Ежедневно поклоняюсь я Спасителю и Царю моему. Если бы это был Он, стал ли бы требовать от меня того, что, как Ему хорошо известно, я делаю беспрестанно?!» И тотчас ответил говорившему: «У меня есть Царь, Которому я неустанно служу, а ты – не царь мой!» И после этих слов враг никогда более не являлся¹⁰⁶.

Он рассказывал об этом как о происшедшем с другим лицом. Однако бывшие при этом отцы уверяли нас, что все это было с ним самим.

Великий это был отец!

Между прочим вот еще какое благодеяние оказывал вновь приходившим жить к нему братьям. Он созывал всю свою братию и в один день воздвигал келью вновь прибывшему. Тогда можно было видеть великое усердие всей братии: один спешил принести кирпичи, другой готовил глину, третий подносил воду или дрова. Лишь только келья была готова, снабдив всем необходимым, всеми хозяйственными принадлежностями, передавал ее новому брату¹⁰⁷.

духовной пищей.

¹⁰⁴ «Не только во времена апостольские, но и в течение вообще первых веков было в обычае ежедневное причащение христиан, по крайней мере, так было в некоторых Церквях. В североафриканской Церкви существовало такое обыкновение: в день воскресный по принятии причащения христиане брали частицы Евхаристии с собой на дом; этими частицами они и причащались ежедневно по утрам во время утренней молитвы, пред началом дневного труда, освящая себя таким образом на целый день; к участию в этом домашнем причащении допускались и малые дети. Впоследствии по разным причинам христиане стали причащаться реже; пришли к мысли, что причащаться следует не иначе, как после достаточного приготовления к этому делу. Уже Ипполит, современник Тертуллиана и Киприана (в III в.), писал сочинение на вопрос: “Нужно ли причащаться ежедневно или лишь в известные времена?” В IV в. по вопросу о том, как часто следует причащаться, церковная практика очень разнообразилась. В Испании и Риме причащались по больше части ежедневно. В Египте предоставлялось личному усмотрению каждого христианина, следует ли причащаться запасными дарами, хранимыми на дому, ежедневно или через день. В Каппадокии было принято за правило причащаться четыре раза в неделю: в воскресенье, среду, пятницу, субботу, а сверх того во дни памяти мучеников. В иных местах, по-видимому, довольствовались причащаться раз в месяц – в первый воскресный день каждого месяца, или 12 раз в год. Относительно Сирской Церкви IV в. св. Иоанн Златоуст свидетельствует, что здесь большинство христиан причащались уже раз или два в году. С V в. обычай ежедневного причащения или принятия Евхаристии ежедневно утром прежде всякой другой пищи более и более отходит в область собственно аскетической жизни, отходит в монастыри и пустыни» (См. примеч. к 17 гл. «Луга духовного» в новом переводе).

¹⁰⁵ О явлениях Ангелов, равно как и злых духов, часто упоминается в жизнеописаниях святых подвижников. См. в жизнеописании св. Антония, Афанасия (44).

¹⁰⁶ О подобном же искушении см. в жизнеописании св. Симеона Столпника (Четы-Минеи, 1 сентября), св. Пахомия (Там же, 15 мая).

¹⁰⁷ Египетские иноки, живя в пустынях, селились обыкновенно в пещерах, гробницах, в древних развалинах. Иногда вновь высекли себе жилища в скалах или устраивали из камней, кирпича, глины и т. п. (Лавсаик. Гл. 2, 44, 46, 49, 74, 94; Достопа-

Однажды сюда пришел к нему один лукавый брат. Спрятав свои одежды, он явился к нему чуть не нагим. Старец обличил его пред всеми и обнаружил скрытое... Все пришли в страх, так что никто уже потом не дерзал солгать пред ним.

Таково было его духовное совершенство, так велико богатство Божией благодати! И все это стяжал он подвигами воздержания и чистотой веры. Многие из живших с ним братий также исполнены были столь же великой благодати, так что, когда собирались они в храм, казалось – уподоблялись ликам ангельским, сияя чистотою телесной и душевной и вознося немолчные песни и хвалы во славу Господа¹⁰⁸.

мятные сказания, 29, 88). Иногда кельи отшельников были очень малы, не более как в рост человека протяжением (Лавсаик, 20; Иероним в жизнеописании Илариона, 13). Более обширные помещения устраивались так: по обычаю Востока наружная дверь вела в переднюю, *προεξώδισον*. Далее чрез дверь вступали в авлу (aula), род двора, под открытым небом. Кругом шел коридор. Отсюда вход вел уже во внутреннее жилище. Разумеется, двор был невелик и потом назывался *αὐλὸν*. Во внутренних комнатах была кладовая для хлеба и рабочих инструментов. Крыши у келий были плоские, на них можно было всходить. Если при старце жил ученик, его келья устраивалась поблизости (Лавсаик, 20, 43; «Патерик» Фотия, 106; Достопамятные сказания, 41, 96, 156, 183).

¹⁰⁸ Замечательным свидетельством о чистоте одежды опровергаются клеветы, будто иноки совершенно пренебрегали ею и потому будто бы производили неприятное впечатление. См., например, «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона (IV, 134).

Глава 3

Об Аммоне

Довелось нам увидеть в Фиваиде еще другого мужа, по имени Амон¹⁰⁹. Это был отец около трех тысяч иноков, которые называются Тавеннскими. Они отличались изумительным воздержанием. Одеждой служила им туника с рукавами (колловий), наподобие холщового мешка. Поверх нее – власяница, ниспадавшая вдоль спины и боков. Голову покрывали кукулем, особенно во время трапезы. Им закрывали лицо, чтобы нельзя было заметить, кто из них менее принимает пищи¹¹⁰. За трапезой царствовало полное безмолвие. Можно было подумать, что здесь никого нет... При всей многочисленности собрания, казалось, здесь была пустыня. Они были так скромны, что воздержание одного трудно было заметить другому, и сидели за столом точно для того, чтобы не насыщаться, но лишь касаться пищи. Видно было, что они присутствовали за трапезой, но ели ли что-нибудь – этого нельзя было сказать. Разумеется, тем ценнее добродетель воздержания, если воздерживаются от того, что пред глазами и под руками.

¹⁰⁹ Начальником иноческого жизни в Египте считают св. Антония Великого, но он не давал внешних правил для жизни иноческой, заботясь главным образом о внушении живого, искреннего и глубокого благочестия. Но впоследствии, с умножением числа иноков, оказалась настоятельная потребность в таких правилах и учреждениях, которые могли бы поддерживать и укреплять слабую волю в борьбе с искушениями. Большая часть иноческих правил составлены были св. Пахомием Великим. «Вначале, как я стал монахом, – говорил Антоний одному из учеников Пахомия, – не было ни одной киновии (или общежительного монастыря) для воспитания других, но каждый из прежних иноков подвизался сообразно своему духовному стремлению. Великую услугу оказал отец ваш, собрав и устроив такое множество братий» (См. примеч. к гл. 8-й «Луга духовного» в новом переводе). Св. Пахомий родился в Фиваиде. Родители его были язычники. Когда он служил в войске, на него произвела сильное впечатление необыкновенная любовь, отличавшая христиан, и Пахомий по окончании срока воинской службы крестился. В Фиваидской пустыне он нашел подвижника Палемона и просил взять его к себе в сожители. По прошествии десяти лет, проведенных в строжайшем подвижничестве, он поселился в Тавенне, в номе Тестерийском (*Schampollon L. Eglise sous Pharaon. T. I. P. 236*). Тавенной назывался собственно остров на реке Нил. С египетского языка – собственно «место, изобилующее пальмами». Арабы зовут его Джезиреель-Гариб, т. е. западный остров. Но Пахомий поселился на берегу Нила. К нему собралось множество братии, и Пахомий устроил киновию. Число киновий в скором времени увеличилось, и Пахомий назначал в каждую особую настоятеля. Сам он надзирал за всеми, посещая то ту, то другую киновию. Пахомий скончался в 348 г., 57 лет от роду. После Пахомия преемниками в управлении обителями были ученик его Орсиний, «свещник, сияющий в Доме Господнем», по словам Пахомия, затем Аммон, «отец трех тысяч иноков»... О святом Пахомии и об основанных им обителях см. подробнее в «Истории православного монашества на Востоке» (Ч. 1. С. 122–193). См. также у Кассиана: *De coenob. instit. Lib. IV*. Об Аммоне упоминают Созомен, кн. VI, 28; Никифор, *Lib. IX, 34*. О жизни в киновиях см. у Кассиана (*Collat. 18, 4, 5; De coenob. inst. 5, 36*). У Иеронима: *Epistol. 22 ad Evstochiam*.

¹¹⁰ Одеждой иноков были: 1. *Куколь* — шапочка в виде тех, которые надевали на голову младенцам. Куколь должен был служить символом чистоты и незлобия. Иногда на куколь нашивался крест (*Coteller. monum. T. III, 68*). *Кассиан De coenob. instit. I, 4. Созомен. — Histor. Eccles. III, 14. Дорофей — De doctrina, I, 2 Колловий, или левитон (λεβητόν или λεβετόν — λεβητόν ἄριον)* — нижняя одежда с короткими рукавами (*χειρώμες ἀχειρόδοτοι, tunicae sine manicis — Созомен: III, 13*), что выражало готовность инока служить Богу. Колловий из льняного полотна, и потому белого цвета. Обыкновенная одежда в Египте. (Достопамятные сказания 33, 119). — 3. *Аналав (ἀναβολή, ἀναβολεύς)*, из двойных перевязей из шерстяных нитей спускаясь с шеи, обнимал плечи и под мышками опоясывал одежду — означал крест, взятый на себя иноком для последования Христу. (*Кассиан. De coenob. instit. I, 6*). 4. *Мафорий* — узкий капюшон, прикрывавший плечи и шею (Достопамятные сказания, 127, 284, 289; *Фотий. «Патерик», 79*). 5. *Кожаный пояс*, знаменовавший отвержение нечистоты. 6. *Милоть* — верхняя одежда из овечьей или козлиной шерсти, белого цвета (*μηλωτή* от *μήλον* — животное мелкой породы). 7. Строгие иноки носили *власяницу* прямо на голое тело. Ср. примеч. к гл. 51-й. «Луга духовного» в новом переводе, с. 69. Иноческая одежда называлась *μέγα, ἀγγελικόν ὄχημα*.

Глава 4

О Бене

Один из старцев, которого и мы видели, по имени Бен¹¹¹, превосходил своей кротостью всех людей. Бывшие с ним братья уверяли, что ни клятва, ни ложь никогда не сходили с уст его и ни один человек никогда не видел его во гневе. Он не произносил ни одного лишнего или праздного слова. Вся жизнь его проходила в глубоком безмолвии. Нрава он был тихого, во всем уподобляясь ангелам: в бесконечном смирении он считал себя ничтожеством. Уступая нашим усердным просьбам – преподать нам слово назидания, сказал нам несколько слов о кротости.

Однажды гиппопотам опустошал близкие по соседству страны. Земледельцы просили его о помощи. Придя в ту местность и увидав огромного зверя, он обратился к нему со словами:

– Именем Иисуса Христа запрещаю тебе опустошать эту землю!

Зверь бросился бежать, как бы гонимый ангелом, и никогда более не появлялся там.

Сказывали нам, что подобным образом в другой раз он прогнал крокодила...¹¹²

¹¹¹ Созомен. Lib. VI, 28. О нем же см. у Никифора, XI, 34.

¹¹² О власти святых над зверями часто говорится в рассказах о святых подвижниках. Палладий в «Лавсаике», рассказав о «даре гиены» святому Макарию, прибавляет: «Укротивший львов во рву пред Даниилом дал смысл и этой гиене» (Гл. 19). В «Луге духовном» в 18 главе (нового перевода) читаем: «Если бы мы соблюдали заповеди Господа нашего Иисуса Христа, то звери боялись бы нас. Но за грехи наши мы стали рабами, и теперь скорее мы боимся их». В 107 главе после трогательного рассказа о привязанности льва к преп. Герасиму в заключении говорится: «Вот что произошло – не потому, чтобы лев имел разумную душу, но по воле Бога, прославляющего прославляющих Его, не только при жизни, но и по смерти их, и показавшего нам, в каком послушании находились животные у Адама, прежде чем он преступил заповедь Божию и был изгнан из рая сладости». Ср. примеч. ко 2-й главе. «Луга духовного» в новом переводе. Великолепное описание бегемота и крокодила см. в книге Иова, гл. 40 и 41. Ср. «Библию с примечаниями» Отто Делича.

Глава 5

Оксиринх

Пришли мы в один город в Фиваиде – в Оксиринх¹¹³. В этом городе мы нашли так много примеров христианского благочестия, что трудно дать понятие об этом в рассказе. Иноки встречались нам со всех сторон в окрестностях города, а внутри он весь наполнен ими. Какие только были в нем общественные здания и храмы древнего суеверия – все обратилось в жилища иноков. Во всем городе, казалось нам, было гораздо больше монастырей, чем частных домов. Город весьма обширен и многолюден, и в нем двенадцать церквей, в которых собирается народ для общественного богослужения. Обители не входят в это число, а в каждой есть свое здание для богослужения. В воротах города, в башнях, в каждом уголке – везде иноки, и отовсюду денно и ночью возносятся хвала Богу и песнопения... Весь город обратился как бы в один храм... Нет там ни еретиков, ни язычников – только одни христиане, одни православные... И не будет никакого различия, совершит ли епископ богослужение на улице или в храме...¹¹⁴ У всех ворот города можно встретить начальников и первых лиц в городе, которые вместе с простыми гражданами наблюдают, не покажется ли странника или бедняка, и наперерыв стараются доставить ему все необходимое, к кому бы он ни зашел прежде других¹¹⁵.

Что сказать о том, что сделало население города для нас? Лишь только завидели нас, как бросились к нам навстречу, как к ангелам, и воздали нам приветствие, которое не могу выразить словами. Что сказать об иноках и инокинях, которых, как сказано выше, там множество?... От святого епископа того места мы узнали, что в городе находится двадцать тысяч инокинь и десять тысяч иноков. Мы не можем описать словами их радушия, их услуг... Наши плащи разрывались на части – так каждый спешил взять нас к себе. Только уважение к ним не позволяет нам распространяться об этом.

Мы видели там много, много святых отцов, получивших от Бога различные виды благодати, то дар разумения слова Божия, то дар воздержания, то дар знамений и великих добродетелей...

¹¹³ Оксиринх в Среднем Египте, близ левого берега Нила. Получил свое название, как и многие города в Египте, от названия небольшой рыбы, чтимой некогда в этом городе. Теперь засыпан песками. Об Оксиринхе см. у Страбона (кн. XVII, 1166), и у Аммиана (XXII, 16).

¹¹⁴ Очевидно, мысль та, что весь город представлял как бы один храм... Разумеется, Божественная литургия совершалась только во святом храме.

¹¹⁵ Обычай гостеприимства свято соблюдался <...>. При входе в жилище гость должен был совершить молитву, а хозяин готовил воду и спешил омыть ноги странника. Затем его угощали всем, что только мог найти у себя хозяин. Ради прихода гостей позволялось нарушить пост. (Кассиан. Collat. II, 5, 25. XIX, 16; De coenob. instit. V, 24). Ср.: Достопамятные сказания, 123. 158. 163; «Патерик» Фотия, 214.

Глава 6 О Феоне

Недалеко от города, по направлению к пустыне, видели мы одного святого мужа, по имени Феон¹¹⁶. Это был затворник, прошедший тридцать лет в своей келье в глубоком безмолвии. Он был так высок в духовном совершенстве, что его считали за пророка. К нему ежедневно приходило множество больных. Простирая к ним руку чрез оконце и возлагая на голову каждого с благословением, он исцелял их от всяких недугов. Его вид внушал невольное уважение к нему, лицо носило такую печать высшего достоинства, что он казался ангелом во плоти. Взор его сиял духовной радостью, и весь он был исполнен Божией благодати!

Мы узнали, что незадолго к нему ночью приходили разбойники в надежде найти у него золото. Он их связал молитвою, и они, застряв во входе, не могли двинуться с места. Рано утром по обыкновению собрался к нему народ. Увидев у входа разбойников, хотели их сжечь. В такой крайности святой муж произнес только одно слово:

– Отпустите их без всякого вреда, да не отступит от меня благодать исцелений!

Народ, не дерзая противиться святому, отпустил их.

Разбойники при виде всего, происшедшего с ними, бросив злодейства и раскаявшись в прежних многих преступлениях, удалились в соседний монастырь и там положили начало исправлению и новой жизни¹¹⁷.

Мы узнали от других, равно как и от него самого, что святой Феона знал в совершенстве не только египетский и греческий языки, но и латинский. Он пожелал открыться нам и тем вознаградить подвиг нашего странствования. Написавши на дощечке, он выразил нам свое приветствие и вместе с тем обнаружил свою образованность. Пищу он принимал без приготовления на огне. Говорили нам про него, что, выходя по ночам в пустыню, он был окружаем толпами зверей. Черпая воду из своего колодца, он поил их как бы в вознаграждение за послушание. Очевидным свидетельством тому было то, что вокруг его кельи виднелось много следов буйволов, антилоп и диких ослов.

¹¹⁶ Память преп. Феоны 5 апреля. О нем упоминают Созомен, (VI, 28); Кассиодор, (VIII, 1) и Никифор, (XI, 34).

¹¹⁷ Примеры обращения разбойников и закоренелых злодеев очень часто приводятся в рассказах о древних подвижниках, свидетельствуя о могуществе Евангелия. См., например, 143, 165, 166, 189 главы «Луга духовного» в новом переводе, а здесь – в 1-й главе, в повествовании св. Иоанна Прозорливого, и др.

Глава 7

Об Аполлонии

Видели мы и еще святого мужа, по имени Аполлония, в Фиваиде, в пределах Гермополя¹¹⁸. По преданию, в этом городе остановились Иосиф и Мария с Богомладенцем, удалившись из Иудеи, по слову пророка Исаии: *Се Господь сидит на облаце легце и придет во Египет и потрясутся рукотворенная египетская от лица Его и падут на землю* (Ис. 19, 1). Видели мы там и то самое капище, в котором при появлении Спасителя идолы низринулись на землю и сокрушились. Об этом там хранилось воспоминание¹¹⁹.

Мы видели великого мужа в соседней пустыне. Там стоял монастырь его у подошвы какой-то горы. Будучи отцом пятисот братий, он более всех славен был в пределах Фиваиды. Велики были его подвиги, и Бог явил чрез него великие силы, много знамений и чудес. С самого детства он был воспитан в воздержании. По мере приближения к зрелому возрасту благодать Божия возрастала в нем. Мы его видели уже восьмидесятилетним старцем в челе множества обителей. И те, кто, казалось, были его учениками, достигли уже такой высоты духовного совершенства, что почти все сподобились дара чудотворений... Говорили, что пятнадцати лет удалился он в пустыню... Сорок лет провел он там в духовных подвигах, и был ему глас Божий:

– Аполлоний, чрез тебя Я погублю премудрость премудрых в Египте и разум разумных отвергну. Ты ниспровергнешь тех, что слынут мудрецами вавилонскими¹²⁰, и всякое идолослужение. Ступай в места населенные: от тебя произойдет Мне народ, воистину и во всей полноте ревнующий о благе.

– Уничтожь во мне, Господи, дух тщеславия, да не лишусь всех даров Твоих, возгордившись как-нибудь пред братией моей! – ответил Аполлоний.

– Приложи руку к шее твоей, – сказал ему снова голос свыше, – и что ею поймашь, сдavi и зарой в песке.

И, положив немедленно руку на шею, он схватил как бы эфиопа, небольшого роста, и зарыл его в песке.

– Я дух гордыни! – слышалось ему при этом.

И снова был ему глас свыше:

– Теперь иди! И чего бы ни попросил ты у Бога – даст тебе Бог.

¹¹⁸ Жизнь св. Аполлония описал св. Тимофей Александрийский, по свидетельству Созомена (кн. VI, 29). Святой подвижник скончался в 395 г. Память его 31 марта. Его обитель еще в VI в. славилась строгими подвижниками, как видно из 184-й главы «Луга духовного» в новом переводе. Гермополь несколько южнее 28 градусов северной широты, на левом берегу Нила. «Спускаясь от Азота вниз по течению Нила, путешественник встречает остатки и развалины древних монастырей. Так, за три часа расстоянием от Омель-Кусура есть два монастыря, один из них арабы называют Дейр Магарак, то есть сожженный монастырь, другой – Абиссинским. Перед мысом ель-Амарне, на восточном берегу, против селения Мазарны, виден близ нескольких хижин коптский монастырь, называемый Деир Коссеир. Повсюду обитали здесь в первые времена иночества святые отшельники. Но главный приют иноков был здесь, в окрестностях Гермополя и Антиноэ, которые в первые века христианства составляли одно епископство. Города разрушились, но пещеры в скалах, окружающих эти города, остались. В них начертано на многих стенах знамение креста, свидетельствующее о существовании здесь церквей и обителей иноков; подземные галереи, где устроены были кельи, идут на далекое пространство (История православного монашества на Востоке». Ч. II. 165). Гермополь – теперь деревня Aschmumin, Achmouneim. См.: Par Elisee Reclus. Nouvelle Geographie universelle, X. 562. Von Kloeden Handbuch der Lander und Staatenkunde, 808.

¹¹⁹ По другим древним преданиям, Святое семейство пребывало в Матарее, древнем Илиополе, в нескольких верстах к северо-востоку от Каира. Там также пребывание святого семейства ознаменовалось чудесными явлениями.

¹²⁰ Вавилон египетский – старый Каир, к югу от Дельты. Арабы и теперь еще одну часть города зовут Боблион. О враждебности языческих философов к христианству и в частности к святым подвижникам упоминается в жизнеописаниях святых Антония и Пахомия. (Святой Афанасий. Vita Antonii, 72–80. См. также «Историю православного монашества на Востоке». Ч. I).

Вот так-то он прибыл в места, обитаемые людьми. Все это было во времена тирана Юлиана.

Была в тех краях по соседству с пустыней какая-то пещерка. В ней и поселился он, проводя день и ночь в молитве¹²¹. Говорят, он совершал по сто молитв днем и ночью, преклоняя колена пред Богом. Так, он питался более небесною пищею, чем телесною. Одеждой ему служил колловий из охлопков, который иные называют левитонем, и холщовый плат, прикрывавший ему голову и шею. И говорили, что эта одежда пустынножителя никогда не ветшала... Так он жил на краю пустыни в силе Духа, совершая знамения и дивные исцеления. Рассказать о них никто не в состоянии по причине их множества. Мы слышали обо всем этом от живших с ним старцев. И всюду распространилась о нем великая молва. Изумляясь ему, его считали как бы пророком или апостолом. И стали сходиться к нему с разных сторон из соседних областей иноки, предавая ему, как бы нежному отцу в великий дар, свои души. Он принимал каждого с распростертыми объятиями и возбуждал к подвигам и доброму духовному устроению. Впрочем, он более наставлял примером собственной жизни, чем словами. В обычные дни он каждому предоставлял по мере сил исполнять положенное себе правило воздержания, а в день воскресный просил всех, ради братской любви, принимать пищу вместе с ним, но при этом сам наблюдал свое обычное правило: питался только травами и огородными овощами, и то без приготовления на огне¹²².

Однажды Аполлоний узнал, что один из братий взят на военную службу и содержится в заключении, а тогда было, как мы сказали выше, время Юлиана¹²³. Он посетил его с братией для утешения и советовал сохранить твердость в несчастье и не страшиться опасностей.

– Настало время борьбы, – говорил он. – Души верных должны подвергнуться испытанию, да явится верность каждого.

Такими и подобными словами он укреплял дух юноши. В это время пришел сотник и сильно разгневался на то, что осмелились войти в темницу. Он запер тюрьму, заключив в ней таким образом Аполлония и пришедших с ним. Так все оказались задержанными для военной службы. Приставив многочисленную стражу, сотник удалился.

В полночь внезапно явился ангел Господень, блистая лучезарным сиянием, и отверз двери темницы. Стражи были поражены ужасом... Бросившись к ногам святых, они молили их удалиться.

– Лучше нам умереть за вас, – говорили, – чем противиться Божией силе, о вас пекущейся.

¹²¹ Павел Фермейский совершал ежедневно триста молитвословий, но, узнав, что одна подвижница совершает ежедневно по семисот молитв, просил совета у св. Макария Александрийского. Макарий отвечал: «Вот уже шестьдесят лет, как я совершаю только по сто положенных молитв. Тружусь для своего пропитания, не отказываю в беседе приходящим братьям по своей обязанности, и совесть не укоряет меня. Если ты, творя по триста молитв, смущаешься совестью, очевидно, ты или не с чистым сердцем молишься, или можешь больше молиться» (Палладий. «Лавсаик». Гл. 23, 24). Разумеется, молитвословия были кратки. Молитва Иисусова (Фотий. «Патерик», 102), возгласы: «Господи, да будет воля Твоя!», «Господи, помоги мне!», «Ты Бог мой и все для меня!» (Deus meus et omnia) и т.п. Как видно из слов св. Макария, число молитвенных воздыханий само по себе не много значило. Главное было – искренность обращения к Богу и чистота сердца. На Западе, напротив, число молитвословий само по себе получило значение. Клара Ассизская повторяла одну и ту же молитву до тысячи раз в день, а об иезуите Иакове Керруте говорят, что он одну и ту же молитву произносил ежедневно 24 000 раз... Иногда молитвой сопровождалось какое-нибудь рукоделие. «Старец плетет корзину, а уста его шепчут: «Помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости!» («Достопамятные сказания», 134).

¹²² Между иноками устраивались по воскресным дням вечера любви. Средства на это давали или сами иноки, приносившие в дар обители свое имущество при самом поступлении, или приношения благочестивых мирян, состоявшие в плодах, хлебе и вине. «Отдай имение на братскую трапезу, – говорил Пимен, – там делают вечера» (Достопамятные сказания, 197). В собрании на вечера участвовали по приглашению («Патерик» Фотия, 69; Rosweidi vit. patrum. 627). Для особо чтимых старцев готовился особый стол («Достопамятные сказания», 134). Иногда кто-нибудь из старших прислуживал братии. Принимая пищу, каждый должен был сказать: «Прости!» («Достопамятные сказания», 257, 282).

¹²³ Император Юлиан Отступник царствовал 361–363 гг. («Всеобщая история» Г. Вебера. Т. IV. С. 571). Юлиан «велел воинам воздавать почести его изображению, ввел жертвоприношения и другие языческие обряды в войске» («Всеобщая история» Г. Вебера. Т. IV. С. 577).

Рано утром прибежал в темницу сотник вместе с другими начальниками, также моля о том, чтобы все задержанные вышли из темницы.

– Дом мой обрушился от сильного сотрясения земли, и лучшие из слуг моих погибли.

Святые воспели песнь Богу и, удалившись в пустыню, пребыли все вместе, имея, по примеру апостолов, одну душу и одно сердце (Деян. 4, 32).

Авва наставлял братию, чтобы они непрерывно возрастали в духовном совершенстве и в самом зародыше без всякого промедления отражали козни диавола, которые он строит людям чрез помыслы.

– Если сокрушить главу змия, то все тело его станет мертвым. Потому Господь и обращает наше внимание на главу змия, чтобы мы тотчас и наотрез отвергали в своем сердце греховные и нечистые помыслы. Ведь если при самом начале не отвергать помыслов, – что помешает им разливаться отравой по чувствам нашим?

Вместе с тем он советовал не отставать друг от друга в стремлении к совершенству.

– Вы по тому узнаете о своих успехах в духовном совершенстве, если у вас ослабнет страсти к миру и его соблазнам. Здесь – начало даров Божиих! Но если бы кто-нибудь достиг столь великой степени совершенства, что сподобился дара совершать знамения и чудеса, да не превозносится этим, как бы каким отличием перед другими, – то дар благодати Божией! Иначе он обманется, впадет в самообольщение и потеряет благодатный дар.

Обладал он глубоким познанием слова Божия, чем отчасти и мы воспользовались, но еще более благодать проявилась в делах его. Чего бы он не попросил у Бога, немедленно получал. И много было ему откровений... Под конец он узрел своего брата, скончавшегося в пустыне. С ним он долгие годы подвизался вместе. В сновидении брат его явился ему восседающим на престоле апостольском, как бы один из апостолов. Он оставлял Аполлонию как бы в наследство свои совершенства и благодать. И стал он также молить о себе, чтоб Господь скорее взял его и вместе с братом дал ему блаженное успокоение на небесах. Господь Спаситель отвечал ему:

– Еще немного времени должно прожить тебе на земле, да умножится число подражателей жизни и подвигов твоих: великое множество иноков будет вверено тебе, как бы целое воинство святых, да обрящешь за то достойное воздаяние.

Все действительно исполнилось на нем согласно видению. Привлекаемые его славой, духовной мудростью и в особенности примером его жизни, собирались к нему со всех сторон иноки, отрекаясь от мира и составляя как бы своего рода великий собор. Там, у подошвы названной горы, они жили одною жизнью, имея вместе с пищей как бы одну душу. И мы удостоились узреть это воистину как бы небесное, ангельское воинство в дивном духовном совершенстве. Не было никого в нечистой одежде, но белизна их одежд указывала на сияющую чистоту душ их, так что, по слову Писания, возликовала жаждающая пустыня (Ис. 35, 1), и много чад увидела она у себя... Хотя это сказано о Церкви, но исполнилось на глазах истории в пустынях египетских... В каких городах так много людей достигли спасения, как в пустынях египетских? Сколько народу живет в городах, почти столько же – иноков в пустынях. Так благодаря им исполнилось над Египтом слово апостола: *Идеже умножится грех, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20). Ни в каком народе не было столь чудовищного идолослужения, как в Египте. Там боготворились собаки, обезьяны и другие чудовища, там считали за божество чеснок, лук и другие овощи, как мы слышали от самого аввы Аполлония. Он нам изъяснял и самое происхождение древнего суеверия.

– Египтяне некогда боготворили быка за то, что, обрабатывая при его помощи свои поля, получали в изобилии пищу, равно как и реку Нил за то, что она орошала землю египетскую. Боготворили и землю, которая плодороднее всех других земель¹²⁴.

¹²⁴ Глубоко верный взгляд на религию древних египтян.

Как мы выше сказали, египтяне боготворили собак, обезьян и различные виды трав и овощей, потому что считали их причиной своего спасения во времена фараона. В то время, по их мнению, они были заняты этими предметами, когда фараон, преследуя отцов наших, потонул в море. И каждый стал считать своим божеством предмет, помешавший, по их мнению, следовать за фараоном, говоря: это – бог, так как он устроил сегодня так, что я не последовал за фараоном и не потонул вместе с ним¹²⁵.

Так беседовал с нами святой Аполлоний. Но скорее следует перейти к описанию его духовного совершенства и великих дел.

В окрестностях расположено было около десяти языческих поселений. Там процветало сатанинское суеверие. И храм был весьма обширный, в котором стоял истукан. В сопровождении огромной толпы народа жрецы обносили его по селениям, неистовствуя наподобие вакханок. Свое мерзкое служение совершали они, как бы испрашивая дождя. Случилось как раз во время совершения этих бесчинств проходить мимо тех мест блаженному Аполлонию с несколькими из братьев. И увидел он толпы несчастных – точно злой дух увлекал их к неистовству...¹²⁶ Пожалел их авва и, склонив колена, призвал Господа и Спасителя нашего. И все, кто только участвовали в бесовском бесчинстве, остановились вместе с истуканом и не могли продолжать шествия – невидимая сила удерживала их на месте... Весь день тот палил их нестерпимый зной, и не знали они о причине, преградившей им путь... И сказали народу языческие жрецы:

– Вблизи пустыни живет один христианин, по имени Аполлоний. Его это дело... Если он не смируется, нам не избежать беды...

И сошлось много народа со всех сторон и стали спрашивать о причине необычайного явления. Участники идолослужения отвечали, что они ничего не знают...

– Догадываемся, впрочем, что это дело одного мужа, и просим умолить его...

– Вы правильно рассудили, – отвечали им. И мы видели его проходящим здесь.

Между тем приложены были все усилия помочь себе. Привели волов, силою которых надеялись было сдвинуть истукана с места. Но ничто не помогало. Все было тщетно...

Тогда отправляют послов к человеку Божию, давая обещания:

– Если он разрушит их узы, вместе с тем расторгнет и узы их заблуждения.

Авва немедленно приходит к ним и, сотворив молитву, разрешает их.

И все немедленно и единодушно бросаются к нему, с верой поклоняясь Богу и вознося благодарение.

Деревянный истукан предается пламени, а люди следуют за человеком Божиим и, обученные им основам веры, вступают в лоно Церкви Божией.

Многие остались с аввою, и даже и теперь их можно видеть в обителях.

Слава о дивном событии далеко распространилась, и многие обратились ко Господу, так что в тех странах совсем почти не осталось язычников.

Спустя немного времени возникла вражда между двумя селениями из-за границ. Узнав об этом, человек Божий поспешил прийти для водворения мира. Но враги, увлекаясь яростью, отнюдь не склонялись к миру, особенно одна сторона, крепко надевавшаяся на силу какого-то

¹²⁵ Слова «ut supra diximus» показывают, что это рассуждение принадлежит не Аполлонию. Автор, очевидно, приводит здесь ходячее мнение евреев, живших в Египте, на что указывает выражение «patres nostros».

¹²⁶ Совершалось, вероятно, языческое празднество в честь Аммона – Ра. Идол его представлялся в виде человека синего цвета, на голове – круглая красная шапка с двумя высокими перьями и солнечным диском, а в руке посох с головой какого-то загадочного животного. В честь его установлены были торжественные процессии, на которых его изображение, скрытое в кивоте и помещенное на украшенной бараньими рогами ладье, носимо было жрецами, причем из кадилниц возносился фимиам. Впрочем, в Египте так много было божеств, что трудно сказать, о каком из них идет речь в настоящем случае. См. таблицы египетских божеств у Лепсиуса и Бунзена. Религиозные торжества и процессии в честь языческих божеств в Египте описывает Климент Александрийский (Stromata, VI, 4).

разбойника. Этот человек, по-видимому, и был поджигателем. Заметив его упорство, Аполлоний сказал ему:

– Если, друже, ты поможешь мне водворить мир, я умолю Бога, и Он отпустит тебе твои прегрешения.

Услыхав это, разбойник тотчас с мольбой бросился к ногам человека Божия. Потом, обратившись к толпе, следовавшей за ним, приказал всем разойтись с миром. Все разошлись по домам, а сам остался с Аполлонием, умоляя его об исполнении обещания. Аполлоний взял его с собою и, идя дорогой, наставлял его:

– Тебе необходимо сперва решиться совершенно изменить свою жизнь и затем терпеливо молить Бога о милосердии... Ожидай с верой исполнения обещания... *Вся возможна верующему...*

Настала ночь, и они вместе легли спать в обители. И вот оба видят во сне: они – на небе и стоят пред престолом Христа... Кругом стоят ангелы и святые, вознося молитвы Господу. И сами они начинают молиться... Глас Божий прогремел над ними:

– Нет общения света со тьмой!.. Нет части неверному с верным!.. Ради молитв твоих, Аполлоний, дано будет ему спасение.

Что видели, что слышали они – того не может пересказать язык, не может услышать ухо...

Пробудившись от сна, они поведали братии. И велико было всеобщее изумление, когда тот и другой рассказывали об одинаковом сновидении... Раскаявшийся и ставший уже святым разбойник, совершенно изменив свою жизнь и весь внутренний строй, точно волк сделался агнцем, по слову пророка Исаии: *и пасться будет волк с агнцем и лев, аки вол, ясти будет плеввы* (Ис. 11, 6).

Видели мы также в обители Аполлония несколько человек эфиопов. Они жили вместе с иноками, и многие из них даже превосходили строгостью благочестия и духовным совершенством, как бы во исполнение слов Священного Писания: *Эфиопия предварит руку свою к Богу* (Пс. 66, 32).

Вот еще что рассказывали нам о деяниях святого Аполлония. Однажды также возникла ссора между двумя селениями: одно было христианское, а другое языческое. С той и с другой стороны выступили огромные толпы с оружием в руках. И случилось проходить на ту пору поблизости святому Аполлонию. Он начал враждующих склонять к миру, но предводитель язычников, главный зачинщик вражды, человек грубый и свирепый, с пылом ожесточения вскричал:

– Не бывать миру! Не допущу – хоть приди сама смерть!

– Ну, пусть будет по твоему желанию, – сказал авва. – Никто, кроме тебя, не погибнет, и твоей могилой, согласно твоему нраву, будет не земля, но чрево лютых зверей и хищных птиц!

И слово святого немедленно исполнилось. В происшедшей схватке никто не был убит, кроме предводителя язычников. Его зарыли было в песок, но утром нашли растерзанным и изглоданным зверями и истребленным коршунами... Все были изумлены дивным исполнением предсказания и обратились к вере в Господа Спасителя, прославляя Аполлония как про рока...

Не умолчим и о том, что совершено им, как мы слышали, на первых же порах после того, как он начал жить еще с небольшим числом братьев в пещерах.

Наступил день святой Пасхи. Отправлена была торжественная утренья. Братия причастились Святых Тайн. Из бывших запасов было приготовлено кое-что для подкрепления братии. Что же у них было? Всего только немного черствого хлеба да соленые овощи... Тогда святой Аполлоний сказал:

– Если мы имеем веру, как истинные слуги Христа, пусть каждый из вас испросит себе для радостного дня то, чего бы он охотно ныне вкусил!

Братия просили его самого обратиться к Богу с молитвою, потому что он превосходил всех возрастом и своими подвигами. Себя же они сочли недостойными такой милости.

Тогда авва с живейшей радостью излил молитву пред Богом. И по окончании ее все воскликнули: «Аминь!» Вдруг у самого входа в пещеру появились совершенно неизвестные люди, доставившие в таком изобилии различного рода припасы, что никто не мог представить себе ни такого изобилия, ни разнообразия, ни такой быстроты доставки...¹²⁷ В числе припасов были яблоки такого рода, каких совсем не родится в Египте, необычайно большие грозди винограда, орех, смоква, финикийский гранат, сотовый мед и много молока, огромные сирские финики¹²⁸ и еще теплые хлебы необычайной белизны – тоже, по-видимому, из чужих земель. Доставившие все это лишь только вручили инокам, как тотчас поспешили удалиться обратно к тому, кто их послал. Тогда, воздав благодарность Богу, иноки приступили к трапезе и вкусили ниспосланных им даров. И таково было изобилие принесенных запасов, что их достало при ежедневном вкушении до самого дня Пятидесятницы. Вот что сотворил Господь ради торжества Великого дня!

Вот что еще мы слышали: один из братии страдал недостатком смирения и строптивостью характера. И стал он молить Господа, чтобы ниспослал ему дар смирения и кротости. Действительно, по молитве его ему дан был этот благодатный дар, так что вся братия изумлялись потом его спокойствию и скромности, чего прежде в нем совсем не замечали.

Однажды настал голод в Фиваиде. Зная, что отшельники, служившие Господу вместе с Аполлоном, часто и без пищи насыщались по благодати Божией, жители тех стран, все, вместе с женщинами и детьми, приходят к нему, прося пищи и благословения. Без малейшего колебания он начал выносить из кладовой запасы для братии и щедро оделять каждого. Вот осталось всего только три корзины... Между тем народ жестоко страдал от голода. Тогда он приказывает вынести на виду всех оставшиеся корзины, содержавшие дневную пищу для братий, и вслух всего собравшегося народа, воздев руки к небу, воскликнул:

– Неужели рука Господня не сильна умножить это?! Так глаголет Дух Святой: не истощится хлеб в корзинах, пока все мы не станем вкушать новых плодов!¹²⁹

И многое множество свидетелей-очевидцев уверяли нас, что в течение четырех месяцев не переставали брать хлеб из корзин, и он не убывал... И в другое время он совершил подобное этому с зерном и маслом... Злой дух, устрешенный его могуществом, однажды, как нам передавали, сказал ему:

– Уж не Илия ли ты или иной кто из пророков и апостолов, что дерзаешь творить столь великие знамения?!

– Что ж?! – возразил Аполлоний. Разве пророки и апостолы не были людьми и не могли передать нам свою веру и свою благодатную силу? Или разве тогда только Бог существовал, а теперь уже нет Его?! Да не будет!.. Бог всемогущ и что может – всегда может! Но если Бог так благ, скажи мне: отчего ты так злобен?

Об этих деяниях святого аввы мы узнали из правдивых рассказов старцев, отличавшихся глубоким благочестием и святостью жизни. И хотя их рассказы заслуживают полного доверия, однако Господь удостоверил нас в правде всего, что мы слышали, тем, что пришлось видеть нам самим. Мы видели, как расставляли по пустым столам полные корзины с хлебом. После насыщения всей братии они убирались снова, – и хлеба в них не убавлялось...

¹²⁷ В жизнеописании святого Феодосия Великого есть рассказ о том, как одно зерно, отнесенное по его благословию в житницу, чудесным образом наполнило эту житницу пшеницей. В житии преподобного Сергия говорится, как Бог неожиданно послал ему в обитель много хлебов чрез неведомого благодетеля во время крайней нужды. См.: также главу 28 «Луга духовного» и примеч. к главе 85-й в новом переводе.

¹²⁸ В подлиннике: *nicolai ingentes*. Афеней (lib. XIV) и Плутарх (Convival. lib. VII. С. 4) говорят, что некто Николай из Дамаска прислал Августу финики, которые он потому называл николаями. Исидор (lib. XVII. Cap. 7. Orig.) говорит: «Фивские финики – они же и николаи».

¹²⁹ Рассказ напоминает повествование Библии о пророке Илии: «Так говорит Господь Бог Израилев: мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю!» (3 Цар. 17, 14). Но сатана воспользовался крепкой верой угодника для его же искушения...

Вообще мы видели много удивительного при посещении обители святого Аполлония, о чем нельзя не рассказать.

Нас, трое братьев, отправились к нему. Мы находились еще на далеком расстоянии от обители, как нас встретили братья. Они уже за три дня узнали о нашем прибытии. Встретили они нас с пением псалмов. Таков у них обычай! Поклонившись нам до земли, они дали нам братский поцелуй. Указывая на нас, они говорили между собою:

– Это те самые братья, о прибытии которых три дня тому назад предварял нас авва Аполлоний, говоря, что через три дня придут три брата из Иерусалима.

Одни из встретивших нас братьев шли впереди нас, другие следовали за нами – и те и другие пели псалмы. Вот показалась уже обитель. Услышав пение псалмов, сам святой Аполлоний вышел нам навстречу. Завидев нас, он первый поклонился до земли и, поднявшись, облобызал нас. Мы вступили в обитель. Обычная молитва – прежде всего... Затем авва своими руками оmyвает нам ноги... Распоряжается всем необходимым для подкрепления наших сил после путешествия... Так поступал он со всеми посетителями.

У него был заведен такой порядок: жившие с ним братья прежде вкушения пищи причащались Святых Тайн. Это было около девяти часов дня. После того они иногда до самого вечера, внимая слову Божию, без всякого промежутка поучались в законе Господнем, и уже при закате солнца вкусив пищи, одни удалялись в пустыню, предаваясь во мраке ночи богомыслию и размышлению о слове Божиим, другие оставались в обители, до самого рассвета вознося немолчную хвалу Богу, как неусыпная стража... Я сам был свидетелем-очевидцем... Иные, приняв Святые Тайны около девяти часов дня, спускались с горы и тотчас расходились, довольствуясь только этой Божественной пищей. И так они поступали в течение многих дней...

На лице их сияло дивное веселие и радость – божественный некий восторг, какого не увидишь у других людей на земле... Мы не видели там ни одного печального лица... Если же кто-либо иногда казался несколько омраченным скорбью, авва Аполлоний немедленно спрашивал о причине печали. Очень часто при желании со стороны брата скрыть причину скорби он сам открывал, что таилось у него в душе, как приходилось сознаваться в этом испытавшему на себе прозорливость аввы. Тогда он начинал увещать его, говоря, что вовсе не должно быть места скорби у тех, для кого спасение – в Боге и надежда – в Царстве Небесном.

– Пусть предаются скорби язычники, пусть плачут иудеи, пусть рыдают грешные – праведным прилична радость! Если уж те, кто любят все земное, радуются тленными и ненадежными предметами, нам ли не гореть восторгом, если мы только подлинно ожидаем небесной славы и вечного блаженства?! Не этому ли учит нас апостол: *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите* (Фес. 5, 17)?

Но кто будет в состоянии изобразить глубину его духовной мудрости и благодатную силу его слова? Лучше молчание, чем недостойный рассказ...

Много наедине беседовал с нами блаженный Аполлоний об образе воздержания, об искренности обращения к Богу, об усердии к гостеприимству, в особенности настаивая на том, чтобы в посещающих братьях видели как бы Самого Господа. Потому и предание есть – поклоняться до земли приходящим братьям, да будет явно, что пришествие их приветствуется, как пришествие Господа Иисуса, по слову Его: *Странен бых и введосте Мене* (Мф. 25, 35). Ведь и Авраам принял тех, кто по видимому были простыми людьми, а между тем среди них познался Господь. Иногда пришедших братьев даже против воли необходимо принуждать к телесному отдохновению, по примеру Лота, который *принуди* ангелов войти в дом его (Быт. 19, 3). Советовал он по мере возможности ежедневно причащаться инокам Святых Тайн Христовых, дабы, удаляясь от них, не удалиться и от Бога. Кто чаще принимает Святые Тайны, тот чаще соединяется со Спасителем, по Его слову: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Одно уже воспоминание о страстях Господних многополезно, представляя образец терпения. Пусть же иноки никогда не забывают о них! Но самое главное – при приня-

тии Святых Таин дается внушение, чтобы каждый всегда бодрствовал над собою, да не явится недостойным Святых Таин Господних. Вместе с тем верующим подается и отпущение грехов.

Советовал также не нарушать без настоящей необходимости установленный пост в среду и пяток, потому что в среду Иуда измыслил предательство Господа, а в пяток Спаситель был распят на кресте. И представляется мне, говорил он, что нарушающий без необходимости в эти дни установленный пост как бы снова совершает предательство вместе с Иудой или вместе с мучителями распинает Господа¹³⁰. Если в эти дни придет кто-нибудь из братий и пожелает после путешествия подкрепиться раньше девяти часов, должно накрыть стол для него одного. Если же не пожелает, принуждать не следует: предание о соблюдении поста в эти дни для всех обязательно...

Авва порицал тех, кто запускают волосы¹³¹, или обвешивают шею железом, или вообще носят что-нибудь такое, что может ввести ближнего во искушение.

– Ведь известно, что все такие ищут славы у людей и делают это ради тщеславия, тогда как нам заповедано даже пост соблюдать тайно, да будет он ведом только Господу, видящему втайне и воздающему явно. Но, как видно, таким недостаточно похвалы и воздаяния от Видящего втайне – они желают еще явиться и пред людьми. Всякого рода воздержание должно совершаться втайне. Пусть тело изнуряется постом – не жди почета от людей! Ищи воздаяния только у Господа!

Так в течение целой недели много беседовал с нами авва о жизни иноческой, запечатлевая правду своих слов величием своих дел!

Когда мы собрались в путь, он, провожая нас, напутствовал следующими словами:

– Прежде всего, возлюбленные чада, имейте мир между собою и не отдаляйтесь друг от друга!

Затем, обратившись к братии, спросил:

– Кто из вас, братие, желает проводить их к отцам в соседние обители?

В ответ на это почти все выразили живейшую готовность. Тогда святой авва избрал троих, знающих языки греческий, латинский и египетский, чтобы в случае надобности, они служили нам переводчиками и могли назидать нас беседой¹³². Отпуская их с нами, он повелел не прежде оставить нас, как проводив ко всем отцам и обителям, которые мы пожелаем посетить. Но кто же в состоянии обойти всех?

Благословив нас, он простился с нами. Благословение же преподал в следующих словах: *Да благословит вас Господь от Сиона и узрите благая Иерусалима во вся дни живота вашего!* (Пс. 127, 6).

¹³⁰ Особенно полезное напоминание в наше время...

¹³¹ Разумеются те, кто держат волосы в диком беспорядке, чтобы внешним видом производить впечатление чего-то необычайного...

¹³² Факт весьма знаменательный: в одной обители нашлось несколько человек, знающих латинский, греческий и египетский языки!..

Глава 8

Об Аммоне

Считаю долгом не умолчать о том, что мы слышали об одном святом муже, именно об Амоне¹³³. Мы видели в пустыне место, где он жил.

Простившись с блаженным Аполлонием, мы направились в южную часть пустыни. Дорогой мы заметили следы огромного дракона – точно бревна были проташены по песку¹³⁴. Сопровождавшие нас братья уговаривали нас бесстрашно следовать по следам дракона.

– Вы увидите могущество веры, когда убьем зверя! – говорили они. – Мы своими руками умертвили уже многих драконов, змей и рогаток...¹³⁵ Не дал ли Спаситель верующим в Него власть наступать на змию и на скорпию и на всю силу вражью (Лк. 10, 19)?

Так они ободряли нас. Но у нас не было столь твердой веры... Ужас овладевал нами все более и более... Мы просили оставить в стороне следы дракона и идти прямым путем. Между тем один из них с быстротою бросился преследовать дракона. Он уже близок был к логовищу и громко звал нас к себе, чтобы мы могли видеть, что будет. Но в это время вышел к нам навстречу один брат, живший в соседней пустыне, который удержал нас.

– Вы не выдержите вида чудовища, в особенности если вам не приходилось никогда видеть его. Я же частенько видал его: это зверь невероятных размеров... Никак не менее пятнадцати локтей в длину...

Отговоривши нас подходить к логовищу, этот брат поспешил отвлечь и того, который поджидал нас, приготовившись поразить зверя. Он стал отзывать его, но тот непременно желал покончить с драконом и только после многих просьб наконец уступил. Вернувшись к нам, он укорил нас за наше малодушие и неверие¹³⁶.

Мы пришли к пещере встретившегося нам брата. Он нас принял с искренней любовью, и мы у него отдохнули. Он поведал нам, что в этом самом месте жил один святой муж, его наставник, по имени Аммон. Господь много раз являл чрез него Свою силу. Вот что между прочим он рассказал нам.

Питался Аммон одним только хлебом, да и тот разбойники часто отнимали у него, похищая его скудные запасы. Долго старец переносил эти обиды. Но вот однажды он отправился в пустыню и на обратном пути повелел следовать за собою двум драконам. Им повелено было лечь у входа в пещеру и охранять его. Разбойники явились по своему обычаю, не подозревая, что за стражу найдут они у входа. Увидав драконов, они оцепенели от ужаса и, лишившись чувств, полумертвыми пали на землю. Старец вышел к ним и, увидав их в таком положении, поднялся и сказал им с укором:

– Вы видите, что звери добрее вас: они повинуются нам по воле Божией, а вы ни Бога не боитесь и не стыдитесь обижать Его служителей.

Приведя грабителей к себе в пещеру, старец приготовил для них трапезу и пригласил их принять пищу. В сокрушении сердца они проклинали свое бесчеловечное поведение. И в короткое время бывшие разбойники превзошли своими подвигами многих, раньше их начав-

¹³³ Сего святого подвижника надлежит отличать от Аммона Нитрийского, о котором говорится в 30-й главе, и от Аммона Тавеннского, отца 3000 монахов, о котором говорится в 3-й главе.

¹³⁴ Разумеется крокодил. Крокодилы походят издали на длинную глыбу черной земли, говорит А. С. Норов.

¹³⁵ См. примеч. к гл. 24-й.

¹³⁶ Путешественники с кротостью приняли укор в недостатке веры, но едва ли был прав и укоривший. Как некогда, во времена гонений, Церковь неодобрительно смотрела на тех, кто сами вызывались на мучения, так не следует добровольно, без всякой нужды, подвергаться очевидной опасности в надежде на помощь свыше...

ших служить Господу. И так полно и глубоко было раскаяние их, что чрез несколько времени Господь удостоил их дара совершать знамения и чудеса...

В другое время ужаснейший дракон опустошал соседние местности, и много народу погибло от него. Жители пришли к святому Аммону и молили его, чтобы изгнал зверя из их страны. Чтобы склонить его к милосердию, принесли с собою мальчика, сына одного пастуха, который помешался от испуга при одном взгляде на дракона. Зверь точно отравил его своим дыханием, и он замертво, весь опухший, был принесен домой. Старец помазал елеем отрока и возвратил ему здоровье. В душе он, конечно, желал гибели зверя, но поселянам не дал никакого обещания – как бы сознаваясь в своем бессилии помочь им. На другой день, вставши рано, отправился к логовищу зверя и, склонив колена, начал молиться. Зверь стремительно бросился было к нему, уже слышно было его ужасное дыхание, сопровождавшееся резким шипением. Бесстрашно взирал на него старец... Обратившись к дракону, он произнес:

– Да поразит тебя Христос, Сын Божий, имеющий некогда поразить еще более страшного зверя!

И лишь только он сказал это, как вдруг ужасный дракон, изрыгнув вместе с дыханием ядовитую пену, с треском лопнул посередине. Сбежались соседи и оцепенели от изумления; поднялось нестерпимое зловоние... Поспешили набросать на него огромные груды песка. Авва Аммон стоял тут же, потому что и к мертвому чудовищу не смели приблизиться одни, без святого старца...

Глава 9

О пресвитере Коприи и Патермуфий¹³⁷

В глубине пустыни в своем монастыре жил один пресвитер, по имени Коприй. Святой муж имел уже около восьмидесяти лет от роду. Великие силы явил в нем Бог: он врачевал недуги, возвращал здравие, изгонял демонов и вообще творил много дивного, чему отчасти и мы были очевидцами.

При свидании с нами он облобызал нас и после обычной молитвы омыл нам ноги. Затем спросил:

– Что-то теперь происходит в мире?

– Поведай нам, авво, лучше о себе самом, о своих деяниях, расскажи нам, какими подвигами, какими заслугами пред Богом сподобился ты столь великой благодати? – просили мы.

И он не отверг нашей просьбы и начал нам рассказывать по порядку свою жизнь и жизнь своих предшественников. По его словам, они много были достойнее его, а он только в немногом, и то с трудом, подражал им¹³⁸.

– Нет во мне, чада, ничего достойного, и далеко мне до святых отцов наших...

До меня здесь жил знаменитый муж, по имени Патермуфий. Он был первым пустынником в здешних местах и первый во всей этой пустыне указал нам путь ко спасению. Раньше он был язычником, предавался разбою, расхищал гробницы¹³⁹ – словом, для него не было ничего святого... Вот что отвратило его от злодеяний и обратило на путь спасения: однажды ночью ради грабительства он подкрался к жилищу одной девы, посвятившей себя Господу. При помощи каких-то снарядов, хорошо, конечно, известных мастерам такого рода, он забрался на крышу ее дома и начал подумывать, как бы ему проникнуть внутрь жилища. Однако это оказалось делом нелегким. Ночь почти проходила, а он не достиг ничего. Утомленный тщетными усилиями, он заснул – и в сновидении предстал пред ним Некто в царском одеянии и сказал ему:

– Пора уже тебе отстать от злодеяний! Перестань проливать кровь человеческую! Вместо гнусного воровства стань на страже благочестия и возьми на себя небесную, ангельскую службу и живи отселе для доблестей духа – Я сделаю тебя вождем и главою на этой службе!

С радостью выслушал он это приглашение, – и вот пред очами его целое воинство иноков, и ему повелевалось принять начальство над ними.

Пробудившись, он увидал, что близ него стоит хозяйка дома.

– Кто ты, откуда? Зачем пришел сюда? – спрашивала она.

Сперва он ничего не понимал, точно лишившись разума. Не ответив ни одного слова на ее расспросы, он просил, чтобы она указала ему христианский храм. Дева поняла, что Господь совершает чрез нее Свою волю, отвела его в церковь и представила пресвитерам. Бросившись

¹³⁷ Память преподобных Патермуфия и Коприя – 9 июля. Их следует отличать от соименных им святых мчеников, также подвижников пустыни египетской, пострадавших при Юлиане. О святом Коприи упоминают Созомен (Кн. VI, гл. 28), и Никифор (Кн. XI, гл. 34). Никифор говорит: «Коприй получил благодатный дар изгонять демонов и разнообразных исцелений». В VI в. известен был еще Коприй, подвижник палестинской обители святого Феодосия Киновиарха, скончавшийся около 530 г. Память – 24 октября.

¹³⁸ На восточном берегу (Нила) продолжающиеся к югу (от Гермополя) горы аравийские испещрены пещерами. Это – древнейшие каменоломни и гробницы. И здесь-то были *фиваидские уединения*, прославленные чудными делами христианских подвижников. Они начинались от нынешней Миниэты и тянулись далеко на юг... Примеч. к гл. 141 «Луга духовного» в переводе преосв. Филарета. С. 274. Палладий, проведший четыре года близ Гермополя и Антиноэ, говорит, что здесь было до 20 000 иноков – великих подвижников (*Палладий* Лавсаик. Гл. 81). О знаменитейших из них и идет рассказ преподобного Коприя.

¹³⁹ Ограбление могил – порок, распространенный в древности; ср. 77 и 78 гл. «Луга духовного» в новом переводе. Сильное обличение его смотри, например, в творениях св. Григория Богослова (Т. V. Стихотворения).

к стопам их, бывший разбойник просил удостоить его святого крещения и немедля возложить на него церковное покаяние. Зная этого человека за страшного злодея, пресвитеры изумлялись и не верили искренности его обращения. Тронутые неотступностью его просьбы, они объявили ему, что, если он точно желает обратиться к Богу, должен будет совершенно оставить все прежнее. Затем он был обучен важнейшим истинам веры.

– Дайте мне правила, – просил он, – наставьте меня, как бы мне вступить на путь спасения.

Пресвитеры указали ему на первые три стиха первого псалма¹⁴⁰. После прилежного размышления над ними он сказал:

– Этого довольно для вступления на путь жизни и для постижения духа благочестия.

Пробыв три дня, новообращенный удаляется в пустыню. Там он прожил долгое время, день и ночь проводя в непрестанной слезной молитве. Пищею служили корни пустынных трав.

Однажды он пришел в храм, и пресвитеры увидели, что не словами только, но и делами и подвигами оправдал он указанные ему стихи. И дивным казалось пресвитерам, что немедленно после обращения он воспринял подвиг столь строгого воздержания. Тогда они подробнее ознакомили его со словом Божиим и вместе с тем убеждали остаться с ними. Чтобы не вызывать непослушания, Патермуфий провел с ними неделю, но затем снова удалился в глубину пустыни, где и прожил семь лет в совершенном воздержании. И такую полноту благодати стяжал он у Бога, что знал наизусть почти все Священное Писание. Хлеб он принимал однажды в неделю, в день воскресный, и этот хлеб ниспосылался ему свыше... Поднимаясь с коленопреклонной молитвы, он находил у себя хлеб, которого никто не мог ему доставить... Вкусив его с благодарностью Провидению, он уже не принимал пищи до следующего воскресного дня.

Много времени протекло... И снова он вышел из пустыни. Многие были увлечены примером его подвижничества к подражанию. В числе других пришел к нему один юноша, прося принять себя в ученики... Патермуфий возложил на него иноческую одежду: левитон, кукуль и милоть из козьей шерсти, – и начал наставлять его правилами подвижничества. Нужно сказать, что Патермуфий особенно близко принимал к сердцу заботу о достойном погребении усопших христиан¹⁴¹. Юноша заметил, с каким усердием старец прибирал одежды для умерших, и однажды сказал ему:

– Вот, наставниче, когда я умру, и меня так же снаряди и предай честному погребению.

– Ах, чадо, я так постараюсь исполнить просьбу твою, ничего не жалея, пока сам не скажешь: «Довольно!»

Прошло немного времени, и юноша действительно скончался, и предсказание старца-наставника исполнилось.

Облачивши почившего, не жалея одежд, он пред лицом всех спросил его:

– Довольно ли, милое чадо, или желаешь, чтобы я еще что-нибудь прибавил?

На главе почившего лежал покров, и самое лицо его было обвязано.

Вдруг все явственно слышали:

– Довольно, отче! Ты исполнил свое обещание...

Присутствовавшие были поражены столь дивным событием... А старец, предав погребению тело юноши, немедленно удалился, тщательно избегая какого бы то ни было вида тщеславия.

¹⁴⁰ «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей; но в законе Господа воля Его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет».

¹⁴¹ В этой заботливости о достойном погребении усопших братьев, очевидно, сказывается искреннее желание загладить грехи прежнего образа жизни.

Однажды он снова вышел из глубины пустыни для посещения руководимой им братии. Один из них опасно занемог, и Господь открыл Патермуфию об его близкой кончине. Время уже клонилося к вечеру, и старец поспешил, чтобы проститься с умирающим. Но селение, где лежал больной, было далеко... Приходилось поневоле идти ночью... Вдруг старцу вспомнились слова Спасителя: *Ходите, дондеже свет имате, да тьма вас не имать* (Ин. 12, 35), и – *кто ходит во дни, не поткнется* (Ин. 11, 9). И тут он заметил, что солнце уже близко к закату...

– Во имя Господа Иисуса, остановись ненадолго и подожди, пока я не достигну селения!

Часть солнца уже закатилась, но, как бы остановившись, оно не прежде скрылось, как человек Божий достиг селения. Местные жители заметили это необычайное явление. Они долго наблюдали медленный закат солнца и изумлялись, недоумевая, что бы это значило. Увидав Патермуфию, пришедшего из пустыни, они спросили его, что значит это дивное знамение.

– Разве вы забыли слово Господа, Спасителя нашего: *Аще имате веру, яко зерно горюшино, ничтоже невозможно будет вам* (Мф. 7, 20), – ответил отшельник.

Уразумев, что по вере его остановилось солнце, все были объаты ужасом, и многие, ставши его учениками, последовали за ним.

Между тем отшельник вступил в дом и нашел брата, ради которого спешил, уже умершим. Сотворив молитву, он приблизился к смертному одру. Поцеловав почившего, спросил:

– Чего лучше желаешь, брат, – отойти ли и жить со Христом или еще пребыть во плоти?

– Зачем спрашиваешь меня, отче? О, мне лучше отойти и пребыть со Христом... Нет мне никакой надобности оставаться во плоти! – ответил, немного поднявшись на ложе, почивший.

– Спи же в мире, чадо, и молись о мне!

И почивший тотчас, распростершись снова, уснул...

Присутствовавшие при этом были поражены несказанным изумлением.

– Воистину, это человек Божий! – воскликнули все.

После того старец облачил юношу, по своему обыкновению, с достаточным убранством. Всю ночь проведя в пении псалмов и песнопений, Патермуфий предал юношу честному погребению.

Однажды он посетил брата и застал его лежащим на одре болезни. Брату нелегко приходилось расставаться с жизнью: совесть тяжело смущала его, он трепетал...

– Отчего ты, чадо, не готов к твоему исходу? Видно, совесть, изболительница твоего нерадения, не отступает от тебя...

И больной взмолился:

– Прошу тебя, отче, исходатайствуй пред Богом, да продлит хотя ненадолго мою жизнь, чтобы мне очиститься.

– И ты просишь еще короткого срока для покаяния, когда уже настал конец твоей жизни?! – сказал старец. – А что же ты делал раньше, во все продолжение жизни? Разве не мог ты лечить тогда свои язвы? Нет?! Ты к старым прилагал свежие!..

И еще более настойчиво молил его умирающий.

– Если ты к старому злу не станешь прибавлять нового, – отвечал старец, – мы помолимся о тебе. Бог благ и долготерпелив и продлит еще ненадолго жизнь твою, чтобы ты мог уплатить твои долги...

И, преклонив колена, старец начал молиться. Потом, поднявшись, обратился к больному со словами:

– Вот, Господь дает тебе еще три года жизни – только бы ты всем сердцем обратился к покаянию.

И, взяв его за руку, воздвиг с одра болезни.

Выздоровевший немедленно последовал в пустыню за аввою.

Прошло три года. Авва привел брата на то место, откуда взял его за три года пред тем. И все пришли в изумление: точно Ангел Божий, а не человек стоял пред всеми – так глубоко было его обращение к Богу!

Между тем собралось множество братии. Старец поставил его посреди всех и, указывая на его пример, всю ночь беседовал с братией о плодах покаяния и обращения к Богу. Беседа продолжалась... Брат точно тихо засыпал и... заснул навеки!

Сотворив над ним молитву и по обычаю устроив все, необходимое для погребения, старец поспешил удалиться в пустыню...

Очень часто он переходил большую реку Нил – по колена в воде...

В другое время он являлся братии в их высоких кельях «дверем заключенным». Очень часто также появлялся мгновенно в какой угодно было ему, хотя бы и весьма дальней, местности...

Еще в самое первое время после его обращения после недельного поста в пустыне встретился ему человек с хлебом и водой и просил его принять пищу, сказав, что это ниспослано ему свыше...

В другое время явился ему диавол и, указывая ему одно место на земле, уверял, что здесь скрыто огромное количество золота, принадлежавшего фараону. Патермуфий ему ответил: *Сребро твое с тобою да будет в погибель!* (Деян. 8, 20)¹⁴².

Вот что, да и многое другое, подобное сему, совершил чрез него Господь!

– Были и до нас многие другие отцы, совершавшие небесные знамения и чудеса, – отцы, *ихже не был достоин весь мир* (Евр. 11, 38). Что же удивительного, если мы, смиренные и недостойные сравнительно с ними, исцеляем хромых и слепых? Не удастся ли это иногда при помощи искусства также и врачам?

Так беседовал с нами старец Коприй.

Во время его рассказов один из нашей братии как бы от невероятности событий начал зевать и наконец дремать от скуки. Крепко заснув, он видит в сновидении книгу, исписанную золотыми письменами. Книга в руках старца Коприя, и он из нее берет свои повествования. И стоял тут же некто – светносный, украшенный сединами. Грозно взглянув на него, явившийся сказал невнимательному:

– Что ж ты без внимания слушаешь то, о чем здесь читают, – напротив, дремлешь от безверия?

Смутившись, он вдруг пробуждается и тотчас по-латыни на ухо рассказывает свое сновидение...

Мы заметили, как среди разговора подошел ко входу в пещеру какой-то крестьянин, держа в руках наполненный песком сосуд. Он поджидал окончания беседы старца. Мы спросили пресвитера:

– Что нужно этому крестьянину, который стоит здесь и держит сосуд с песком?

– Ах, чада мои, – отвечал старец, – следовало бы мне воздержаться от подробного объяснения... Боже сохрани нас подпасть как-нибудь тщеславию и потерять вечную награду... Но вы совершили столь дальний путь, чтобы посетить нас... Ради вашего назидания и пользы душевной не утаю от вас, но поведаю вам дела Божии, которые Он удостоил совершить среди нас.

Почва в соседней с нами стране была чрезвычайно бесплодна. По нужде обрабатывали ее. Бывало так, что урожай выходил сам, – вдруг... В самих еще стеблях зарождались черви и губили посев. Жители этой местности были язычники. Мы научили их вере в истинного Бога, и они стали христианами. Вот однажды они пришли к нам с просьбой, чтобы мы вознесли

¹⁴² Один из обычных способов искушения. «Сатана нередко покушался прельстить меня златом, – говорит св. Антоний, – златом, которое для того и приносил, чтобы или обольстить мои глаза, или осквернить мои руки» (Жизнеописание святого Антония / Сост. св. Афанасием. 30, 40).

молитву Господу об урожае¹⁴³. Мы ответили им, что готовы помолиться о них, но для получения просимого нужна и их вера. Тогда они набрали в свои пазухи песок, который мы попирали ногами, и принесли к нам, прося, чтобы мы благословили его во имя Господне.

– По вере вашей да будет вам! – сказал я.

Они взяли песок с собою и, смешав с семенами для посева, засеяли свои поля. Получился такой урожай, какого никогда еще не собирали в земле египетской... Вот с тех-то пор и вошло у них в обыкновение ежегодно два раза приходить к нам с теми же надеждами...

Не скрою еще от вас и того, что надо мною явил Господь во славу имени Своего. Однажды я отправился в город. Там пришлось мне встретиться с учителем манихейским¹⁴⁴, совращавшим народ. Я должен был его оспаривать, но он оказался чрезвычайно изворотливым, и я не мог уловить его. На меня напал страх, как бы не подать соблазна слушающим, если бы он ушел и стал хвастаться своей победой. Тогда я воскликнул:

– Разведите большой огонь на площади, и мы оба войдем в пламя. Кто из нас выйдет из пламени невредимым, вера того да будет признана истинною!

Мои слова понравились народу, и тотчас же был разведен страшный огонь.

Тогда взявшись за манихея, я повлек его с собою в пламя.

– Постой! – вскричал тот. – Не так! Пусть каждый из нас войдет порознь туда! А так как ты придумал это, то и ступай-ка первым.

Осенив себя крестным знамением во имя Христово, я вступил в середину пламени, и пламя рассеивалось по сторонам и убегало совсем от меня... Так прошло с полчаса времени, и во славу Божию я оставался невредим.

Народ был поражен изумлением, и все прославили Господа, восклицая: *Дивен Бог во святых Своих!* (Пс. 67, 16)¹⁴⁵.

После того пришла очередь манихея. Его стали принуждать войти в пламя, но он сопротивлялся и упирался. Тогда толпа схватила его и бросила в середину костра. Пламя тотчас охватило его, и он выскочил полуобгорелый...

Народ с позором изгнал его из города с криком: «Сжечь бы тебя живого, обманщик!»

А меня взяли с собою и, благословляя Господа, привели в церковь.

В другой раз пришлось проходить мне мимо одного капища. Смотрю – язычники собираются принести жертву.

– Как это вы, люди разумные, приносите жертвы немым и бесчувственным истуканам? И неужели у вас не больше смысла, чем у тех, кому приносите жертвы? – сказал я им.

И Господь отверз им разум... Бросив свое заблуждение, они последовали за мною и уверовали в Спасителя, Бога нашего.

Когда-то был при моей обители рядом с нею садик, в котором мы разводили овощи для приходящих братий. Однажды ночью забрался в него язычник и наворовал овощей. Придя домой, он развел огонь и стал варить овощи. Целых три часа бился он, все усиливая пламя: овощи не варились, не умягчались – даже не нагревались!.. Так и оставались сырыми, как были... Вода, и та не согрелась... Опомнившись, вор снял котел с овощами с очага и принес обратно к нам. Бросившись к ногам, он стал молить, чтобы мы испросили ему у Бога прощения

¹⁴³ Свидетельство глубокой христианской древности о молебствиях на полях!

¹⁴⁴ Основателем манихейства признается Манес, родом вавилонянин, живший в III в. Его заблуждения произошли от смешения древней персидской религии Зороастра с христианскими понятиями. Основные положения манихейства: 1) признание двух вечных царств света и тьмы; 2) борьба между ними; 3) происхождение мира из смешения света и тьмы; 4) необходимость освобождения частиц света из области тьмы; 5) это совершается при помощи Христа и Святого Духа; 6) признание в человеке двух душ: доброй и злой, и т. п.

¹⁴⁵ Знамения, подобные описанному, нередко встречались в истории Церкви Божией. См., например, 36-ю гл. «Луга духовного» в новом переводе. Подобное же знамение произошло в Киеве при обращении русских в христианство. («История христианства в России до равноапостольного князя Владимира» преосв. Макария. 265. СПб., 1846. Припомним также обращение зырян святым Стефаном Пермским. См. также в издании Миня: Patrolog. cursus compl., XXI. Series latina. P. 426, примеч. 3).

и сделали его христианином. Его желание было исполнено. Между тем как раз в тот же день пришли к нам в большом числе странники братия, – и вышло так, как будто для них приготовлены были эти овощи.

И мы вознесли теплую благодарность ко Господу за Его чудеса. Вдвойне мы возрадовались: о спасении человека и о Божией милости...

Глава 10

Об авве Сире, Исаии, Павле и Ануфе

Вот что поведал нам еще Коприй: – Однажды авва Сир, Исаия и Павел встретились друг с другом на берегу реки. То были мужи праведные, великого воздержания и глубокого благочестия. Они собрались навестить одного подвижника, по имени Ануфа¹⁴⁶. Путь в три ночлега предстояло пройти им до цели путешествия. На пути они должны были переправиться через реку, но у них не было под руками лодки. И сказали они друг другу:

– Попросим милости у Господа, чтобы предпринятое ради доброго дела путешествие наше не было прервано.

И сказали Павел и Исаия авве Сиру:

– Тебе прежде всего следует просить Господа. Мы знаем, что Он слушает тебя, потому и теперь исполнит прошение твое.

Авва Сир, в свою очередь, просил и их склонить колена для молитвы и сам пал на лице свое пред Господом.

Молитва окончена. Все встали и вот видят – к берегу подплывает ладья, вполне оснащенная для плавания. Отцы вошли в ладью и так быстро понеслись вверх против течения, что в один час проплыли пространство, которое прошли бы только в три дня.

Высадились на сушу, и сказал Исаия:

– Господь показывает мне мужа, к которому мы спешим. Вот он идет к нам навстречу и читает наши сердечные тайны...

И Павел сказал:

– И мне открывает Господь, что чрез три дня Он возьмет его к Себе.

Все трое от берега направились к обители. Но пройдя немного, видят – Ануф выходит к ним навстречу и обращается к ним с приветствием:

– Благословен Господь, благоволивший мне узреть вас во плоти, как прежде показывал в духе.

И стал он вспоминать о подвигах и заслугах каждого из них пред Богом.

И сказал тогда Павел:

– Господь открыл нам, что чрез три дня Он отзовет тебя из этого мира к Себе. Поведай же нам о своих успехах в духовной жизни, о своих подвигах, которыми ты угодил Господу. Тебе нет опасности от тщеславия: ты скоро оставишь этот мир. Так оставь же в назидание потомкам и память о своих подвигах...

– Не помню за собой великих подвигов, – сказал в ответ Ануф. Вот что только наблюдал я: с той поры, как во время гонения исповедал я имя Спасителя нашего, я остерегался, да не изыдет после исповедания истины ложь из уст моих. И раз возлюбив небесное, да не уклонюсь к пристрастию к земному, – и во всем этом благодать Божия помогала мне. Да и не нуждался я ни в чем земном: ангелы Божии приносили мне пищу, которую я желал иметь. И знал я, по милости Божией, обо всем, что происходит в мире... Сердце мое всегда просвещалось светом Божиим, и, озаряемый им, я не нуждался во сне – всегда разгоралось во мне желание видеть Его... По милости Божией мой Ангел Хранитель не отступал от меня, научая меня каждой добродетели в здешнем мире... И этот свет неугасимо сиял в душе моей... И все прошения мои

¹⁴⁶ Память преподобного Ануфа или Анувия – 5 июня. Он удостоился дивных видений. В состоянии духовного восторга все существо подвижника преображалось, как бы отрешаясь от уз плоти – от всего земного, и входило как бы в соприкосновение с высшим духовным миром. В таком состоянии у некоторых подвижников замечалось просияние лица, как бы луч солнечный озарял его. В видениях ему открывались тайны мира духовного. См.: примеч. к гл. 51 «Луга духовного» в новом переводе. О каком гонении говорит подвижник Ануф, решить трудно; вероятно, о гонении Юлиана Отступника.

исполнял Господь без промедления... Часто являл Он мне тмы тем Ангелов, предстоявших Ему. Видел я и лики праведных, и сонмы мучеников, и соборы иноков и всех святых, в чистоте сердца немолчно прославляющих Господа. Видел я и сатану и аггелов его, осужденных на огонь вечный, равно как и вечное блаженство, уготованное праведным.

Вот что и многое другое, подобное сему, рассказывал он им в течение трех дней, а затем предал дух свой Богу.

И тотчас увидели они, как Ангелы приняли его душу и понесли на небо... И слышны им были песнопения, которыми душа его, восходя ко Господу, вместе с Ангелами воспевала хвалу Всевышнему...

Глава 11

О Гелене

Другой святой муж жил также здесь, по имени Гелен¹⁴⁷. С малолетства научали его служить Господу. Благодаря строгому воздержанию и святым правилам он достиг высокого духовного совершенства. Еще отроком, живя уже в монастыре, он носил в случае надобности из соседнего монастыря горящие уголья без всякого вреда для одежды. Дивились братия чуду и старались подражать его пламенной ревности и его подвигам...

Однажды он жил один в пустыне, и у него родилось желание вкусить меду. Обратившись назад, он увидел соты в расселине скалы. Сообразив, что то – обман врага, тотчас укорил сам себя: «Отступи от меня, обманчивая и прельщающая похоть! В Писании сказано: *Духом ходите и похоти плотские не совершайте!* (Гал. 5, 16)». И тотчас покинув самое место, удалился в глубину пустыни и там предался строжайшему посту, как бы в наказание себя за плотские вожделения. Наступила уже третья седмица, и вот он видит разбросанные по пустыне разного рода плоды – и то были сети коварного врага... Уразумев это, он воскликнул:

– Не буду есть и даже не дотронусь, да не соблазню брата моего, то есть душу мою. Написано: *Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе Божиим* (Мф. 4, 4). Пошла уже четвертая неделя поста... Однажды он погрузился в легкий сон, и вот Ангел Господень предстал ему и сказал:

– Встань и вкуси, что найдешь, без всяких сомнений!

Пробудившись, он увидел тихо струившийся источник, берега которого были окаймлены нежными и ароматическими растениями. И стал он срывать их и вкушать и пить воду из источника. Уверял он потом, что никогда во всю жизнь он не пил ничего слаще и приятнее. В той же местности он нашел пещеру, в которой иногда находил отдых. И с тех пор, по милости Божией, у него никогда не было недостатка ни в чем необходимом для телесного подкрепления – все подавал ему Бог по его просьбе.

Однажды отправился он для посещения троих недужных братий и понес им кое-что для телесного подкрепления их. На пути он утомился от тяжести ноши. Вдруг видит – дикие ослы перебегают пустыню. И он воскликнул: «Во имя Господа Иисуса Христа – пусть один из вас подойдет ко мне и возьмет на себя мою корзину!» И вот один из стада приблизился к нему, как вполне ручное животное. С видимой охотой осел понес на себе и тяжесть самого отшельника. Таким образом он очень скоро прибыл к цели своего путешествия.

В другое время он пришел в один монастырь в день воскресный и, видя, что братия не справляют празднования, спросил о причине. Ему ответили, что священник, живущий за рекою, не мог прибыть к ним из опасения крокодила. Тогда он сказал: «Если хотите, я отправлюсь и приведу его к вам». И тотчас идет к реке. Лишь только он призвал имя Господне, лютый зверь является пред ним – тот самый зверь, до сих пор губивший людей, служит теперь колесницей для праведника... С видимым страхом склонившись пред человеком Божиим, он принял его на себя и перевез на другую сторону реки. Гелен немедленно приходит к пресвитеру и просит, чтобы он прибыл к братии. Надобно заметить, что проситель одет был в самую дешевую и плохую одежду. Пресвитер изумился и стал расспрашивать, кто он такой, откуда и что ему нужно от него. Но узнав в нем человека Божия, немедленно последовал за ним. Подошли к реке. Пресвитер начал было снова отговариваться под тем предлогом, что нет лодки. Тогда Гелен сказал ему:

¹⁴⁷ По быстрому преуспеянию в духовном совершенстве прп. Гелен напоминает св. Симеона Дивногорца. О нем см. у Созомена (кн. VI, 28); Никифора (кн. XI, 34); Кассиодора (кн. VIII); *Tripartita historia*. Cap. I.

– Не беспокойся, отче, я приготовлю тебе переправу. И, громко возгласив, повелел явиться зверю. Зверь немедленно явился на зов и кротко подставил свою спину. Взойдя прежде сам, Гелен стал звать пресвитера.

– Входи и не бойся ничего!

А тот при виде зверя пришел в ужас и бросился было бежать...

Великий ужас объял всех видевших, как человек Божий, сидя на крокодиле, переправлялся через реку.

Высадившись на берег, он привел с собою и зверя. Затем сказал ему: «Лучше тебе погибнуть, чем быть обвиняему в гибели столь многих людей!» И зверь, распростершись по земле, тотчас издох...

Целых три дня провел Гелен в обители, наставляя братию духовной мудрости. Некоторым он открыл тайные помышления и советы сердца: один увлекался духом прелюбодеяния, другой – духом гнева, третий – сребролюбием, другие – духом тщеславия и духовной гордости. В других, напротив, прозревал кротость, праведность, терпение... Таким образом, обличая пороки и одобряя стремление к доброму, возбуждал всех к исправлению и достижению духовного совершенства. И те, которых он обличал, сами должны были признать, что он как бы читает в душах их, и сокрушались сердцем.

Собираясь в путь, он сказал:

– Приготовьте овощей к приходу братий.

Начали готовить, и вот являются братия. Приняв их с честью, он сам удалился в пустыню.

Между тем один из братии просил его, чтобы он позволил ему жить с собою в пустыне.

– Ах, – ответил Гелен, – тяжел и многотруден подвиг – противостоять искушениям злых духов!

Но юноша еще усерднее настаивал на своем желании, обещая, что он все будет терпеливо переносить, лишь бы он позволил ему разделять его подвиги. Тогда, взяв его с собой в пустыню, он повелел ему жить в соседней пещере.

И вот слетелись злые духи ночью к юноше в пещеру. Сперва возмущали его душу гнусными и нечистыми помыслами и затем, неистово ринувшись на него, грозили ему смертью... Юноша опрометью бросился вон из пещеры и, прибежав в келью святого Гелена, рассказал, что пришлось ему испытать. Авва немногими словами успокоил его, ободряя его к вере и терпению. Отведя обратно юношу в его пещеру, он провел пальцем на песке близ пещеры некую черту и сказал, как бы обращаясь к злым духам: «Именем Господа запрещаю вам переступить эту черту!» И юноша более не терпел прежнего беспокойства.

Рассказывали про него, что и он, этот юноша, подвизаясь в пустыне, часто устаивался пищи, посылаемой свыше. К нему приходили братия, и он не имел ничего предложить им для подкрепления. Тогда некто, в виде юноши, приносил ему хлеб и все необходимое, никогда, однако, не входя в пещеру, но оставляя принесенное у порога. И говорил он тогда братии:

– Благословим Господа, уготовавшего нам трапезу в пустыне!

Вот что и многое другое рассказывал нам о жизни и подвигах святых отцов авва Коприй, с сердечной теплотою наставляя нас. После беседы он повел нас в свой садик и показал нам пальмы и яблони, взращенные им.

– Все это я развел здесь, – сказал он, – вразумленный верою поселян. Если уж они выказали такую веру, что, собрав песок из-под ног наших, рассеивали его по полям и бесплодной земле, сообщили дивную силу плодородия, – стыд нам, размышлял я сам с собою, иметь недостаток веры сравнительно с теми, кому, по воле Божией, мы внушили веру...

Глава 12

Об Илии

С глубочайшим почтением взирали мы на одного старца, по имени Илий¹⁴⁸. Он жил в области Антиноя, главного города Фиваиды¹⁴⁹. Ему, как говорили, было уже около ста девяти лет... Воистину дух Илии почил на нем. Много великого и дивного передавали нам о нем, рассказывали, что он семьдесят лет провел в самой дикой пустыне. Ужас и дикость этой местности неописуемы... И вот в ней-то старец прожил свой век, как бы позабыв о местах обитаемых... К нему вела тропинка, столь каменистая и узкая, что его трудно было и отыскать... Жил он в страшной пещере, приводившей в невообразимый ужас всех, смотревших на нее. И сам он от глубокой старости дрожал всеми членами. Впрочем, не переставал ежедневно совершать знамения, исцеляя совершенно всех приходивших к нему от всякого недуга. Все отцы в один голос утверждали, что они даже и не помнят, когда он удалился в пустыню. Пищей ему до глубокой старости служило немного хлеба и фиников, а в молодости, говорили, он постился по целым неделям...

¹⁴⁸ О прп. Илии упоминают Созомен (кн. VI, гл. 28), Никифор, (кн. II, 34), Кассиодор в «*Historia tripartita*», (Lib. VIII, 1). Память его – 8 января.

¹⁴⁹ Антиноэ, теперь деревня Scheth – Abaddeh, Cheikh – Abadeh, в древности – город, построенный императором Адрианом в честь своего любимца Антиноя, на правом берегу Нила, против Гермополя. Остались развалины ипподрома и цирка. См.: *Клёден*. IV, 808; *Элизе Реклю*. Т. X, 562 (в ранее цитированных трудах).

Глава 13

О Питирионе

На обратном пути из Фиваиды нам встретила на дороге высокая гора, чрез которую пробивается река. Грозная скала нависла над рекою. Страшно было взглянуть на нее... А между тем в крутизнах ее можно было видеть пещеры... Доступ к ним полон трудностей. В пещерах жило множество отшельников, и был у них авва, по имени Питирион¹⁵⁰. То был ученик блаженного Антония, а по кончине последнего жил со святым Аммоном. Когда и Аммон скончался, он поселился на этой горе. Авва достиг высокого духовного совершенства, и дана была ему в изобилии благодать исцелений и великая власть над злыми духами, точно он наследовал сугубые духовные дары двух великих мужей, с которыми некогда подвизался... Он назидал многих, внушая правила духовной мудрости. Между прочим, он особенно подробно наставлял тому, как различать злых духов.

– Есть злые духи, служащие только известным порокам, но есть и такие, которые, замечая, что душа человека и ее расположения страдательно движутся под влиянием греха, повергают ее в крайнюю бездну зла и развращения... Желающий приобрести власть над злыми духами пусть прежде в себе самом победит грех и страсти. И какой грех или какую страсть он одолеет в себе самом, сообразно с этим и власть получит над злым духом этого греха и может изгонять его из одержимых им. Потому-то и следует стараться постепенно одолевать свои порочные наклонности, чтобы затем уже торжествовать и над нечистыми духами.

Авва дважды в неделю подкреплялся пищею, принимая какую-то болтушку из муки, да он и не мог уже вкушать другой пищи и по преклонности возраста, и по привычке.

¹⁵⁰ О прп. Питирионе упоминает Никифор, кн. IX, гл. 14. После св. Антония Великого он был учеником св. Аммона Нитрийского. Память его 29 ноября.

Глава 14

Об авве Евлогии

Видели мы святого авву Евлогия¹⁵¹. Он имел благодать прозорливости. Так, например, при возношении Святых Даров он прозревал в душе каждого приступавшего к алтарю достоинства или недостатки. Когда иноки готовились к принятию Святых Тайн, он удерживал некоторых из них:

– Как это вы дерзаете приступать к Святым Тайнам, – говорил он, – когда ваши души и их расположения направлены ко злу?!

Потом, обращаясь к каждому порознь, говорил:

– Ты в эту ночь был одержим блудными помыслами... А ты сказал в сердце своем: «Не все ли равно – грешным или чистым приступать ко святому Причащению?» Вон тот колеблется в сердце сомнением: «Может ли Причащение Святых Тайн освящать меня?»...

Так он удерживал иных от принятия Святых Тайн, говоря им:

– Подождите немного и принесите искреннее раскаяние, и тогда, очистившись исправлением порока и слезами сокрушения, станете достойными общения со Христом.

¹⁵¹ О прп. Евлогии см. также у Созомена. (Кн. VI, гл. 28), Никифора (II, гл. 34), Кассиодора в «Historia tripartita», (с. I.) Подобным же даром прозорливости отличался св. Павел, ученик св. Антония Великого (Достопамятные сказания, 239).

Глава 15

О пресвитере Апеллии и об Иоанне

Видели мы еще одного пресвитера в соседней стране, по имени Апеллий¹⁵². Этот праведный муж был по ремеслу кузнец и изготавливал, что нужно было для братии. Однажды в безмолвии ночи он занят был своей работой. Дьявол, приняв вид красавицы, пришел к нему как бы с заказом. Апеллий схватил голой рукой из горна кусок раскаленного железа и бросил ей в лицо. Страшно и пронзительно вскрикнув, так что услышали все жившие по соседству братья, она исчезла, и с тех пор он стал брать без всякого вреда голой рукой раскаленное железо.

При нашем посещении его он принял нас с необычайным радушием. Мы стали просить его, чтобы он поведал нам о своих подвигах и о духовном совершенстве тех, кого он знал.

– Здесь в соседней пустыне живет один брат, по имени Иоанн. Он уже в преклонном возрасте. По духовному совершенству, по строжайшему воздержанию я не знаю ему равного. Удалившись в глубину пустыни, он в течение трех лет без перерыва стоял под утесом дикой скалы... И никогда не садился и не ложился... Весь предавшись молитве, он спал лишь столько, сколько можно спать стоя на ногах¹⁵³. Пищу принимал по воскресным дням. Тогда приходил к нему пресвитер и приносил ему Святые Тайны. Они служили ему единственным питанием...

Однажды сатана, желая уловить его, преобразился в пресвитера, обычно к нему приходившего. Придя в обычный час, он сказал, что пришел со Святыми Тайнами. Но прозорливый подвижник уразумел козни дьявола и с негодованием вскричал:

– О, отец всякого лукавства и лжи, враг истины! Ты не только непрестанно стараешься совращать души христиан, но дерзнул на кощунство над страшными и святейшими Тайнами!

– Я надеялся было уловить тебя, – отвечал злой дух. Так мне удалось обмануть одного из ваших и лишити его рассудка. Поверив мне, он так ослаб, что много праведных едва могли возвратить ему его достоинство и здоровье.

«Природа побуждает нас к страстям, но усиленное подвижничество погашает их»; «Ничто так не приближает иноков к Богу, как прекрасная, святая и боголюбезная чистота сердца» («Луг духовный» в новом переводе, гл. 152).

И, сказав это, злой дух исчез.

Иоанн продолжал неуклонно пребывать в принятом на себя подвиге и в неустанной молитве. Ноги, остававшиеся долгое время без движения, потрескались и источали влагу с кровью... Прошло три года, и вот явился ему ангел Господень.

– Господь Иисус Христос с Духом Святым, – сказал ангел, – принял твои молитвы. Исцеляя твои язвы, Он дарует тебе в изобилии небесную пищу, то есть познание Его и Его слова...

И, прикоснувшись к его устам и ногам, ангел исцелил его раны и, исполнив благодати ведения и духовной мудрости, избавил его от чувства голода. Затем повелел ему отправиться в иные места и, проходя по пустыне, посещать других братьев, назидая их словом Божиим и духовной мудростью. По воскресным дням он всегда возвращался на то же место ради приня-

¹⁵² О прп. Апеллии см. у Созомена, (кн. VI, гл. 28), у Никифора (кн. XI, 33). Память великого подвижника Иоанна — 12 июня.

¹⁵³ При чтении рассказов об изумительных лишениях и подвигах, которым отдавались подвижники, да не подумает кто-либо, что они придавали им главное значение; нет, все плотские лишения были не более, как *средством* к подавлению греховных поползновений, к освобождению духа от плотских страстей, к достижению чистоты сердца. Подвижники хорошо помнили слова апостола Павла: «Если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 3) «Посты и бдения полезны потому, что производят смирение»; «Семьдесят седмиц поста меньше значат, чем один смиренный помысл»; «Постящийся шесть дней в неделю не может сравниться с служащим брату». См.: Rosweydi. Lib. V, 634, VI, 628, 637. Ср.: «Патерик» Фотия, 71, 234; Достопамятные сказания, 90, 109.

тия Святых Тайн, как и прежде. В другие дни он трудился: плел для рабочего скота подпруги из пальмового листа, как это обычно в тех местах.

Однажды какой-то хромец собрался было к нему, чтобы просить об исцелении. Пришлось так, что животное, на котором хромой хотел пуститься в путь, имело на себе подпругу, сплетенную руками человека Божия. И вот лишь только ноги его коснулись подпруги, он выздоровел.

Другим больным Иоанн посылал благословенный хлеб, и вкушавшие от него получали исцеление. И много сил и дивных исцелений явил чрез него Господь.

Вот еще какой благодатный дар имел он от Бога, отличавший его от других отцов и прочих людей: ему открыто было поведение каждого брата в соседних монастырях, и он писал отцам, извещая, что вот такие-то и такие-то предаются нерадению и не исполняют в страхе Божиим положенного правила, а другие пре успевают в вере и духовном совершенстве; писал и самим братьям, укоряя одних, что они причиняют скорбь братии своим малодушием в терпении, а других одобряя за то, что своей благочестивой, твердой и подвижнической жизнью утешают братию. При этом он предуказывал, какое воздаяние уготовано от Господа за святость жизни и что, напротив, грозит нерадивым. Деяния и самые поводы к ним, подвиги, равно как и нерадение он заочно так изображал, что иноки, сознавая правду написанного про них, приходили в сокрушение совести.

Обращаясь вообще ко всем, он убеждал, чтобы возвышались духом от видимых и вещественных предметов к невидимым и духовным.

– Пора, пора уже, – говаривал он, – перестать быть детьми, пора возвышаться нам к высшему и духовному, пора, восприяв зрелость мужества, восходить на высшую степень разумения, да просияем, насколько возможно, духовным совершенством.

Много и другого рассказывал нам об Иоанне святой муж Апеллий, и неопровержимо достоверны были его речи... Но много бы времени потребовалось на то, чтобы записать все, да сверх того, по величию содержания, для иных слушателей многое показалось бы и невероятным...

Глава 16

О Пафнутии

Пришлось нам быть в монастыре святого Пафнутия¹⁵⁴, человека Божия. Это был славнейший в тех местах отшельник и самый дальний житель пустыни в области Гераклеополя, знаменитого города Фиваиды¹⁵⁵.

Вот какие достовернейшие рассказы слышали мы о нем от отцов.

Достигши высоты ангельской жизни, он однажды просил Бога указать ему, с кем сравнялся он из угождающих Ему. И предстал ему ангел Господень.

– Ты подобен одному скомороху, который в соседнем селении теперь промышляет своим искусством ради пропитания.

Пораженный неожиданностью ответа, Пафнутий поспешно отправляется в селение и разыскивает этого человека. Найдя, он принимается тщательно расспрашивать его, не сделал ли он чего святого и истинно доброго, вообще подробно исследует его жизнь. Тот правдиво отвечает:

– Я – человек грешный, и вся жизнь моя – пропащая... Недавно еще я был разбойником, а теперь вот, как видишь, чем занимаюсь... самый позорный промысел...

Пафнутий, однако, продолжал настойчиво расспрашивать.

– Не сделал ли ты хоть какого-нибудь доброго дела, будучи еще разбойником?

– Нет! – отвечал скоморох. – Не знаю за собою ничего... Впрочем, припоминаю один случай... Занимаясь разбоем вместе с другими, мы похитили однажды деву, посвятившую себя Богу. Товарищи мои собрались было изнасиловать ее, но я один воспротивился этому и избавил ее от бесчестия. Проводив под покровом ночи в селение, я в безопасности оставил ее в ее доме.

В другое время мне повстречалась блуждавшая по пустыне женщина почтенного вида.

– Зачем и как попала ты в эти места? – спросил я ее.

– Ах, не спрашивай меня... Нет несчастнее меня в целом мире... Не спрашивай о причине моего несчастья... Если нужно тебе иметь рабу, возьми меня и веди куда хочешь... У меня, несчастной, есть муж, но его то и дело ужаснейшим образом бичуют, да какому только истязанию не подвергают его в темнице?!. Его не выводят иначе из места заключения, как только для новых истязаний... И все это за казенный долг... У нас было три сына, которые все за тот же долг проданы в разные страны в рабство. Да и меня, несчастную, разыскивают для подобных же мук... И вот я бегая с одного места на другое, голодная и сокрушенная несчастьем... Вот почему я скрываюсь и блуждаю здесь... Три дня я ничего не ела...

Мне жаль стало бедняги. Я привел ее в свою пещеру и накормил. Она совсем была без сил от голода. Потом я вручил ей триста золотых монет¹⁵⁶. За эту сумму, по ее словам, страдали ее муж и дети. Возвратившись в город, она заплатила долг и освободила всех.

И сказал тогда Пафнутий:

– Я ничего подобного не совершил... Однако, полагаю, и ты слышал, как славно имя Пафнутия между иноками... И многих трудов и силы воли стоило мне устроить мою жизнь по строгим правилам подвижничества. Однако Бог открыл мне о тебе, что ты нисколько не

¹⁵⁴ Мавролик (Maurolycus) в своем мартирологии упоминает о святом Пафнутии под 29 ноября, говоря об обращении им Таисии, которая, бывши прежде блудницей, устремилась на путь покаяния и подвижнической жизни. Память святой Таисии – 8 ноября. См. примеч. у Миня: *Patrolog. cursus compl. T. XXI. Series latina*. P. 435–436.

¹⁵⁵ Гераклеополь теперь Beni-Souef, на 15 миль южнее Каира. См. у Кледена (808), и у Элизе Реклю (XXI, 563). Теперь имеет около 6000 жителей.

¹⁵⁶ Около 1600 рублей серебром.

меньше заслужил пред Ним, чем я... Смотри же, брат! Не забывай о душе своей: великое воздаяние готовится тебе у Господа.

И тотчас скоморох бросил свою дудку и последовал за Пафнутием в пустыню. Променяв свое музыкальное искусство на духовную гармонию жизни и духа, он в течение трех лет подвизался в строжайшем воздержании, день и ночь проводя в молитвах и псалмопениях. Пройдя небесный путь духовного совершенства, он скончался среди хоров ангельских...

После того как Пафнутий предпослал ко Господу бывшего скомороха, усовершенствовавшегося в добродетели, сам он предается еще большим подвигам, чем прежде. И снова просит он Господа явить ему, кому подобен он из угождающих на земле. И вот глас Божий с неба говорит ему: «Подобного себе найдешь в лице старшины того же селения».

Услышав это, Пафнутий без промедления отправляется к нему и стучится в дверь его жилища. У старшины был обычай принимать странников. И вот он спешит к нему навстречу, ведет к себе в дом. Омыв сам ему ноги, сажает за стол и готовит угощение. За столом Пафнутий начинает расспрашивать своего хозяина, как он подвизается, к чему лежит его сердце, вообще – в чем состоят его труды? Старшина ответил ему с глубоким смирением и, видно было, желал бы скорее скрыть, чем объявлять о своих достоинствах. Тогда Пафнутий, укорив его за скрытность, сказал:

– Мне Господь открыл, что ты достоин быть соучастником жребия подвижнического.

Хозяин, выражая еще большее смирение, отвечал:

– В душе я не сознаю за собой никаких заслуг. Но так как был к тебе глагол Божий, не скрою по крайней мере того, что есть. Я расскажу тебе, как я устроил свою жизнь, живя в миру. Вот прошло уже тридцать лет с тех пор, как я со своей супругой согласился жить, как брат с сестрой, и никто не знает об этом. Я имею от нее трех сыновей, и только желая иметь детей, я вступил в брачный союз с нею. А после рождения третьего сына я не вступал в общение ни с супругой, ни с какой-либо другой женщиной... Никогда я не пропускал случая принять странника, напротив, – всегда заботился о том, чтобы кто-нибудь раньше не зазвал его к себе. И не отпускал никогда гостя моего из дома, не снабдив его на дорогу. Я не презирал бедняков и делился с ними всем необходимым. Заседая в суде, я не нарушал правосудия даже ради родного сына. Плоды чужих трудов никогда не проникали в дом мой. Замечая ссору, я не проходил мимо, но старался примирить ссорившихся. Никто никогда ни в чем не упрекнул моих домочадцев. Никогда стада мои не причиняли вреда чужим полям. А кто заседал мой участок, я тому не препятствовал... При распределении новых полей я никогда не выбирал для себя более плодородные участки, оставляя другим бесплодные. На сколько мог, не давал в обиду слабого более сильному. Всегда заботился о том, чтобы никого не опечалить. Если случалось предательство на суде, я никого не обвинял, но прилагал все усилия к тому, чтобы склонить враждующие стороны к примирению... Так, по милости Божией, протекла до сих пор вся моя жизнь!

Выслушав это, блаженный Пафнутий поцеловал его в голову и благословил, сказав: «*Благословит тя Господь от Сиона и узриши благая Иерусалима* (Пс. 127, 6). Ты жил прекрасно и по-христиански. Но тебе не достает еще одного высшего блага. Оставив все, ты должен достигнуть более глубокого познания Бога. Этого не можешь достигнуть иначе, как совершенно отвергшись себя, взяв крест свой и последовав Христу». Выслушав это, хозяин дома немедленно, даже ничем не распорядившись по своему хозяйству, последовал за человеком Божиим в пустыню. Вот они подошли к реке. Лодки для переправы не было у них под рукой. Пафнутий первый вошел в реку, несмотря на то, что глубина реки в том месте была очень велика. Вместе они перешли через реку, и вода едва доходила им до чресл. Придя в пустыню, Пафнутий поместил его в одной пещерке близ своей обители. Передав ему правила духовного подвижничества, он научил его, как выполнять их на самом деле, чтобы достигнуть высшего совершенства и более полного постижения тайн Божиих. Наставив его во всем, Пафнутий предался

немедленно еще большим подвигам. Не велики, думал он, прежние мои подвиги, если, живя в миру и занимаясь мирскими делами, можно достигнуть того же успеха. И сказал сам себе Пафнутий: «Вот как много добра творят мирские люди! Не должны ли мы превосходить их в подвигах самоотречения?»

Прошло несколько времени. И тот человек, кого он нашел уже совершенным в жизни, достиг совершенства и в мудрости духовной. Сидя однажды в своей келье, Пафнутий видел, как ангелы возносили душу его, воспевая: *Блажен, его же избрал еси и приял вселиться во дворех Твоих!* (Пс. 64, 5). Услышав это, Пафнутий понял, что этот муж отошел из мира сего. Между тем сам авва пребывал в посте и молитвах, стремясь еще с большим усердием к высшему духовному совершенству.

И снова стал он просить Господа явить, кто подобен ему между людьми. И снова глас свыше ответил ему: «Ты подобен купцу, который, видишь, идет к тебе. Встань и поскорее поспеши к нему навстречу! Это муж, который, по суду Моему, равен тебе!» И Пафнутий немедленно сходит с горы и спешит навстречу александрийскому купцу, который вез из Фиваиды на трех кораблях товары ценностью в тридцать тысяч золотых монет. Это был человек благочестивый и ревнитель добрых дел. Возложив на своих слуг десять мешков с бобами, он приносит их в дар человеку Божию. По этой-то причине он и шел к Пафнутию. Лишь только Пафнутий завидел его, как воскликнул:

– Что с тобой, бесценная и Богу любезная душа? Зачем тебе трудиться над земными вещами, когда тебе уготован жребий и общение с небожителями? Предоставь все это тем, кто от мира сего и помышляют о мире. Ты же будь купцом Царства Божия, к которому ты призван, и следуй за Спасителем, Который скоро возьмет тебя к Себе!

И купец, нисколько не задумываясь, раздал большую часть своего имущества, и что осталось, повелел своим приказчикам также раздать нищим. А сам удалился с Пафнутием в пустыню. Пафнутий поместил его в той же келье, откуда отошли ко Господу оба прежние ее обитатели. И этого мужа он научил всему, и он преуспевал в духовном подвижничестве, стремясь к высшей мудрости. Прошло немного времени, и он переселился в сонм праведных. Вся жизнь Пафнутия прошла в подвигах строжайшего воздержания. Спустя немного времени по кончине купца предстал ему Ангел Господень и сказал:

– Пора настала, благословенный, и тебе отойти отсюда и вселиться в вечные обители, которых ты удостоился. Вот предстоят пророки, готовые принять тебя в свой лик. Я не открывал тебе этого раньше, чтобы, возгордившись, ты не лишился бы награды за свои подвиги.

Прошли еще сутки. И пришли к нему пресвитеры, которым поведал он все, что явил ему Господь, и в заключение сказал:

– Не должны мы презирать никого в здешнем мире – будь то разбойник или комедиант, простой ли земледелец, женатый ли человек, купец ли, преданный своей торговле... Во всех родах жизни найдутся души, угодные Богу и совершившие деяния, нам не известные, но услаждающие Бога. Ясно, что Богу угодны не столько тот или другой род жизни или внешнее поведение, сколько чистота и внутреннее расположение сердца и нравственное достоинство поступков.

Так побеседовав о каждом из троих порознь, предал дух свой. И пресвитеры явственно видели, как взяли его душу ангелы Божии, вознося песнопения и хвалу Богу.

Глава 17

О монастыре аввы Исидора

Мы видели в Фиваиде славнейший монастырь аввы Исидора¹⁵⁷, расположенный на обширном пространстве и обнесенный стенами. Жившие там мужи имели просторные помещения. Внутри обители много колодцев и искусственно орошаемых садов. В садах множество разного рода фруктовых деревьев, да и всего другого, необходимого для жизни в монастыре, – не только в достаточном количестве, но даже в изобилии. Поэтому живущим там инокам нет никакой необходимости выходить из монастыря. У врат обители сидит почтенный старец, избираемый из числа начальствующих. Его обязанность состояла в том, чтобы принимать приходящих и при этом объявлять им правило: вступивший раз в монастырь обратно уже не выходит из него... Хотя бы кто всего только один раз захотел побывать в монастыре, закон оставался во всей силе... Но что всего удивительнее, вступившего в обитель удерживал в нем уже не устав, но блаженная и святая жизнь... Старец-привратник имел у самых врат келью, вроде гостиницы, для приема приходящих. Там заботился он о них с истинным человеколюбием. Там же и мы были им приняты. Проникнуть внутрь стен нам не было никакой возможности, и мы лишь от старца-привратника слышали, какое блаженство назидания могли бы мы найти в обители.

– Всего только два старца, – говорил он, – имеют разрешение свободно выходить и возвращаться в обитель: они продают изделия братии и приносят что-нибудь со стороны, если встретится надобность. Все же остальные в глубоком безмолвии и покое предаются молитве и подвигам. Украшенные духовным совершенством, они все творят знамения, но самое удивительное знамение состоит в том, что никто никогда не бывает болен до упадка сил. Когда приспеет час кончины, предузнав его, брат объявляет о том прочей братии и, сказав всем последнее «Прости!», возлегает на одр и радостно предает дух свой...

¹⁵⁷ Об авве Исидоре см. у Созомена (кн. VI, 28, VIII, 12 и 13); у Сократа (кн. VI, 9); у Никифора (кн. VIII, 34); у Кассиодора (кн. VIII), в «Historia tripartita» (с. I). Его следует отличать от прп. Исидора Пелусиота, и мы не можем понять, каким образом автор «Истории православного монашества на Востоке» мог смешать их. Исидор Пелусиот имел свой монастырь близ города Пелузии, при восточном устье Нила, между тем как здесь говорится о *фиваидском* подвижнике.

Глава 18

О пресвитере Серапионе

В арсинойской области¹⁵⁸ мы встретили пресвитера Серапиона¹⁵⁹, настоятеля многих монастырей, в которых под его руководством подвизалось около девяти тысяч иноков. Все они кормились трудами рук своих. Больше всего они нанимались за определенную плату жать засеянные нивы и большую часть этой платы употребляли на пользу бедных, вручая ее авве Серапиону. Впрочем, обычай наниматься на работу во время жатвы распространен вообще между всеми египетскими иноками. На заработанную плату они приобретают каждый около восьмидесяти модий зерна и большую часть хлеба предоставляют в пользу бедных¹⁶⁰. Так трудами иноков прокармливаются все бедные в Египте. Мало того, корабли, нагруженные хлебом, посылаются в Александрию¹⁶¹ то в пользу заключенных в темницах, то в пользу странников, вообще всех нуждающихся. Даже и в Египте нет недостатка в бедняках, которые не нуждались бы в щедрых дарах милосердия. И в областях Мемфиса¹⁶² и Вавилона мы видели множество иноков, в которых заметили различные духовные дарования и прекрасные нравственные черты. Там, говорят, есть место, где некогда Иосиф хранил пшеницу, оно называется сокровищницей Иосифа. По словам других, там уцелели те же самые пирамиды, в которых собиралась пшеница во времена Иосифа¹⁶³.

¹⁵⁸ Развалины Арсиноя или Крокодилополя лежат близ нынешнего города Medinet el-Fayoum. Севернее – остатки знаменитого сооружения озера Мерис. См. также у Кледена (IV, 808).

¹⁵⁹ О прп. Серапионе пресвитере см. у Созомена (кн. VI, 28); у Никифора (кн. XI, 34); у Кассиодора в «Historia tripartita» (Lib. VIII, 1). Его изречения у Пелагия (кн. VI, 12; VIII, 9; XI, 13; XV, 16).

¹⁶⁰ Древние иноки питались трудами рук своих. Их несложным потребностям соответствовали и занятия простые, которые можно было исполнять даже ночью. (Кассиан. De coenob. instit. II, 12). Они изготовляли из финиковых ветвей корзины, плели веревки, решета и т. п. (Там же, 15, 36, 40, 261). Занимались обработкой льна, приготавливая полотно, плели невода, иные занимались гончарным производством. Другие переписывали книги («Достопамятные сказания» 17, 39, 45, 143, 166, 191; Кассиан. Institutiones (кн. IV, 12). Rosweydi (Lib. III, 496). Где было можно, подвижники разводили сады, огороды с овощами и фруктовыми деревьями (Rosweydi. Vitae patrum, 500; «Лавсаик», IX). Египетские иноки чаще всего нанимались жать (см., например, «Луг духовный», гл. 183 в новом переводе). Плетение корзинок доставляло трудолюбивому иноку до 2 керат в день (керата равняется половине милиаризия, т. е. 18 копеек). Жатвой зарабатывали до 40 модий хлеба. Модий – это мера жидких и сыпучих тел, равная шестой части медимна, а медимн немного меньше получетверика. Из модия можно было выпечь 10–12 больших хлебов. Трудом рук своих иноки оказывали изобильную помощь нуждающимся.

¹⁶¹ Александрия – знаменитый в древности город, основанный в 331 г. до Рождества Христова Александром Великим, центр образованности, промышленности и торговли. Лежит при устье Нила. Теперь имеет 170 000 жителей. См. у Кледена (IV, 798).

¹⁶² Мемфис (Memphis, по-египетски – Menfis или Mennefer: доброе место, библейский Мопх) – древняя столица нижнего Египта. См. у Кледена (IV, 807); у Реклю (X, 462, 456, 566).

¹⁶³ В Библии говорится о житницах (Быт. 42, 56), но могло статься, что житниц не хватило для огромного множества хлеба (49), и пришлось хранить его во внутренних комнатах пирамид. Пирамидами называются огромные сооружения, предназначенные для погребения фараонов. Они и теперь еще видны близ деревень Гизе, Дашура и других на обнаженной террасе скалы, подымающейся на 100 футов над долиной Нила.

Глава 19

Об иноке и мученике Аполлонии

Старцы рассказывали нам, что у них во время гонения был один инок, по имени Аполлоний¹⁶⁴. Благодаря своему достойнейшему поведению он был возведен в сан диакона. Во время гонения он с неутомимой ревностью обходил братию и каждого порознь убеждал твердо стоять за веру, до мученичества¹⁶⁵. Наконец он сам был схвачен и брошен в тюрьму. Язычники приходили издеваться над ним и поносили его нечистыми и богохульными словами.

Между ними был один весьма славный флейтист, по имени Филимон. Он напал на Аполлония с ругательствами, называл его и нечестивцем, и злодеем, и обманщиком, кричал, что, кроме ненависти, он ничего не заслуживает. Много и долго со злобой поносил он Аполлония...

В ответ на все его ругательства Аполлоний сказал ему: «Да помилует тебя, чадо, Господь и да не вменит тебе во грех твоего поведения!» Эти слова глубоко тронули Филимона, точно со сверхъестественной силой проникли они в его душу, и он неожиданно объявил себя христианином. Прямо из темницы он бросился к судилищу и пред лицом всего народа громко сказал судье:

– Что это творишь ты, несправедливый и незаконный судья? Ты казнишь людей благочестивых и боголюбезных! Ничего дурного – ни дел, ни слов – нет у христиан!

Судья знал Филимона и сперва вообразил, что он шутит. Но, увидав, что Филимон в самом деле порицает его, и притом с твердым убеждением, вскричал:

– Что за безумие, Филимон?! Ты вдруг помешался!

– Не я безумец, – ответил флейтист, – но ты – незаконнейший и безумнейший судья, бесчестный губитель столь многих праведных мужей! Я – сам христианин! Нет людей на свете лучше христиан!..

Тогда судья при всем народе попытался было лаской склонить Филимона вернуться к прежнему образу мыслей, но, увидев его непоколебимым, подверг его всевозможным истязаниям. Узнал он также, что вся эта перемена произошла от слов Аполлония. Принялся за Аполлония и, обвинив его как совратителя, предал ужаснейшим мучениям.

– О, если бы ты, судья, – воскликнул Аполлоний, – вместе со всеми здесь присутствующими и слышащими слова мои последовал и тому, что ты зовешь обольщением и заблуждением!

Рассвирепев от этих слов, судья пред глазами всех приказывает сжечь живыми Аполлония и Филимона.

Вот оба вошли в средину пламени, и блаженный Аполлоний в слух всех громко воззвал ко Господу:

– *Не предаждь зверем душу, исповедующуюся Тебе (Пс. 73, 19), но яви нам милость Твою и спасение Твое! (Пс. 84, 8).*

И внезапно после этих слов росоносное облако покрыло обоих мужей и угасило пламень костра.

Судья и весь народ были поражены изумлением и вскрикнули разом:

¹⁶⁴ Память святых мучеников Аполлония и Филимона – 6 июля и 14 декабря. Впрочем, при окончательном решении вопроса о них встречаются затруднения.

¹⁶⁵ Гонения против святых отшельников поднимались не только со стороны язычников, но и со стороны ариан. См.: творения св. Афанасия Великого. II, 143, 146; Codex Theodos. De Decurionibus, Lib. 65; Достопамятные сказания, 49; Сократ. Церковная история, IV, 22; Кассиан Collat. XVII, 7; Иероним. Chron. 375. Златоуст, Исидор Пелусиот (кн. I, 191), Василий Великий (epist. 19) и др. также говорят об этих гонениях. Но здесь, очевидно, идет речь о гонении от язычников (gentilium), что могло быть во времена Юлиана Отступника или даже Диоклетиана. О гонении Юлиана см. у Григория Богослова (Orat. IV, 86, V, 29); Филострата (VII, 1–4); Созомена (V, 15).

– Велик Бог христиан, единый истинный и бессмертный!

Обо всем происшедшем было доведено до сведения префекта александрийского. Но тот пришел в бешенство от злобы и, избрав из своих служителей самых жестоких и кровожадных, которых правильнее было бы назвать зверями, чем людьми, послал и за судьей, поверившим Божию знамению, и за теми, ради кого Бог явил его, приказав, чтобы их в оковах привели в Александрию. Дорогой благодатный дар слова снизошел на Аполлония, и он начал наставлять вере самих исполнителей приказа префекта, которые вели всех троих в узах. И они уверовали в Божие милосердие всем сердцем, со всей крепостью... По прибытии в Александрию они объявили себя на суде христианами вместе с теми, кого доставили в узах... Увидав их стойкость и непоколебимость в вере, префект велел всех вместе потопить в море. Нечестивый, он не ведал, что творил... Для святых мучеников это было не смертью, но крещением... Тела, без сомнения по Божию смотрению, целыми и невредимыми волны морские вынесли на берег и были приняты теми, которые пришли вместе с ними в Александрию, чтобы послужить исповедникам. И все они были погребены под сводом одной общей могилы. Дивные знамения совершаются над ними, и слышат они молитвы и исполняют прошения всех, к ним прибегающих. И нас Господь удостоил побывать там и благоволил исполнить наши молитвы.

Глава 20

О пресвитере Диоскоре

В Фиваиде мы встретили одного достопочтенного авву, по имени Диоскор¹⁶⁶. Он был пресвитером, и в обители его жили почти двести человек братии. Мы заметили, что он предлагает величайшее попечение к тому, чтобы во время причащения Святых Тайн кто-нибудь не приступил бы к ним с каким-нибудь пятном на совести. Заботливость его о чистоте сердца простиралась до того, что он обращал внимание даже на естественные явления во время ночного сна, случается ли это при видении во время сна женщины или вследствие простых естественных причин.

– Если, – говорил он, – дело происходит без соблазнительных сновидений, тогда это не составляет греха, – явление естественное... А вот если в сновидениях являются женщины и происходит плотское возбуждение, то это уже указывает на то, что душа занята нечистыми пожеланиями, откуда и рождаются нечистые помыслы. Потому-то инокам необходимо всячески отражать соблазнительные образы фантазии и отнюдь не услаждать своих чувств дьявольскими обольщениями. В противном случае – какое же различие будет между иноками и мирянами? Инокам следует укрощать и одолевать постом и молитвою естественные плотские возбуждения. Посмотрите – даже живущие в роскоши, заболев, исполняют предписания врачей и воздерживаются от того, что им вредно. Что ж сказать об иноке, главная цель которого здоровье тела и души?

¹⁶⁶ О пресвитере Диоскоре см. у Созомена (кн. VI, 1); у Никифора (XI, 34); у Кассиодора (VIII. *Historia tripartita*, I).

Глава 21

О нитрийских отшельниках

Перейдем наконец к той местности, которая считается славнее всех египетских монастырей, именно к горе Нитрийской¹⁶⁷. Она отстоит от Александрии на расстоянии сорока миль и называется по имени близлежащего селения, где добывается селитра. Воистину, по Божию смотрению, устроилось так: здесь, подобно нечистотам, отмываются и истребляются грехи людские... В этой местности виднеется до пятидесяти хижин или немного менее. В иных хижинах живут по несколько человек вместе, в других – понемногу, а где – по одному. Но живя отдельно друг от друга, все соединены нераздельно духом, верою и любовью. Один настоятель руководит всем братством.

Когда мы стали подходить к Нитрии, лишь только братия заметили гостей-странников, как тотчас, подобно пчелиному рюю, высыпали каждый из своей кельи. Радостно бежали они к нам. Многие несли с собою кувшины с водою и хлеб. Да, к ним нельзя было отнести слова пророка: *К сынам Израилевым ты не вышел навстречу с хлебом и водою!* (2 Езд. 13). После такой встречи они отвели нас к своей церкви, омыли нам ноги и вытерли их – каждый своим полотенцем. Казалось, что, облегчая этим труды путешествия, они как бы таинственно смывали скорби жизни человеческой...

Возможно ли словами изобразить их радушие, предупредительность и любовь?! Возможно ли описать, как все они наперерыв старались отвести нас в свою келью, как спешили выполнить долг гостеприимства, как охотно беседовали о смирении, которым они в особенности отличались, о кротости, о других совершенствах, как будто они только для того и удалились от мира, чтобы во всем этом упражняться одинаково всем вместе, хотя и по действию многообразной благодати Божией. Нигде мы не встречали такой искренней любви, такого горячего милосердия, такого рвения к гостеприимству. Нигде не видели также такой любви к изучению Писаний, к богомыслию, к духовной мудрости, так что мы чувствовали себя как бы среди витий божественной мудрости...

¹⁶⁷ Иероним называет Нитрию «градом Божиим» (*Иероним. Epist. 27*). Так называлась обширная пустыня, лежавшая к югу от Мареотского озера. Свое название она получила от соседней горы, где добывалось много селитры. Основателем пустынножительства здесь был св. Аммон. О нем см. у Сократа (*Церковная история. Кн. IV, 23*); у Созомена (кн. I, гл. 14); у Кассиодора (*Historia tripartita. I, 11*), и др. Скончался между 340 и 345 г. Тильмон (VII, 158). Память его 4 октября. Подробнее о местности Нитрийской см. Elisee Reclus *Nouvelle Geographie universelle* (par X, 485). Приложена и карта озер вместе с долиной также у Кледена (IV, 777, 807). По словам его, теперь там всего 200 жителей и 80 иноков в 4 монастырях (807). О подвижниках нитрийских см.: у Созомена (кн. VI, гл. 36). Подробнее см. «История православного монашества на Востоке». Ч. II. С. 1–53.

Глава 22

О местности, носящей название Келий

За Нитрийской горой дальше в глубине пустыни на расстоянии десяти миль находится местность, которую, по множеству рассеянных по пустыне келий, так и называют – Кельями¹⁶⁸. Сюда удаляются только те, кто достаточно приготовился к более уединенной жизни в Нитрии. Пустыня весьма обширна, и кельи находятся одна от другой на столь обширном расстоянии, что обитатели их не могут ни видеть, ни слышать друг друга.

Отшельники живут по одному в келье и в глубоком безмолвии, в ненарушаемой тишине. Только по субботам и дням воскресным они сходятся все вместе во храм и только тогда видят друг друга, как бы являясь друг другу с неба. Если кто-нибудь не окажется в собрании, все тотчас узнают, что его удержала в келье какая-нибудь болезнь. Тогда все считают своим долгом навестить его, только не все враз, но по одному в разное время, и каждый приносит с собой что-нибудь для утешения больного. Под другим же предлогом никто не дерзает нарушить безмолвия своего ближнего – разве только тот, кто одарен особым даром назидания, зайдет к кому-либо со сладостным словом утешения, подобно тому как могучих бойцов намащают елеем на поприще для состязания. Многие из них приходят в церковь за три и за четыре мили – так далеко отстоят одна от другой их кельи! Но любовь между ними так сильна, так глубоки чувства их расположения друг ко другу, да и ко всем братьям, что они служат предметом удивления и примером для всех. Вот почему при первой же вести, что кто-нибудь желает жить с ними, каждый спешит предложить свою келью.

¹⁶⁸ Подвижничество в пустыне Келий насаждено было так же, как и в Нитрии св. Аммоном, по благословию св. Антония. Подробнее см. в «Истории православного монашества на Востоке» (Ч. II, 33–53). См. также у Созомена (VI, 31). Пустыня Келий процветала подвижничеством еще во времена Мосха; о ее подвижниках см. в «Луге духовном».

Глава 23

Об Аммонии

Мы видели в Кельях маститого авву Аммония¹⁶⁹. Это был муж, на которого Бог излил всю полноту духовных дарований. Если обратить внимание на дарование любви, в нем обитающей, невольно скажешь, что ничего подобного нигде не видал. Если посмотреть на его смирение, можешь подумать, что это – главная в нем добродетель. В терпении, кротости, снисходительности, словом – в каждой добродетели он настолько преуспел, что придешь в недоумение, что и чему в нем предпочесть... Господь так ущедрил его дарами духовной мудрости и ведения, что, кажется, никто из всех отцов глубже его не проникал в храм всецелого ведения, в тайны божественной мудрости, как свидетельствовали все, кто только его видел. При нем были два брата: Евсевий и Евфимий. Старший, Диоскор, был вызван на епископскую кафедру. И эти братья были ему братьями не по плоти только, но и по жизни, по своим правилам, по полноте духовного совершенства. Подобно тому как мать-кормилица с нежной заботливостью ходит за детьми, так они заботились о назидании и об утешении братий, живших там, и таким образом возводили их на высоту духовного совершенства.

Аммония, человека Божия, мы видели в его собственном монастыре. Монастырь обнесен стеною. В тех местах нетрудно построить обширное здание из обожженных кирпичей. Обитель снабжена всем необходимым. Сам он ископал в ней и колодезь. Однажды пришел к нему брат, ища спасения, и стал просить, не найдется ли у него свободной кельи для жительства.

– Я поищу, – ответил Аммоний, – а ты тем временем поживи в этом монастыре. Я же сейчас отправляюсь искать...

И оставил он все этому брату вместе с монастырем, а сам вдали от того места нашел маленькую келью и там поселился. Между тем оставленный в монастыре брат не догадывался, что Аммоний уступил ему монастырь со всем, что в нем было...

После того, если приходило к нему много братий, ищущих спасения, Аммоний, собрав всех, в один день выстраивал монастырь при усердной помощи братии. А когда приходилось принимать по одному, то вновь прибывшие приглашаемы были во храм как бы для отдохновения, и пока они там находились, братия спешили – каждый из своей кельи, – принося все необходимое для устройства новой кельи. Из этих приношений братской любви вновь устроенная келья снабжалась всем необходимым для жизни, и никто не знал, кто и что пожертвовал. К вечеру пришельцы, входя в келью, находили там в полной готовности все необходимое, так что нельзя было усмотреть решительно ни в чем никакого недостатка.

¹⁶⁹ Об Аммонии см. у Созомена (кн. VI, 30); у Никифора (кн. XI, 37); у Кассиодора (X); *Historia tripartita*. Cap. 7. Иероним упрекал Аммония и его братьев в оригенизме, но несправедливо. Златоуст их приблизил к себе. См. свидетельство о них Георгия Александрийского в его жизнеописании св. Иоанна Златоустого. См. у Миня: *Patrolog. cursus compl.* T. XXI. Series latina, 445. Подробнее о судьбе их и об отношении к свт. Иоанну Златоусту см. в «Истории христианской Церкви» Робертсона (пер. Лопухина. Т. I, 360). *Dioscorus ad episcopatus officium captus est*. Феофил Александрийский против воли сделал его епископом Гермополя. См. там же.

Глава 24

О Дидиме

Из числа живших там старцев мы видели благочестивого мужа, по имени Дидимм¹⁷⁰. Преизобилие благодати Божией отображалось даже на лице его. В тех местах под палящим зноем солнца размножаются скорпионы, рогатки¹⁷¹ и весьма ядовитые змеи. Он их давил и попирал ногами, как земляных червей, без всякого вреда для себя.

¹⁷⁰ Сего Дидима следует отличать от знаменитого слепца Дидима, о котором говорит Палладий в 4-й гл. «Лавсаика», а также Иероним (Lib. de viris illustribus, 109); Сократ (кн. VI, 25); Созомен (кн. VI, гл. 2); Кассиодор в «Historia tripartita» (Lib. VIII, 8). О Дидиме-подвижнике говорит Сократ в IV кн., гл. 18.

¹⁷¹ *Рогатки* – небольших размеров змеи с двумя чешуйками над глазами в виде рогов, очень ядовитые. Ядовитые змеи в Египте, о которых говорится и в Библии, и у древних писателей, называются аспидами. Клеопатра лишила себя жизни, дав ужалить себя аспиду.

Глава 25

О Хронии

Там же мы видели одного старца, достигшего глубокой старости, по имени Хроний¹⁷². Воистину добрая старость и совершенный возраст: ему шел сто десятый год! Он был один из числа уже немногих оставшихся в живых учеников блаженного Антония: многими добродетелями он был украшен, но особенно поразила в нем безмерная благодать смирения...

¹⁷² Палладий в 7 и 76-й главах «Лавсаика» говорит о двух пресвитерах Хрониях; может быть, один из них – тот же, о котором здесь идет речь, именно упоминаемый в 7-й главе в числе нитрийских подвижников (Созомен. Кн. VI, гл. 30).

Глава 26

Об Оригене

Вот и еще один ученик Антония, живший там, по имени Ориген¹⁷³. Муж удивительный во многих отношениях, высокой духовной мудрости... Его рассказы о духовном совершенстве его великого наставника были глубоко назидательны для всех. При этом речь согревалась чистым пламенем воодушевления: все, о чем он рассказывал нам, точно воскресало и оживало перед очами слушателей.

¹⁷³ Об Оригене см. также у Созомена (кн. VI, 30).

Глава 27

О Евагрии

Пришлось нам увидеть мудрейшего мужа Евагрия¹⁷⁴, не менее удивительного во всех отношениях. Между другими благодатными дарованиями он обладал дивным даром различения духов и очищения, по слову апостола, помышлений. Никто из братьев не возвышался до такой высоты понимания тончайших духовных предметов и отношений. Он приобрел этот дар из жизни, из собственного духовного опыта и, что важнее всего, при помощи благодати Божией. Но немало помогло тому и то, что он долгое время был учеником блаженного Макария. Всем хорошо известно, как прославился святой Макарий благодатными дарами, знамениями и духовным совершенством.

Сам отличаясь почти невероятным воздержанием, Евагрий советовал братьям, подвижавшимся в укрощении плоти, в отражении возникавших при влиянии демонов плотских мечтаний воздерживаться от излишнего употребления воды.

– Если тело наполнится в избытке водой, оно порождает больше мечтаний и соблазнительных помыслов и доставляет таким образом злым духам просторный доступ.

Много и других полных глубокого смысла рассуждений о воздержании слышали мы от него.

Сам он пил весьма мало воды и вкушал совсем ничтожное количество хлеба. Да и другие братья, жившие в том месте, довольствовались только хлебом и солью. Трудно было найти кого-нибудь, кто употреблял хотя бы деревянное масло. Многие из них никогда не ложились для сна, но отдыхали сидя, как бы непрерывно погруженные в богомыслие...

¹⁷⁴ Кроме свидетельства Иеронима, к которому, по известным причинам, следует относиться с большой осторожностью, существуют и другие свидетельства о том, что Евагрий сочувственно относился к сочинениям знаменитого alexandрийского учителя III в. Оригена. Об оригенистских спорах того времени см. «Историю христианской Церкви» Робертсона (Т. I, 350). Свидетельства против Евагрия собраны у Миня (Patrolog. cursus compl. Т. XXI. Series latina, 447–449). Но это несколько не умаляет достоверности рассказанного здесь об Евагрии, о котором с великой похвалой отзываются историки – Сократ (кн. IV, Hist. Eccles. 30); Созомен (кн. VI, 30); Геннадий и др. Подробные сведения о жизни аввы Евагрия см. в первом томе «Добротолюбия» (М., 1895. С. 563–568). Там же и перевод его сочинений (С. 569–638).

Глава 28

О двух Макариях, и прежде всего о Макарии Египетском

Тамошние отцы рассказали нам о двух Макариях, живших раньше в той местности. Из них один был из туземцев египетских¹⁷⁵, другой – александриец¹⁷⁶. Первый был учеником блаженного Антония. Точно два небесных светила, просияли они. Нося одно имя, они походили друг на друга и духовными совершенствами, и величием благодатных дарований. Оба – Макарии¹⁷⁷, оба – строгие подвижники, оба – одинаково совершенны... Один другого превосходил разве только тем, что наследовал благодатные силы и духовные совершенства блаженного Антония.

Вот что рассказали нам.

Однажды по соседству случилось человекоубийство, и в этом злодеянии обвиняли одного невинного человека. Обвиненный прибег к покровительству Макария. Сюда же пришли с уликами и его обвинители.

– Ведь мы все подвергнемся опасности, – говорили они, – если оставим убийцу на воле и не предадим всей строгости закона!

Между тем обвиненный с клятвой утверждал, что неповинен в крови убитого.

Начался горячий спор между обвиненным и обвинителями.

– Где погребен убитый? – спросил Макарий.

Ему указали место. Тогда он вместе с обвинителями отправляется на могилу и, склонив колена, призвал имя Господа Иисуса и затем воскликнул, обращаясь к толпе:

– Сейчас Господь покажет, справедливо ли вы обвиняете этого человека.

И, возвысив голос, назвал погребенного по имени, и тот отозвался на его зов из могилы...

– Заклинаю тебя верою во Христа, скажи, точно ли ты убит вот этим человеком, которого обвиняют в убийстве? – спросил Макарий.

И из глубины могилы явственно раздалось в ответ:

– Нет! Я убит не этим человеком!

Пораженные чудом, все пали на землю и, бросившись к стопам Макария, умоляли его спросить, кто же убийца.

– Нет! – возразил Макарий. – Об этом я не стану спрашивать. Для меня достаточно освободить невинного, но не мое дело – выдавать виновного.

Вот еще о чем нам рассказали. В соседнем городе у одного отца семейства была дочь девица. Вдруг все по суеверию вообразили, что она – не человек, но лошадь... И привели ее к Макарию.

– Что вам нужно? – спросил Макарий.

¹⁷⁵ Память прп. Макария Египетского 19 января. Родился в Египте около 300 г., скончался, судя по данным «Лавсика», в 390 г. Сведения о нем см. у Созомена (III, 13) ; у Сократа (кн. IV, 18); у Кассиана и др. Они все собраны Флоссом: *Macarii Aegyptii epistolae, homiliarum loci, preces, ad fi dem Vaticani. Vindobonensium, Berolinesis, aliorumque codicum, edidit Henricus Josephus Floss*. 1850. Coloniae Bonnae Bruxellis. На русском языке см.: «История православного монашества на Востоке» (неверно указан день его памяти, с. 73) (с. 54–97). В «Добротолубии» (М., 1895. С. 153–276). В «Богословском вестнике» напечатана вступительная лекция арх. Григория († 18 ноября 1893 г.) «Возрождение по учению прп. Макария Египетского». 1892 Ноябрь.

¹⁷⁶ Память прп. Макария Римского или Александрийского – 19 января. Родился в конце III в. в Александрии, скончался около 394 или 395 г. О нем см. у Сократа (IV, 18); у Созомена (VI, 29); у Руфина в его истории (гл. 4); у Иеронима (epist. 27); у Кассиана (Collat. V, 12. XXIV, 13); у Никифора (IX, 14) и др. См. также: «История православного монашества на Востоке». 34–45.

¹⁷⁷ Макарий значит *блаженный*.

– Вот это была наша дочь, – отвечают родители, – но злые люди при помощи чародейства обратили ее в лошадь. Помолись Господу, чтобы Он разрушил чары¹⁷⁸.

– Что это вы говорите? Я вижу перед собой не лошадь, но девушку, и нет в ней ничего лошадиного. Ваше воображение обманывает вам глаза – на самом деле ничего подобного нет. Это демонское наваждение, не более.

Приведя девицу вместе с родителями к себе, он, преклонив колена, начал молиться. Заставил молиться вместе с собой и родителей. Потом, помазав ее елеем во имя Господне, уничтожил заблуждение, и все по-прежнему видели только девицу.

У одной девочки задняя часть тела так начала гнить, что обнажались уже внутренности... В огромной ране кишело бесчисленное множество червей... От ужасного смрада к ней нельзя было и подойти близко. Родители принесли и бросили ее у входа в его келью. Подвижнику стало жаль отроковицы.

– Успокойся, дочь моя, – сказал он. – Это Господь послал тебе не для гибели, но для твоего спасения. Нужно позаботиться о том, чтобы твое исцеление не обратилось тебе в гибель.

В течение семи дней старец молил Господа о девице. Потом, благословив елей, помазал ее – и рана ее зажила, но так, что в ней не осталось никакой наружной особенности женской природы. Она стала жить среди мужчин, и никто даже не подозревал в ней женщины...

Передавали нам, что однажды пришел к нему какой-то еретик из секты иеракитов, этот род ереси встречается в Египте¹⁷⁹. Этот еретик своим красноречием смутил весьма многих братий-пустынников, наконец дерзнул явиться к Макарию и обличать его в неправомыслии. Старец стал опровергать его. Еретик возражал на простые речи старца, отвечая хитрыми изворотами. Святой старец видел, какой опасности подвергается чистота веры братии.

– Что нам препираться к соблазну слушателей? – сказал Макарий. – Пойдем к гробницам братий, отшедших уже ко Господу, и кому из нас Господь даст силу воскресить умершего, – пусть знают все, чья вера угодна Господу.

Это предложение с радостью было принято братией.

Пришли на могилы. Макарий предложил еретику воскресить умершего во имя Господа.

– Нет, господине! – возразил тот. – Ты предложил это условие – ты прежде и воскрешай. И Макарий пал на землю и стал молиться.

После продолжительной молитвы, возведя очи ко Господу, воскликнул:

– Господи, яви нам, кто из нас обоих право верует, воскресив сего умершего!

И назвал он имя одного недавно погребенного брата. И тотчас послышался голос из могилы...

Братия бросились разрывать могилу. Сняв с умершего погребальные пелены, вывели его вон из могилы живым. Увидев это, еретик, пораженный ужасом, бежал. Братия погнались за ним и изгнали за пределы той страны.

Много и другого рассказывали нам о Макарии, но нет возможности записать всего, да другие его деяния, сверх того, уже общеизвестны.

¹⁷⁸ Необходимо принять во внимание суеверие необразованной толпы и крайне пылкое воображение восточных жителей. Припомним народные рассказы об оборотнях и т. п. Но это воистину «демонское наваждение» причиняло истинное горе и страдания...

¹⁷⁹ *Иеракиты* отвергали воскресение плоти.

Глава 29

О Макарии Александрийском, или младшем

Другой святой Макарий также отличался великими добродетелями, о чем было уже писано другими писателями, и уже отсюда можно вполне усмотреть, как велико было его духовное совершенство. Потому мы скажем о нем покороче.

Нам рассказывали, что он более всех отцов любил пустыню. Самые дальние и недоступные местности в ней были пройдены им. Наконец в самой крайней части пустыни нашел он одно место, изобиловавшее различными фруктовыми деревьями и всем необходимым для жизни. Там жили два брата. Макарий спросил их, позволят ли они привести сюда иноков для жительства, – местность так привлекательна и изобилует всем нужным. Те отвечали, что нет возможности привести сюда большое число иноков.

Слишком труден проход по пустыне, и легко подвергнуться соблазнам от злых духов.

– Злые духи живут в пустыне... Трудно непривычным людям устоять против их нападений и коварств. Много страха в пустыне...

Возвратившись к братии, Макарий много говорил об удобствах открытого им места, и многие воспламенились желанием идти туда вместе с ним. Но прочие отцы укротили пыл молодых, дав им спасительный совет.

– Молва идет, что это место возделано Ианнием и Иамврием¹⁸⁰. Если это правда, не приспособлено ли оно, по действию сатаны, для нашего обольщения?... Если оно так изобилует всем для услаждения плоти, – чего ж мы будем ожидать в будущем веке? Какую награду получим за пресыщение здесь, на земле, чувственными удовольствиями?

И говоря таким образом, старцы охладили пылкое рвение молодежи.

Сам Макарий жил в местности, называемой Скит¹⁸¹. Он лежит среди обширнейшей пустыни на расстоянии суточного пути от Нитрийских обителей. Не ведет туда никакая тропинка, и нет никаких знаков, которые бы указывали путь. Туда доходят по указанию течения звезд... Воды там мало, да и находимая вода отвратительного запаха, пахнет как бы смолою, но не вредна для питья. Там живут только мужи, уже усовершенствовавшиеся в духовной жизни. Кто же иначе может жить в таком страшном месте, кроме людей, обладающих бесповоротной решимостью и совершенным воздержанием? Но живут все между собою во взаимной любви и с сердечным радушием принимают, кто бы к ним ни пришел.

Однажды некто принес святому Макарию ветвь виноградной лозы. По чувству братской любви, ища *не своих си, но яже суть ближнего своего*, он отнес ее к другому брату, на ту пору захворавшему. Тот воздал благодарность Богу за услугу брата, но сам ею не воспользовался – отнес по тому же побуждению к другому брату, тот – к третьему, и так она обошла по всем кельям, рассеянными по пустыне, и никто не знал, кто первый послал ее. Наконец она снова

¹⁸⁰ Ианний и Иамврий упоминаются св. апостолом Павлом в 2 Тим. 3, 8. Оба они поименованы также в талмуде и таргуме Ионафана на кн. Исход (7, 11) как волхвы, признавшие себя побежденными при появлении треть ей египетской язвы (Исх. 8, 19). «И не могли волхвы устоять пред Моисеем», – говорится в кн. Исход (9, 11). По преданию, они были сыны Валаама, и, по свидетельству Феодорита, св. апостол Павел узнал их имена также по преданию. Следы означенного предания мы видим в других местах; так, например, о них под означенными именами упоминает Плиний, пифагорейский философ Нумений и др. (Библейская энциклопедия архим. Никифора. Вып. II, 62). См. также Библию на нем. языке с примечаниями Делича, 103. Примеч. к ст. 10–13 7-й гл. Книги «Исход».

¹⁸¹ *Скит* – пространная равнина, на 24 часа пути от горы Нитрийской. В «Луге духовном» о скитских подвижниках: «Поверьте, чада, мне, старику, что прежде у скитских иноков наблюдалась великая любовь, и строгое воздержание, и дар разумения. И я застал еще там старцев, которые вовсе не принимали пищи, если кто-нибудь заходил к ним» (Гл. 54 нового перевода). Основателем пустынножительства в скиту был св. Макарий Египетский.

пришла к Макарию. И возрадовался Макарий, увидав такое воздержание, такую любовь между братиею, – и возгорелся духом еще к большим подвигам¹⁸².

Вот что еще передавали нам с полной достоверностью слышавшие от самого Макария. Однажды ночью постучался к нему в келью злой дух.

– Вставай, авва Макарий, пойдем на всенощное бдение! Братия уже собрались...

Но муж, исполненный благодати Божией, не мог подвергнуться обману, понял, что его обманывает злой дух.

– О, лжец и враг истины! – воскликнул он. – Что общего, что близкого у тебя с собранием святых?

– А вот тебе неизвестно, Макарий, что без нас не обходится ни одно собрание иноков, – сказал диавол. – Поди-ка, посмотри на наши дела...

– Да запретит тебе Господь, демон нечистый! – воскликнул авва Макарий.

И, приступив к молитве, он стал просить Господа открыть ему, есть ли сколько-нибудь правды в похвальбе диавола. И пошел на торжество всенощного бдения. Там он снова просил Господа о том же. И вот он видит, как по всей церкви прыгают и точно на крыльях перелетают с одного места на другое какие-то недоростки – эфиопы, безобразные на вид. В собрании был такой порядок: один читал псалмы, другие сидели и слушали или отвечали известными возгласами. Рассеявшиеся по церкви эфиопы, подпрыгивая к каждому, точно заигрывали: кому двумя пальцами закроют глаза, и тот начинал дремать; другому вложат палец в рот, и тот уже зевал... Вот окончилось чтение псалмов, и братия поверглись для молитвы пред Богом: тут пред одним промелькнет вдруг образ женщины, пред другим – вид какой-нибудь постройки и переноски чего-нибудь, пред всеми вообще – то одно, то другое... И лишь только злые духи представят что-нибудь, как актеры в театре, это и войдет в сердце молящегося и породит помышления... Но бывало и так: вот подбежали злые духи к молящемуся с каким-нибудь обманом, – вдруг стремглав отскакивали, точно гонимые какой-то силою, и не осмеливались более ни остановиться, ни мимо пройти около таковых... Зато к другим, более слабым, братиям они вскакивали на шею, на спину: видно, те невнимательно молились... Видя это, святой Макарий тяжело вздохнул и, проливая слезы, воскликнул:

– Не премолчи, ниже укроти, Боже! (Пс. 82, 2). *Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящие Его, яко душа наша наполнилась поруганий* (Пс. 67, 2).

Молитвословие окончилось, и святой Макарий пожелал удостовериться в истине видения. Призвав каждого из братий порознь, над которыми в различных видах и образах издевались злые духи, спрашивал их, не думали ли они во время молитвы о постройках, или о дороге, или о чем-либо другом, соответственно демонским внушениям, и каждый действительно признавался в том, в чем обличал его Макарий. Отсюда ясно, что все суетные и посторонние помышления, которые овладевают душой во время чтения псалмов или молитвы, порождаются от внушения демонов. Напротив, кто строго хранит свое сердце, от того бегут гнусные эфиопы. Устремленная к Богу и собранная в себе самой душа, особенно внимательная во время молитвы, не воспринимает ничего чуждого, ничего постороннего.

Святой Макарий рассказывал о бывшем ему еще более страшном видении. Братия приступали к принятию Святых Таин. Лишь только иные простирали длани для принятия Святых Таин, эфиопы, как бы предупредив священника, клали на руки некоторых уголья, между тем как Тело Христово, преподаваемое священником, возносилось обратно к алтарю. Напротив,

¹⁸² Не понимаем, каким образом автор статьи в «Чтениях общества любителей духовного просвещения» *«Лавсанк и история египетских монахов»* пришел к ошибочному заключению, будто все, что здесь говорится о Макарии Александрийском, у Руфина отнесено к Макарию Скитскому, т. е. к Египетскому. Дело в том, что у Макария Александрийского было три кельи: одна в Ските, другая в пустыне Келий, третья в Нитрии. В скитской келье он проводил Четыредесятницу. Там его могли видеть и наши путники.

когда более достойные из причастников простирали руки к алтарю, злые духи отступали от них и далеко убегали с великим ужасом. Видел он также, что ангел Господень предстоял алтарю, вместе с рукой священника простиравший свою руку к алтарю и участвовавший в преподавании Святых Таин. И с того времени почил на нем благодать Божия, открывавшая ему, как во время бдений, при чтении псалмов и молитвах кто-нибудь из братии, по внушению злых духов, предавался помышлениям, и не укрывались от него ни недостатки, ни достоинства братьев, приступавших к алтарю.

Однажды, встретившись на пути к какому-то брату, оба Макария – человеки Божии – вместе взошли на корабль для переправы через реку. На том же корабле находились некоторые трибуны, люди богатые и властные. При них было много коней, прислуги и разной поклажи. Один из трибунов, заметив двух иноков в дальней части корабля в дешевой одежде и без всякой поклажи, обратился к тем со словами:

– Блаженны вы, отрекшиеся от мира и ничего не имеющие в нем, кроме самого бедного одеяния и ничтожного количества пищи!

– Правду ты сказал: кто последует Богу, те не привязываются к миру, – ответил один из Макариев. – Но нам жаль, что вы, напротив, преданы миру.

Тронутый этими словами, трибун, возвратившись домой, немедленно оставил все, что имел, и, раздав нищим, стал служить Богу, посвятив себя иноческим подвигам. Много и другого достоудного передавали нам, как мы выше сказали, о деяниях святого Макария Александрийского¹⁸³. Кто пожелает, может найти описание их в 11 книге церковной истории¹⁸⁴.

¹⁸³ О чудесах св. Макария Египетского и св. Макария Александрийского Палладий в «Лавсаике»: «Опасаясь повествовать и писать о тех многих, великих и для неверующего почти невероятных подвигах, которыми наполнена добродетельная жизнь святых и бессмертных отцев Макария Египетского и Макария Александрийского, мужей доблестных и подвижников непобедимых. Опасаюсь, чтобы не почли меня лжецом. А изречение Духа Святого ясно показывает, что Господь погубит всех, говорящих ложь» (гл. 18).

¹⁸⁴ По нашему мнению, только автор настоящего труда мог отсылать читателя к своему же сочинению в таком тоне, как здесь это сказано. О Макарии говорится в 4 и 8 главах. «Найдет, кто поищет...»

Глава 30

Об Аммоне, первом нитрийском пустынножителе

Передавали нам, что начало пустынножительства в Нитрии положил Амон¹⁸⁵, – тот самый, душу которого по разлучении ее с телом видел возносящуюся на небо святой Антоний, как видно из жизнеописания блаженного Антония. Аммон был сын богатых и благородных родителей. Они принуждали его вступить в брак. Аммон исполнил волю родителей. Брак состоялся. Молодые были отведены в брачный покой и остались совершенно одни. И начал тогда Аммон говорить своей молодой супруге о целомудрии и хранении девства.

– Растление, без сомнения, и поведет к тлению. Напротив, целомудрие породит нетление. Лучше нам обоим сохранить девство, чем потерпеть друг от друга растление.

Девушка согласилась с ним, и взаимным молчанием охранялась тайна целомудрия. Прошло много времени. Только один Бог был свидетелем их воздержания. Соединенные более духом, чем плотью и кровью, после смерти родителей они разлучились: муж поселился в ближайшей пустыне, а жена осталась дома. В скором времени она собрала к себе много дев, посвятивших себя Богу, а муж ее – великое множество отшельников¹⁸⁶.

Когда он еще в глубоком уединении пребывал в пустыне, привели к нему юношу, подвергнутого бешенству от укушения бешеной собаки. Родители просили помолиться за него.

– Зачем вы утруждаете меня? – сказал Аммон. – То, о чем вы просите, выше моих заслуг. Впрочем, не скрою от вас, что его исцеление зависит от вас самих. Возвратите вдовице украденного вами вола, и ваш сын получит здоровье.

Родители затрепетали, видя, что втайне совершенные ими поступки известны человеку Божию. Вместе с тем они возрадовались, что он указал им путь к выздоровлению больного. Похищенное немедленно было возвращено, и юноша, по молитве человека Божия, получил исцеление.

Однажды пришли к нему посетители. Желая испытать их, он указал, что ему необходима бочка для воды на случай прихода посетителей. Ему обещали доставить ее. Но один из пришедших счел это для себя тягостным:

– Я боюсь за своего верблюда, если возложить на него такую тяжесть.

– У тебя верблюд, а у меня осел, – ответил другой. – Твой верблюд не донесет тяжести, а мой осел, по-твоему, донесет?!

– Делай, как знаешь! – возразил первый. Было бы тебе известно: я не стану губить своего верблюда.

– Хорошо! – ответил второй. – Я возложу на моего осла ношу, которую ты считаешь тяжелой для верблюда. Святость человека Божия и невозможное сделает возможным.

И, возложив бочку на осла, пришел он к человеку Божию. Осел и не почувствовал на себе никакой тяжести.

¹⁸⁵ Память св. Аммона – 4 октября. По Тильмону, кончина его последовала между 340 и 345 гг. (VII, 158); по другим – в 350 г. См. о нем у Сократа «Церковная История» (IV, 23); у Созомена (кн. I, гл. 14); у Кассиодора в «Historia tripartita». (I, 11), в Vita S. Antonii (32). Подробнее – см.: в «Истории православного монашества на Востоке» (Ч. II, 1–20). Его поучения изданы Воссием в приложении к тому II сочинений св. Ефрема Сирина (Colon. Agrip. 1695. 499–503), под заглавием Sancti Abbatis Ammonis capita paraenetica decem. Et novem. См. также в гл. 8 «Лавсаика», греческий менологий под 4 октября и др.

¹⁸⁶ Особый вид подвижничества – воздержание в брачной жизни. Этот обычай мы встречаем с первых веков христианства. Подобно св. Аммону, такую же жизнь вели св. Магна Анкирская, благочестивый Малх, Анастасий и Феогния, Пелагий Лаодикийский, Юлиан и Василиса (285 г.), Конон Исаурийский и Мария (во II в.), Цецилия и Валериан, римский аристократ (230 г.), Захария башмачник и Мария (Иероним Vita patrum. CLVI; Феодорит. II, 12; Четьи-Минеи, 9 января, 5 марта, 17 ноября). Ср. гл. 109 «Луга духовного» и примеч. к ней в новом переводе.

– Хорошо ты сделал, что привез бочку на осле, – сказал Аммон. – Верблюд-то у твоего товарища пал...

И, возвратившись, человек тот нашел все так, как предсказал слуга Божий.

Много и других знамений явил чрез него Бог. Нужно ему было перейти реку Нил¹⁸⁷, и он затруднялся раздеться, – силою Божией внезапно перенесен был на другой берег. Припомнили нам, что блаженный Антоний много удивлялся его праведной жизни и духовным совершенствам.

¹⁸⁷ Ему нужно было переправиться собственно чрез Ликон. «Ликон есть не что иное, как глубокий рукав огромного Нила, и мне даже в лодке страшно было переправляться чрез нее» («Лавсаик», 8).

Глава 31

О Павле Препрбстом

Между учениками святого Антония был Павел, по прозвищу Препрбстый¹⁸⁸. Вот что было началом его обращения. Однажды он застал свою жену на месте прелюбодеяния. Не сказав ни слова, он ушел в глубокой печали из дома. Удалившись в пустыню, он долго блуждал там с тоскою в сердце. Достигши обители Антония, он решил остаться здесь по удобству местности. Явившись к Антонию, Павел стал просить его указать ему путь спасения. Заметив простосердечие пришельца, Антоний сказал ему, что он может достичь спасения, если будет слушаться его внушений. Павел отвечал, что он будет исполнять все, что ему будет приказано. Антоний пожелал испытать твердость его обещания. Павел стоял у входа в келью, и Антоний сказал ему:

– Молись и ожидай меня здесь, пока я не выйду.

Удалившись в глубину пещеры, Антоний не выходил целые сутки. Незаметно для Павла он часто смотрел на него из оконца: Павел непрестанно молился и неподвижно стоял на указанном месте, несмотря на зной солнца и холод ночи.

На другой день Антоний вышел из пещеры и стал наставлять его тому, как он может облегчить себе уединение рукоделием.

– Телесный труд исполняется руками, а дело Божие требует созерцания ума и сосредоточенности духа.

Затем Антоний повелел ему пищу принимать под вечер, но запретил наедаться досыта. В особенности советовал воздерживаться от излишества в питье воды, которое возбуждает воображение, подобно тому как плоть разгорячается от вина.

Подробно наставив, Антоний поселил Павла по соседству с собой, указав ему келью в трех милях расстояния от своего жилища, и повелел ему подвизаться, исполняя его наставления¹⁸⁹. Часто навещая его, Антоний радовался, видя, что он со всем усердием и бодростью исполняет все, чему был научен.

Однажды посетили Антония братья, великие и совершенные мужи. Случилось прийти вместе с ними и Павлу. Зашла беседа о предметах глубоких и таинственных. Много говорили о пророках и Спасителе нашем. Павел в простоте сердца спросил: «Кто жил на земле прежде: Христос или пророки?» Блаженный Антоний, смутившись немного от детской простоты такого вопроса, с ласковым движением, обычным ему при обращении с простецами, приказал ему молчать и идти домой. Тот, исполняя все слова Антония, как заповеди Божии, возвратился к себе в келью и совсем перестал говорить, как бы получив на то повеление. Узнал об этом Антоний и недоумевал, почему ему вздумалось хранить молчание, когда он ему того не заповедал. Повелев ему говорить, спросил:

– Скажи мне, зачем ты хранишь молчание?

– Ты, отче, – отвечал Павел, – сказал мне, чтобы я шел домой и молчал.

Антоний был изумлен... Попросту сказанное слово было так свято соблюдено...

– Ну! – воскликнул он. – Он всех нас пристыдил. Мы не слушаем того, что нам говорят с неба, а он исполняет всякое слово, случайно сорвавшееся с языка...

¹⁸⁸ Память прп. Павла Препро стого 7 марта и 4 октября. Скончался около 340 г. О нем см. у Созомена «Церковная история» (I, 13). Достопамятные сказания (239); у Пелагия (Lib. XVIII, 20); у Пасхалия (гл. 23, 2).

¹⁸⁹ Гора св. Антония находилась недалеко от Клизмы, к югу, близ Красного моря. Возвышаясь среди дикой пустыни на 1000 шагов высоты, она дает возможность любоваться обширным видом на пустыню, доходившую до самого моря, на священные вершины Синая и Хорива с Востока, с юга – на вершины гор Фиваиды, с запада – на зеленую ленту египетской равнины... У подошвы пробивался ключ чистой воды, питавший ручей, охраняемый пальмами. Пещера Павла – в четырех верстах от пещеры св. Антония, но отделена была высокой и крутой стеной, что заставляло делать длинный обход. См. «Луг духовный» в новом переводе, 133 гл. и примеч. «Путешествие по Египту» Норова (II, 354).

Желая научить его полному послушанию, святой Антоний обыкновенно запрещал ему спрашивать о цели и причине того, чем испытывалось его послушание. Так, однажды он приказал ему в течение всего дня черпать воду из колодезя и выливать на землю; в другой раз – расплетать и снова сплетать корзины или распарывать одежду, и снова сшивать, и снова распарывать, и многое другое в таком же роде... И научился Павел без всякого противоречия исполнять все, что бы ему ни приказывали, хотя бы то и противоречило смыслу¹⁹⁰... Таким-то образом достиг Павел высоты духовного совершенства. И указывая на него, блаженный Антоний поучал: «Желающий в возможной скорости достигнуть совершенства, не должен быть ни учителем сам себе, ни следовать собственным желаниям, как бы они ни казались правильными, но, по заповеди Спасителя, – отречься прежде всего от самого себя и отвергнуть свои желания. Спаситель Сам о Себе сказал: *Яко снисдох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца* (Ин. 6, 38). Бесспорно, воля Христа была не противна воле Отца, однако Пришедший научить послушанию не оказался бы послушным, если бы творил Свою волю. Не тем ли более мы окажемся виновными в непослушании, если будем исполнять свои пожелания? Вот этот Павел образец всем нам! Своим послушанием и простотою духа он достиг столь высокой степени благодатных дарований, что Господь явил чрез него гораздо большие силы, чем чрез самого его наставника...»

И вот по избытку духовных дарований Павла много народа стало стекаться к нему из разных стран для получения исцелений. Блаженный Антоний начал опасаться, как бы он не скрылся в глубину пустыни, избегая докучного многолюдства. Конечно, туда к нему немногие могли бы прийти. И повелел он ему оставаться на том же месте, взяв на себя прием приходящих. Кого же не мог исцелить, тех отсылал к Павлу, как получившему от Бога большую благодать исцелений, и Павел исцелял их. Принял он однажды бесноватого, который, подобно бешеной собаке, кусал всякого, подходившего к нему. Усердно молился Павел, да изженет демона, мучившего несчастного. Но исцеление не совершалось... Павел в простоте своего сердца вдруг, подобно малым детям, воскликнул:

– Не буду ж я есть сегодня, если Ты не исцелишь его!

И Бог послушался Павла, подобно слуге капризного хозяина, и бесноватый получил здравие.

Такую веру и упование на Господа имел Павел!

¹⁹⁰ «Первая и главнейшая добродетель у них – послушание», – говорит Кассиан (Institut. IV, 26, 27; Sulpic. Sever. Dialog. 1, 12, 13; «Луг духовный» в новом переводе, гл. 56 и примеч.).

Глава 32

О пресвитере Пиаммоне

Нельзя пройти молчанием обитателей пустыни, прилегающей к Порфенийскому морю и граничащей с областью города Диолка¹⁹¹. Мы видели там одного дивного пресвитера, по имени Пиаммона, отличавшегося совершенным смирением и кроткой снисходительностью¹⁹². Ему дана была благодать от кровений. Однажды, принося бескровную жертву Господу, он увидел близ Престола Ангела Господня; у него в руках была книга, в которой он записывал имена иноков, приступавших к Святому Престолу. Старец внимательно замечал, чьи имена пропускал Ангел. После окончания Литургии он призвал к себе порознь каждого из пропущенных Ангелом и спрашивал, нет ли у него на совести какого-нибудь втайне совершенного греха. И при этой исповеди открыл, что каждый из них был повинен в смертном грехе... Тогда он убеждал их принести раскаяние и, сам вместе с ними повергаясь пред Господом, день и ночь со слезами молился, как бы причастный их грехам. И пребывал он в покаянии и слезах до тех пор, пока снова не увидел Ангела, предстоявшего Престолу и записывавшего имена приступавших ко Святым Тайнам. Записав имена всех, Ангел стал даже по именам называть каждого, приглашая приступить к Престолу для примирения с Богом. И увидав это, старец понял, что принято их раскаяние, и с радостью допустил всех к Престолу.

Говорили про него, что однажды он жестоко избит был злыми духами, до того, что не мог ни стоять, ни двинуться с места. Настал воскресный день, надобно было совершать Литургию. Пиаммон приказал братии на руках принести его в алтарь. Он лежал на полу и молился. И вот Ангел Господень, являвшийся ему у престола, простирает ему руку и воздвигает его от земли. Болезнь мгновенно исчезает, и он чувствует себя гораздо лучше, чем прежде.

¹⁹¹ В Нижнем Египте, в так называемой Дельте, жило немало подвижников. Местечко Диолк находилось ближе к Востоку, близ одного из семи рукавов Нила, у так называемого Порфенийского моря.

¹⁹² О прп. Пиаммоне и Иоанне см. у Кассиана (Collat. 18, 19, 1–VI) у Созомена (кн. VI, гл. 28); у Никифора (кн. XI, гл. 35).

Глава 33

Об Иоанне

Жил в тех местах святой муж, полный благодати Божией, по имени Иоанн. Он обладал таким чудным даром утешения, что какою бы скорбью, каким бы горем ни была подавлена душа, — от немногих сказанных им слов вместо тоски исполнялась радостью и весельем. И, вместе с тем, дана была ему от Бога обильная благодать исцелений...

Эпилог

О трудностях путешествия по пустыням

Во многих и других местах Египта, там и сям, видели мы святых Божиих, проявляющих великие силы, совершающих чудеса и исполненных благодати Божией. Писать подробно обо всех – выше сил наших.

Об отцах, живущих в верхней Фиваиде, близ Сиены, мы знаем только по слуху: все они, говорят, выше и славнее тех, кого мы видели. Посетить их самих мы не могли вследствие опасности путешествия. В Египте все вообще местности не безопасны от нападения разбойников, но выше города Ликоса уже встречаются варварские племена... Потому у нас не было никакой возможности побывать там, да, сказать правду, немало натерпелись страху, посещая и те-то места, о которых мы говорили.

Семь раз во время путешествия мы подвергались серьезной опасности, и в восьмой раз, как написано, *противела душе моей жизнь моя* (Иов. 10, 1). Но Бог хранил нас.

Однажды мы шли по пустыне непрерывно пять дней и ночей и совершенно изнемогли от жажды и усталости.

В другой раз мы попали в горную долину с источниками соленой воды. Палящий зной солнца превратил воду в соль, подобно тому как зимою иней обращается в лед. По всему пути из земли высывались острые колья из соли, и дорога была так затруднительна, что не только мы, босые, но и обутые терпели уколы и царапины. Едва-едва мы выбрались из этого места.

В третий раз в пустыне мы пришли в лощину или, лучше сказать, в болото с застоявшейся водой. Дно его было усеяно камнями и вонючей тиной. Мы переходили по пояс в воде. Чуть-чуть болото не затянуло нас. Мы воскликнули словами псалма, взмолившись Богу: *Спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моя. Углебох в тмении глубины и несть постояния* (Пс. 68, 2).

В одном месте застоялась оставшаяся от разлития Нила вода. Три дня мы шли в этой воде и едва смогли выбраться...

Однажды, идя по берегу моря, мы подверглись нападению разбойников. Они гнались за нами на расстоянии десяти тысяч шагов, догнать не могли, но измучили нас до полусмерти...

В другой раз мы едва было не потонули, переправляясь через Нил.

Переплывали озеро Мареотис. Забушевал ветер, и мы были выброшены на берег. Поднялась ужасная буря. Это было в день Божоявления.

На пути к Нитрийским обителям мы зашли в одно место, где также застоялась вода от разлития Нила и образовала болото. Оно кишело зверьми, особенно крокодилами. Выходя из воды греться на солнце, они, растянувшись, лежали по краям болота так, что их можно было считать мертвыми, особенно новичку в тех странах. Мы было подошли к ним посмотреть на них и подивиться их громадности, как вдруг, заслышав шорох шагов наших, они бросились на нас и жестоко гнались за нами. Мы с громкими воплями призывали имя Господа Христа, и Его милосердие спасло нас: звери, бросившиеся на нас, вдруг, как бы гонимые Ангелом, кинулись в болото, а мы скорым шагом поспешили к монастырям, вознося благодарность Богу, избавившему нас от столь великой опасности и явившему над нами такое знамение, Ему же слава и честь во веки веков. Аминь.